

ДЕЛО №...

ДЕЛО №...

Владимир АНТОНОВ
Владимир КАРПОВ

РАЗВЕДЧИЦЫ

СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

«ЖЕНЩИНЫ-РАЗВЕДЧИКИ
ЯВЛЯЮТСЯ САМЫМ
ОПАСНЫМ
ПРОТИВНИКОМ,
ПРИЧЕМ
ИХ ТРУДНЕЕ ВСЕГО
ИЗОБЛИЧИТЬ...»

В. АНТОНОВ
В. КАРПОВ

Владимир
АНТОНОВ
Владимир
КАРПОВ

РАЗВЕДЧИЦЫ

СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Д
Е
Л
О
М
И
Р
А

Как свидетельствует
история разведывательных
служб мира,
женщина великолепно
справляется со своей ролью,
являясь достойным и грозным
противником мужчины
в том, что касается
проникновения в чужие тайны...

ISBN 5-235-02750-7

9 785235 027503 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ДЕЛО

СЕРИЯ «ДЕЛО №...»

Владимир АНТОНОВ
Владимир КАРПОВ

РАЗВЕДЧИЦЫ

三
三
三
三
三
三
三

Владимир АНТОНОВ
Владимир КАРПОВ

РАЗВЕДЧИЦЫ

«Женщины-разведчики
являются самым опасным противником,
причем их труднее всего изобличить...»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2004

УДК 355.34-055.2
ББК 67.401.212
А 72

Серия основана в 2004 году

*Серийное оформление
ИГОРЯ СУСЛОВА*

Сотрудницам
Службы внешней разведки
Российской Федерации,
а также женам разведчиков
посвящается

Женщины и разведка

(Вместо предисловия)

О роли в разведке «женского фактора» споры не утихают на протяжении многих лет. Большинство обычных людей считает, что разведка — не женское дело, что эта профессия — чисто мужская, требующая мужества, самообладания, готовности пойти на риск, принести себя в жертву ради достижения поставленной цели. По мнению этой части человечества, если женщин и используют в разведке, то исключительно в качестве «медовой ловушки», то есть для соблазнения доверчивых простаков, являющихся носителями важных государственных или военных секретов. Действительно, и сегодня специальные службы ряда государств, в первую очередь Израиля и США, активно используют этот метод для добычи секретной информации, однако он взят на вооружение скорее контрразведкой, нежели разведывательными службами этих стран.

В качестве эталона подобной женщины-разведчицы обычно приводят легендарную Мату Хари или звезду французской военной разведки времен Первой мировой войны Марту Ришар. Известно, что последняя являлась любовницей германского военно-морского атташе в Испании майора фон Крона и сумела не только выведать важные секреты военной разведки Германии, но и парализовать деятельность созданной им агентурной сети в этой стране. Тем не менее данный экзотический метод использования женщин в разведке является скорее исключением, нежели правилом.

А что думают на этот счет сами разведчики?

Некоторые из профессионалов к женщинам-разведчицам относятся скептически. Как пишет известный жур-

налист Александр Кондрашов, о непригодности женщин к ведению серьезной разведывательной работы говорил даже такой легендарный военный разведчик, как Рихард Зорге. По свидетельству журналиста, «Рихард Зорге привлекал женщин-агентов только для вспомогательных целей. Он утверждал: “Женщины абсолютно не приспособлены для ведения разведывательной работы. Они слабо разбираются в вопросах высокой политики или военных делах. Даже если вы привлечете их для шпионажа за собственными мужьями, у них не будет реального представления, о чем говорят их мужья. Они слишком эмоциональны, сентиментальны и нереалистичны”».

Правда, следует учитывать, что это высказывание выдающийся советский разведчик позволил себе во время суда над ним. Сегодня мы знаем, что во время судебного процесса Зорге всеми силами стремился вывести из-под удара своих соратников и помощников, среди которых были и женщины, взять всю вину на себя, представить своих единомышленников невинными жертвами собственной игры. Отсюда — его стремление принизить роль женщин в разведке, ограничить ее решением лишь вспомогательных задач, показать неспособность «прекрасного пола» к самостоятельной работе. К тому же Зорге хорошо знал менталитет японцев, считающих женщин существами «второго сорта». Кроме того, ему великолепно было известно широкое использование японскими спецслужбами в годы войны женской агентуры в качестве «медовой ловушки». Поэтому точка зрения советского разведчика была понятна японскому правосудию, и это спасло жизни его помощникам.

Однако мы ведем здесь речь не об этих женщинах, пусть даже сыгравших важную роль в истории разведок различных стран мира. Наше повествование посвящено женщинам—разведчицам и агентам, самостоятельно выполнявшим задания внешней разведки органов государственной безопасности нашей страны. Разными путями героини этой книги пришли в разведку. Но выбор их в качестве оперативных работников или агентов конечно же не был случайным — отбор женщин на нелегальную

работу был особенно тщательным. Офицеру нелегальной разведки мало хорошо владеть иностранными языками и основами разведывательного искусства. Он должен уметь вжиться в роль, быть своего рода артистом, чтобы сегодня, например, выдавать себя за аристократа, а завтра — за священника. Стоит ли говорить о том, что большинство женщин владеет искусством перевоплощения лучше, чем мужчины?

К тем из разведчиц, кому довелось работать в нелегальных условиях за рубежом, предъявлялись повышенные требования также с точки зрения выдержки и психологической выносливости. Женщинам-нелегалам приходилось долгие годы жить вдали от Родины, и даже организация обычной поездки в отпуск требовала всесторонней и глубокой проработки, с тем чтобы исключить возможность провала. К тому же не всегда женщина — сотрудник нелегальной разведки может общаться только с теми людьми, которые ей по душе. Зачастую дело обстоит как раз наоборот, и надо уметь владеть своими чувствами, что для женщины непростая задача.

«Некоторые полагают, что разведка — не самая подходящая деятельность для женщины, — говорит Галина Ивановна Федорова, замечательная советская разведчица-нелегал, около пятнадцати лет проработавшая в особых условиях за границей. — В противоположность «сильному полу» она более чувствительна, хрупка, легко ранима, теснее привязана к семье, домашнему очагу, сильнее предрасположена к ностальгии. Самой природой ей предназначено быть матерью, поэтому отсутствие детей или длительная разлука с ними переживаются ею особенно тяжело. Все это так, но те же «маленькие слабости» женщины дают ей мощные рычаги воздействия в сфере человеческих взаимоотношений в среде правительственных и иных чиновников».

Предвоенный период и Вторая мировая война, принесшая неслыханные беды человечеству, в корне изменили подход к разведке вообще и к роли в ней «женского фактора» в частности. Большинство людей доброй воли в Европе, Азии и Америке остро осознали опасность, кото-

рую несет нацизм всему человечеству. В суровые годы военного лихолетья сотни честных людей разных стран добровольно связали свою судьбу с деятельностью внешней разведки нашей страны, выполняя ее задания в различных уголках мира. Яркие страницы в летопись героических свершений советской внешней разведки вписали и женщины-разведчицы, действовавшие в Европе накануне войны и на территории Советского Союза, временно оккупированной гитлеровской Германией.

Опыт Второй мировой войны свидетельствует, что женщины способны не хуже мужчин выполнять важнейшие разведывательные задания. Известный российский журналист Вячеслав Лашкул, специализирующийся на истории спецслужб различных стран, рассказывает: «Накануне Второй мировой войны резидент советской нелегальной разведки в Берлине Федор Парпаров, имевший на связи жену видного германского дипломата «Марту» (она же — «Юна», она же «Августа»), регулярно информировал Центр о переговорах германского МИДа с британскими и французскими партнерами. Из них следовало, что Лондон и Париж больше заботили вопросы борьбы с коммунизмом, нежели организация коллективной безопасности в Европе и отпор фашистской агрессии.

От «Марты» были получены, в частности, сведения об источнике германской разведки в генштабе Чехословакии, регулярно снабжавшем Берлин совершенно секретной информацией о состоянии и боеготовности чехословацких вооруженных сил. Благодаря этим данным, советская разведка предприняла меры по его компрометации и аресту чешскими органами безопасности».

Одновременно с Ф. Парпаровым в предвоенные годы в самом сердце Германии, в Берлине, работали и другие советские разведчики. Среди них была Ильзе Штёбе («Альта»), журналистка, курировавшая немецкого дипломата Рудольфа фон Шелия («Ариец»). От нее в Москву шли важные сообщения с предупреждениями о предстоящем нападении Германии.

Еще в феврале 1941 года «Альта», в частности, сообщила о формировании трех групп армий под командова-

нием маршалов Бока, Рундштедта и Лееба и направлении их главных ударов на Ленинград, Москву и Киев.

«Альта» была убежденной антифашисткой и считала, что только СССР сможет сокрушить фашизм. В начале 1943 года «Альта» и ее помощник «Ариец» были арестованы гестаповцами и казнены вместе с участниками «Красной капеллы».

Елизавета Зарубина, Леонтина Козн, Елена Модржинская, Китти Харрис, о которых рассказывается на страницах этой книги, работали на советскую разведку накануне и в ходе войны, выполняли ее задания порой с риском для жизни. Ими двигало чувство долга и настоящего патриотизма, стремление оградить мир от гитлеровской агрессии.

Важнейшая информация в ходе войны поступала не только из-за рубежа. Она постоянно шла и от многочисленных разведывательных групп, действовавших поблизости или вдали от линии фронта на временно оккупированной территории.

Читателям хорошо известно имя Зои Космодемьянской, чья величественная смерть стала символом мужества. Семнадцатилетняя «Таня» — боец-разведчица группы специального назначения, входившей в состав фронтовой разведки, стала первой из восьмидесяти шести женщин — Героев Советского Союза военного периода.

Немеркнущие страницы в историю разведки нашей страны вписали и женщины-разведчицы из легендарного отряда специального назначения «Победители» под командованием Дмитрия Медведева, действовавшей в Одессе оперативной разведывательно-диверсионной группы Владимира Молодцова и многих других боевых подразделений 4-го управления НКВД, добывавшие в годы войны важную стратегическую информацию и отдавшие свои жизни во имя победы над врагом.

Скромная девушка из Ржева Паша Савельева сумела получить и переправить в свой отряд образец химического оружия, которое гитлеровское командование намеревалось использовать против Красной Армии. Схваченная гитлеровскими карателями, она подверглась чудовищным

пыткам в гестаповских застенках украинского города Луцка. Ее мужеству и самообладанию могут позавидовать даже мужчины: несмотря на зверские избиения, девушка не выдала своих товарищей по отряду. Утром 12 января 1944 года Паша Савельева была заживо сожжена во дворе луцкой тюрьмы. Однако смерть ее не была напрасной: полученные разведчицей сведения были доложены Сталину. Союзники Кремля по антигитлеровской коалиции серьезно предупредили Берлин, что в случае использования Германией химического оружия неотвратимо последует возмездие. Так благодаря подвигу разведчицы была предотвращена химическая атака немцев против наших войск.

Разведчица отряда «Победители» Лидия Лисовская была ближайшей помощницей Николая Ивановича Кузнецова. Работая официанткой в казино хозяйственного штаба оккупационных войск на Украине, она помогала Кузнецову завязывать знакомства с немецкими офицерами и собирать информацию о высокопоставленных фашистских чиновниках в Ровно.

Кроме того, она привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микоту, которая по заданию Центра стала агентом гестапо и информировала партизан о всех карательных рейдах немцев. Через Марию Кузнецов познакомился с офицером СС фон Ортелем, входившим в команду известного немецкого диверсанта Отто Скорцени. Именно от Ортеля советский разведчик впервые получил информацию о том, что немцы готовят диверсионную акцию во время встречи глав СССР, США и Великобритании в Тегеране.

Осенью 1943 года Лидия Лисовская по заданию Николая Кузнецова устроилась экономкой к командующему восточными армиями особого назначения генерал-майору Ильгену. Он являлся ключевой фигурой в руководстве вооруженными формированиями, состоявшими в основном из националистов, которые перешли на сторону оккупантов. 15 ноября 1943 года при непосредственном участии Лидии была проведена операция по похищению генерала Ильгена и переправке его в отряд.

За смелость, проявленную в борьбе с оккупантами, Лидия Ивановна Лисовская была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. 26 октября 1944 года разведчица стала жертвой фашистских агентов, которые действовали на территории Украины и после ее освобождения от оккупантов.

Военное лихолетье, из которого Советский Союз вышел с честью, сменилось долгими годами «холодной войны». Соединенные Штаты Америки, имевшие монополию на атомное оружие, не скрывали своих имперских планов и устремлений уничтожить Советский Союз и все его население с помощью этого смертоносного оружия. Атомную войну против нашей страны военщина Пентагона планировала развязать в 1957 году. Потребовались невероятные усилия со стороны всего нашего народа, едва оправившегося от чудовищных ран Великой Отечественной войны, напряжение всех его сил, чтобы сорвать людоедские планы США и НАТО. Но для принятия верных решений политическое руководство СССР нуждалось в достоверной информации о реальных планах и замыслах американской военщины. Важную роль в получении секретных документов Пентагона сыграли и женщины-разведчицы. Среди них — Ирина Алимова, Галина Федорова, Анна Филоненко, Елена Чебурашкина и многие другие.

Годы «холодной войны» канули в Лету, сегодняшний мир стал более безопасным, чем сорок лет назад, и важная роль в этом принадлежит внешней разведке. Изменившаяся военно-политическая ситуация на планете привела к тому, что нынче женщины меньше используются на оперативной работе непосредственно «в поле». Исключением здесь, пожалуй, опять-таки являются израильская разведка «Моссад» и американское ЦРУ. В последнем женщины не просто выполняют функции «полевых» оперативных работников, но даже возглавляют разведывательные коллективы за рубежом.

Наступивший XXI век, безусловно, явится веком торжества равноправия между мужчиной и женщиной даже в такой специфической сфере человеческой деятельности, как разведывательная и контрразведывательная работа. Примером этому являются спецслужбы такой консервативной страны, как Англия.

В вышедшей недавно книге «Разведчики и шпионы» приводятся следующие сведения, посвященные «элегантной агентуре» английских спецслужб:

«Более 40 процентов сотрудников разведки МИ-6 и контрразведки МИ-5 Великобритании — женщины. Помимо Стеллы Римингтон, до недавнего времени возглавлявшей службу МИ-5, руководителями четырех из двенадцати отделов контрразведки также являются женщины. В беседе с членами британского парламента С. Римингтон заявила, что в сложных ситуациях женщины зачастую оказываются более решительными и при выполнении спецзадач в меньшей степени подвержены сомнениям и угрызням совести за содеянное по сравнению с мужчинами.

По мнению англичан, наиболее перспективным является использование женщин в мероприятиях по вербовке агентуры мужского пола, а увеличение женского персонала среди оперсостава в целом приведет к повышению эффективности оперативной деятельности.

Приток женщин на работу в спецслужбы во многом объясняется возросшим за последнее время количеством сотрудников-мужчин, желающих оставить службу и заняться бизнесом. В этой связи стал активнее проводиться поиск и отбор кандидатов для работы в британских спецслужбах среди студенток ведущих университетов страны».

Иной искушенный читатель, вероятно, может сказать: «США и Англия — это благополучные страны, они могут позволить себе роскошь привлекать женщин для работы в спецслужбах даже в роли «полевых игроков». Что же касается разведки Израиля, то она активно использует в своей работе тот исторический факт, что женщины всегда играли и играют большую роль в жизни еврейской

общины любой страны мира. Эти страны — нам не указ». Однако он ошибется.

Журналист Алексей Афанасьев сообщает в «Независимом военном обозрении»: «В начале 2001 года министром по делам всех спецслужб Южно-Африканской Республики стала Линдиве Сисулу. Ей 47 лет, и в спецслужбах она не новичок. В конце 1970-х, когда партия «Африканский национальный конгресс» была еще в подполье, она прошла специальную подготовку в военной организации АНК «Умконто весизве» («Копье народа») и специализировалась на разведке и контрразведке. В 1992 году возглавила отдел безопасности АНК. Когда в ЮАР был создан объединенный с белым меньшинством парламент, возглавляла в нем комитет по разведке и контрразведке. С середины 1990-х годов работала заместителем министра внутренних дел. Известно, что сейчас под ее начало перейдет и считавшееся ранее независимым Национальное разведывательное агентство».

Почему приветствуется служба женщин в разведке? Специалисты сходятся на том, что женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит «копаться» в подробностях, а в них, как известно, «кроется сам дьявол». Женщины усидчивее, терпеливее, методичнее, нежели мужчины. А если к этим качествам добавить и их внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах разведслужб любой страны, являясь их украшением. Порой женщинам-разведчицам поручается проведение операций, связанных, в частности, с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, крайне нежелательно.

Сочетание же лучших психологических качеств как мужчин, так и женщин, ведущих разведку за рубежом, особенно с нелегальных позиций, является сильной стороной любой разведслужбы мира. Недаром такие разведывательные «танделы», как Леонтина и Моррис Коэн,

Геворк и Гоар Вартанян, Анна и Михаил Филоненко, Галина и Михаил Федоровы и многие другие — известные и неизвестные широкой общественности, — вписаны золотыми буквами в историю внешней разведки нашей страны.

На вопрос, какими главными качествами должна, по ее мнению, обладать разведчица, одна из героинь данной книги Зинаида Николаевна Батраева ответила: «Отличной физической подготовкой, способностями к изучению иностранных языков и умением общаться с людьми».

В этой специфической сфере человеческой деятельности представительницы «прекрасного пола» ни в чем не уступают мужчинам, а кое в чем даже превосходят их. Как свидетельствует история разведывательных служб мира, женщина великолепно справляется со своей ролью, являясь достойным и грозным противником мужчины в том, что касается проникновения в чужие тайны.

В заключение приведем выдержки из лекций одного из ведущих в свое время американских контрразведчиков Чарльза Росселя, прочитанных им зимой 1924 года в Нью-Йорке на сборах офицеров разведки армии США. С той поры прошло 80 лет, но его советы актуальны для сотрудников спецслужб любой страны и по сей день.

Совет контрразведчикам:

«Женщины-разведчики являются самым опасным противником, причем их всего труднее изобличить. При встрече с подобными женщинами вы не должны позволять симпатии или антипатии влиять на ваше решение. Такая слабость может иметь для вас роковые последствия».

Совет разведчикам:

«Избегайте женщин. С помощью женщин было поймано много хороших разведчиков. Не доверяйте женщинам, когда вы работаете на территории противника. Имея дело с женщинами, никогда не забывайте играть взятую на себя роль».

Один француз, бежавший из германского концентрационного лагеря, остановился в кафе вблизи швейцар-

ской границы, ожидая наступления ночи. Когда официантка подала ему меню, он поблагодарил, что ее очень удивило. Когда она принесла ему пиво и еду, он снова поблагодарил ее. Пока он ел, официантка позвала сотрудника германской контрразведки, потому что, как она говорила впоследствии, такой вежливый человек не мог быть немцем. Француз был арестован».

Основное правило поведения разведчика:

«Остерегайтесь женщин! История знает много случаев, когда женщины способствовали поимке разведчиков-мужчин. Вы должны обращать внимание на женщину только в том случае, когда подозреваете, что она является агентом службы разведки или контрразведки противника, и то лишь при уверенности, что вполне владеете собой».

Разведчики, а особенно разведчики-нелегалы, отправляются на выполнение заданий Родины за границу в большинстве случаев в составе семейных пар. Поэтому, говоря о замечательных женщинах-разведчицах, нам придется рассказать и об их мужьях, несущих, как правило, большую нагрузку при решении оперативных задач, в первую очередь в физическом и моральном плане.

«РУССКИЙ ЖАВОРОНОК» СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

В 1940 году во французской каторжной тюрьме города Ренн скончалась при невыясненных обстоятельствах русская эмигрантка, знаменитая певица Надежда Плевицкая, чьим голосом восхищались Леонид Собинов, Федор Шаляпин и даже сам император России Николай II, чья семья дружила с этой простой русской девушкой. Скончалась она в тюрьме после того, как двумя годами раньше «гуманное» французское правосудие приговорило ее к 20 годам каторжных работ за соучастие в похищении генерала Миллера, руководителя Русского общевойсцкого союза (РОВС). На суде Надежда Плевицкая виновной себя не признала. Чтобы доказать обратное, французская контрразведка даже пошла на тайную запись с помощью скрытых микрофонов ее предсмертной исповеди у православного священника. Однако и это не принесло желаемых результатов.

Надежда Плевицкая (настоящая фамилия — Винникова) родилась 17 января 1884 года в селе Винниково Курской губернии в многодетной крестьянской семье.

В книге воспоминаний «Дежкин карагод» («Надеждин хоровод»), вышедшей мизерным тиражом в Берлине в 1925 году, Плевицкая так рассказывала о своем детстве:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто «закон» осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка потолще со словами:

— Отваляю, по чем ни попало.

А вот и преступления наши:

Родители не разрешали долго загуливать. «Чтобы за-светло дома были», — наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что «хорошая слава в коробе лежит, а дурная по дорожке бежит».

Вот той славы, что «по дорожке бежит», мать и боялась.

У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полны, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует.

Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами возились, мешками таскали орехи, которые припрятывали до Рождества».

Петь Надежда начала с детства, подражая старшей сестре Татьяне. Ее голосом заслушивались окружающие.

Однако вскоре отец девушки Василий Винников умер, и семья познала нужду. Надежда вынуждена была работать поденщицей: стирала белье, зарабатывая себе на пропитание. Через некоторое время после смерти отца мать отвезла ее в Троицкий женский монастырь, поскольку в то время земля делилась только между сыновьями, а идти в батрачки Надежда не захотела. Но в монастыре Надежда долго не задержалась: ее душа требовала песни. Из Троицкого монастыря она уехала в Киев, чтобы попытать счастья на эстраде. Желание стать певицей привело Надежду в хор А. Липкиной. После испытания

она была принята ученицей. Надежде положили восемнадцать рублей жалования в месяц на всем готовом. Тогда она еще практически не умела ни читать, ни писать, поскольку после смерти отца денег на учебу не было.

Из воспоминаний Надежды Плевицкой:

«В хоре все певцы были женатыми, и делился хор на семейных, на учениц и хористок и на дам, располагавших собой как им заблагорассудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики эстрады, они выступали по несколько раз в вечер. Учениц в хоре было шесть, все подростки, в их числе и я. Нас обучали для капеллы и держали в ежовых рукавицах: девчонок никуда не пускали самостоятельно по городу.

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда чувство дурное? Когда шла в монастырь, желала правды чистой, но почувяла там, что совершенной чистоты-правды нет. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаган сверкнул внезапным блеском, и почувяла душа правду иную, высшую правду — красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную.

Вот и шантан. Видела я там хорошее и дурное, бывало мутно и тяжело душе — ох как, — но «прыгать»-то было некуда. Я ведь еле умела читать и писать, учиться не на что. А тут петь учили...

Вспоминаю, как приехал к нам хор Славянского.

Я тогда ходила как потерянная, замороженная и, слушая его, стала гордиться, что и я русская. А сам Славянский казался мне славным богатырем из древних бывальщин, которые мне сказывали в детстве.

Русская песня — простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. Русская песня не знает рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы

записать музыку русской души: нотной бумаги, нотных знаков не хватит. Несметные сокровища там таятся — только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу».

В хоре А. Липкиной Надежда упорно овладевала эстрадным искусством, исполняя русские народные песни. Выступала она под сценическим псевдонимом Плевицкая. Ее уникальный голос привлек внимание публики, и директор знаменитого в ту пору московского ресторана «Яр» Судаков предложил ей подписать ангажемент. После долгих колебаний Надежда согласилась. Купеческий «Яр» имел свои традиции и обычаи, которые нарушать никому не полагалось. В частности, певицы не должны были выходить на сцену в большом декольте. Чинный и строгий Судаков, беседуя с Плевицкой, предупредил ее: «К «Яру» московские купцы возят своих жен, и боже сохрани допустить какое-либо неприличие».

Первый дебют Плевицкой был удачен, москвичам она понравилась. Певице было предложено возобновить контракт с «Яром» на зиму 1909 года. А осенью следующего года Плевицкая, ставшая уже известной, подписала выгодный контракт с Нижегородской ярмаркой. Там на ее талант обратил внимание знаменитый певец Леонид Собинов, который предложил ей выступить вместе с ним на благотворительном концерте в Нижегородском оперном театре. Выступление певицы на большой сцене было успешным, и Л. Собинов посоветовал ей заняться самостоятельной концертной деятельностью. Здесь ее ожидал оглушительный успех. Выступавшая с исполнением русских народных песен, Плевицкая быстро стала знаменитой. Ее имя называли в одном ряду с Федором Шаляпиным, который высоко ценил талант певицы и называл ее «русским жаворонком».

Надежда Плевицкая стала часто выступать в высшем свете. На нее обратила внимание и царская семья. В Царскосельском дворце бывшая прачка исполняла русские песни перед государем Николаем II и его приближенными. Как рассказывали очевидцы, последний император

всероссийский, слушая их, низко опускал голову и плакал. В знак благодарности Николай II подарил знаменитой певице драгоценный перстень со своей руки. Царя и его семью Плевицкая боготворила, Николая II называла «мой хозяин и батюшка».

С началом Первой мировой войны Надежда Плевицкая, чья слава гремела по всей России, выезжает с концертной бригадой в действующую армию. Она становится сиделкой в военном госпитале в Ковно, поет для раненых в лазаретах, а порой и перед солдатами на передовой.

После Октябрьской революции Надежда Плевицкая осталась в Москве: крестьянская дочь, она не помышляла об эмиграции, тем более что за границей ее никто не ждал, капиталов в банках не было. Находясь на стороне красных, она говорила в своем окружении, что с одинаковым чувством может спеть и «Боже, царя храни» и «Смело мы в бой пойдем», все зависит от аудитории.

В первые годы Гражданской войны Плевицкая неоднократно выезжала на фронт, давала концерты перед красноармейцами. Во время одной из таких поездок в сентябре 1919 года она попала в плен к белым под родным Курском. Здесь Надежда встретила молодого командира Корниловского полка, тогда еще полковника, Николая Скоблина.

Наша справка

Николай Владимирович Скоблин родился в 1893 году в Нежине. Окончил кадетский корпус. В 1914 году окончил военное училище и в чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. За храбрость и боевые заслуги был награжден орденом Святого Георгия.

В 1917 году, будучи штабс-капитаном, вступил добровольцем в ударный батальон. Затем командовал Корниловским полком, одним из четырех полков Добровольческой армии, которые были укомплектованы только офицерами. Не имея высшего военного образования, к концу Гражданской войны дослужился до командира Корниловской дивизии и звания генерал-майора (1920 г.).

Скоблин влюбился в Плевицкую и предложил выйти за него замуж, она согласилась. Так Надежда стала женой генерала Скоблина, с которым связала свою дальнейшую жизнь. Плевицкая была старше Скоблина на девять лет, но это не помешало им долгие годы оставаться любящей и верной парой.

Гражданская война закончилась поражением белых. В 1920 году генерал Врангель с остатками своей армии бежал из Крыма в Турцию. Вместе с ним в эмиграции оказались генерал Скоблин с Надеждой Плевицкой, а также сотни тысяч бывших русских офицеров и солдат.

Плевицкая и ее муж были отправлены в лагерь для перемещенных лиц, который находился на полуострове Галлиполи под Стамбулом. По воспоминаниям певца Александра Вертинского, Плевицкая и Скоблин со времен Галлиполи дружили с семьями генералов Кутепова и Миллера.

Один из бывших офицеров Добровольческой армии Дмитрий Мейснер, вспоминая о пребывании в галлиполийском лагере, рассказывал:

«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блестящие своего несравненно-го таланта. Эта удивительная певица, исполнительница русских народных песен, тогда только начинавшая немного увядать, высокая стройная женщина, была кумиром русской галлиполийской военной молодежи. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках. Она была женой одного из наиболее боевых генералов Белой армии».

Значительная часть рядового и офицерского состава Русской армии за границей оказалась на положении беженцев. В армейской среде зародилось движение за возвращение на Родину, которое усилилось после принятия

ВЦИК СССР 7 ноября 1921 года Декрета об амнистии. 6 мая 1922 года русская эмиграция за рубежом создала организацию «Союз возвращения на Родину» (Совнарод). Оказавшись против своей воли в эмиграции, Надежда Плевицкая убеждала мужа последовать примеру его соратников, в частности генерала Слащева, возвратившегося в Россию и ставшего преподавателем Военной академии. Она подчеркивала, что как русская народная певица может легко устроиться у красных и даже «продвинуть своего мужа по службе». Однако в тот момент Николай Скоблин согласия на возвращение не дал. Он оставался на положении почетного командира Корниловского полка, большинство офицеров которого проживало во Франции.

Находясь за рубежом, Плевицкая не прекращала концертную деятельность, выступала в Болгарии, Прибалтике, Польше, Германии. Ее песни слушали в Праге, Брюсселе, Париже и других европейских столицах, где проживали русские эмигранты. И везде ее неизменно сопровождал Скоблин. В 1926 году певица совершила турне по Америке. В октябре она дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского представительства Амторга — государственной торговой организации, одновременно выполнявшей консульские функции. Этот шаг знаменитой певицы вызвал замешательство в рядах белой эмиграции. В ответ на нападки эмигрантской прессы Плевицкая заявила журналистам: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики».

В результате разразившегося скандала руководитель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал Врангель 9 февраля 1927 года отдал приказ об освобождении генерала Скоблина от командования Корниловским полком. Скоблин остался без дела и средств к существованию. Впрочем, его опала длилась недолго, и в том же 1927 году он снова вернулся в Корниловский полк.

Вначале Скоблин и Плевицкая обосновались в Париже. Певец Александр Вертинский, проживавший в то время во французской столице, сразу обратил внимание на эту супружескую пару. Он вспоминал:

«В русском ресторане «Большой Московский Эрмитаж» в Париже пела и Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Эмигрантская жизнь у супругов не очень ладилась. Они перебрались в парижский пригород Озуар-ля-Феррьер. Одновременно взяли в аренду большой участок земли с виноградником неподалеку от Ниццы. Однако в результате неурожая винограда быстро разорились. В Озуар-ля-Феррьер супруги жили в доме, купленном в рассрочку на десять лет, за который ежемесячно выплачивали по 800 франков. В то время это были большие деньги, и Надежде Плевицкой, чтобы заработать, приходилось часто выезжать на гастроли в европейские города, где проживали русские эмигранты. Однако денег все равно не хватало. Кроме того, «аристократическая Россия», нашедшая приют во Франции, считала брак Скоблина с «мужичкой» Плевицкой мезальянсом. Бывшие титулованные особы, ставшие в Париже таксистами, официантами и содержателями публичных домов, любили слушать ее песни, однако в свой круг не допускали.

Плевицкая и ее муж попали в поле зрения советской разведки, которой было хорошо известно положение Скоблина в РОВС. Внешняя разведка органов государственной безопасности — Иностранный отдел ОГПУ — активно разрабатывала русскую военную эмиграцию, в том числе созданный в 1924 году Русский общевоинский союз. Он числился среди главных объектов проникновения Иностранного отдела, который имел в нем свою агентурную сеть.

Известный писатель и историк Леонид Млечин по этому поводу писал:

«Русский общевоинский союз Москва считала источником постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВС — вооруженное выступление против Советской власти. Конечно, в конце 1920-х — начале 1930-х годов рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны.

Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо призовут под свои знамена и полки бывшей Добровольческой армии. Тем более что структура ее сохранилась и в эмиграции. Офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной Армии.

В конце 1920-х годов руководство РОВС начало широко организовывать террористические акты внутри Советского Союза. Оружие, взрывчатка и другое снаряжение забрасывалось через границу, чаще всего советско-финляндскую, или морским путем. Подготовкой террористических групп занимались отделения РОВС в Париже, Бухаресте, Софии и Белграде. Этим группам оказывали помощь 2-й отдел Генштаба французской армии, польская дефензива, румынская сигуранца, финская контрразведка, получая от РОВС в качестве платы информацию о ситуации в СССР».

По заданию советской внешней разведки 2 сентября 1930 года для встречи со Скоблиным в Париж прибыл его однополчанин Петр Ковальский, воевавший вместе с генералом в Добровольческой армии. Ковальский работал на Иностранный отдел ОГПУ и имел оперативный псевдоним «Сильвестров».

Скоблин обрадовался встрече с бывшим однополчанином и познакомил его с Плевицкой. Посетив несколько раз супругов в их доме, «Сильвестров» убедился, что Скоблин полностью находится под влиянием жены, и принял решение привлечь их обоих к сотрудничеству с

советской разведкой. В ходе беседы с генералом он передал Скоблину письмо от его старшего брата, который проживал в Советской России, и от имени Генерального штаба Красной Армии предложил генералу возвратиться на Родину, гарантировав ему хорошую должность в штабе.

Однако Скоблин был не готов к такому повороту событий и сказал, что должен посоветоваться с женой. «Сильвестров» решил действовать через Плевицкую. В беседе с ней он сказал, что ее на Родине хорошо знают и помнят как выдающуюся певицу и в случае возвращения хорошо к ней отнесутся. Что же касается ее мужа, то он для России не враг и может вернуться домой в любое время. Если Скоблин согласится служить Советской России, то его безопасность будет гарантирована. Плевицкая с интересом отнеслась к предложению «Сильвестрова» и обещала повлиять на мужа.

Вскоре Николай Скоблин дал письменное согласие работать на советскую внешнюю разведку. Он написал заявление на имя ЦИК СССР следующего содержания:

«Двенадцать лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав свою крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г.

Н. Скоблин.

Такую же подписку дала и Надежда Плевицкая. Их заявления были переправлены в Москву начальнику ИНО ОГПУ Артуру Христиановичу Артузову, который наложил на них следующую резолюцию: «Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом «Фермер» и агентурным номером ЕЖ/13». Плевицкой был присвоен псевдоним «Фермерша».

21 января 1931 года в Берлине состоялась очередная встреча Николая Скоблина и Надежды Плевицкой с представителем Центра. Он объявил супругам, что ВЦИК персонально амнистировал их. В свою очередь генерал подчеркнул, что перелом произошел в нем еще шесть лет назад, когда у него наступило полное разочарование в идеалах Белого движения. У него не было только удобного случая перейти на сторону Советов.

После беседы с представителем Центра Скоблин и Плевицкая написали обязательства о сотрудничестве с советской разведкой следующего содержания:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Н. Скоблин /
Н. Плевицкая-Скоблина.

Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотноси-

тельно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин /
Надежда Васильевна Плевицкая-Скоблина».

В ходе беседы с представителем Центра перед Скоблиным была поставлена задача укреплять связи со всеми знакомыми ему деятелями РОВС и других белых организаций. Надежде Плевицкой поручалось своими выступлениями на благотворительных вечерах РОВС повышать авторитет свой и своего мужа.

После тщательной проверки Скоблина Центр сделал вывод о том, что «Фермер» — «добросовестный и талантливый агент».

Первоначально по соображениям конспирации связь «Фермера» с советской разведкой осуществлялась по почтовому каналу на Вену. Центр сообщил в резидентуру, что считает вербовку генерала «ценным достижением в нашей работе». Относительно Плевицкой Центр писал:

«По докладу «Сильвестрова» она также дала согласие на сотрудничество. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно «согласие». Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она вращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

В 1930 году Кутепова на посту руководителя РОВС сменил генерал Миллер, ближайшим сотрудником которого стал Скоблин. С его помощью советская разведка была в курсе всех замыслов вооруженной эмиграции, мечтавшей об организации «крестового похода» против СССР.

В течение семи лет супруги добросовестно работали на советскую разведку. Разумеется, главная роль в этом разведывательном тандеме принадлежала Николаю Скоблину, который вскоре, по оценке ИНО ОГПУ, стал «одним из лучших источников разведки, который довольно четко информировал Центр о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках ее руководителя Миллера в другие страны».

Скоблин возглавлял отдел РОВС по связям с периферийными органами и был осведомлен обо всем, что планировалось в кругах русской эмиграции, в том числе о совместных операциях с участием разведок Румынии, Польши, Болгарии и Финляндии.

Гастроли Надежды Плевицкой по Европе, в которых ее неизменно сопровождал Скоблин, позволяли ему инспектировать периферийные организации РОВС и передавать советской разведке интересующие ее сведения.

Через некоторое время Плевицкая также стала важным источником информации. Кроме того, она копировала секретные документы РОВС, которые Скоблин на несколько часов приносил домой, писала агентурные сообщения и выполняла роль связной.

О том, какое значение для советской разведки имел Николай Скоблин, свидетельствует содержание докладной записки, подготовленной в середине 1934 года куратором французского направления ее деятельности С. М. Шпигельгласом на имя начальника Иностранного отдела ОГПУ при СНК СССР А. Х. Артузова:

«Завербованные нами «Фермер» и его жена «Фермерша» стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, «Фермер», будучи завербован, занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую по-

литуку РОВС, так и на проведение боевой работы.

Основные результаты работы «Фермера» сводятся к тому, что он:

во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым (бывший начальник штаба Врангеля генерал П. Н. Шатилов был вторым человеком в РОВС. — *Примеч. авт.*) и генералом Фоком (бывший командир артиллерии в Галлиполи генерал-майор А. В. Фок руководил террористической деятельностью РОВС, в частности возглавлял школу по подготовке террористов. — *Примеч. авт.*) для заброски в СССР;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся у Туркула (бывший командир Дроздовской дивизии, генерал, ставший одним из руководителей РОВС. — *Примеч. авт.*) и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра;

в-третьих, выяснил, кто из наших людей открыт французам, и разоблачил агента-provокатора, подсунутого нам французами, работавшими у нас 11 месяцев;

в-четвертых, донес о готовящемся Миллером, Драгомировым (генерал от инфантерии, один из руководящих деятелей РОВС. — *Примеч. авт.*), Харжевским (генерал Харжевский являлся почетным командиром Марковского полка. — *Примеч. авт.*) и Фоком убийстве Троцкого;

в-пятых, выдал организацию по подготовке убийства Литвинова (приезжал в Руайян летом 1933 года. — *Примеч. авт.*);

в-шестых, разоблачил работу РОВС из Румынии против СССР.

Исключительная осведомленность агента помогла нам выяснить не только эти шесть дел, но и получить ответы на целый ряд других,

более мелких, но имеющих серьезное оперативное значение вопросов, а также быть совершенно в курсе работы РОВС.

Однако за последнее время мы трижды демонстрировали свою неожиданную осведомленность (два раза через прессу) и тем самым ставим всякий раз агента в чрезвычайно опасное положение, грозящее ему провалом.

Нужно в будущем наши решения об опубликовании полученных от «Фермера» сведений согласовывать всякий раз с тем сотрудником ИНО, который непосредственно связан с агентом, непосредственно следит за его работой и руководит им».

Только за первые четыре года сотрудничества с разведкой Скоблина и Плевицкой на основании информации, полученной от них, ОГПУ арестовало 17 агентов, заброшенных РОВС в СССР, и установило 11 явочных квартир в Москве, Ленинграде и Закавказье.

В этой связи представляют интерес сведения относительно террористической деятельности РОВС, изложенные Л. Млечиным в книге ««Фермер» сообщает из Парижа»:

«Близкие к Кутепову люди, считавшие первоочередной задачей РОВС массовый террор внутри Советского Союза, были не очень довольны его преемником генералом Миллером. Его считали нерешительным и неинициативным, склонным к кабинетной работе и не способным руководить столь крупной организацией. Пожалуй, это было не совсем справедливо по отношению к Евгению Карловичу Миллеру: назначенный Колчаком в 1919 году командующим войсками Северной области, он продемонстрировал жесткую решительность в борьбе с Красной Армией.

Сменив Кутепова, Миллер вовсе не отказался от террора. В секретных документах РОВС, которые становились известны советской разведке, подчеркивалась необ-

ходимость подготовки кадров для террористических групп, для ведения партизанской войны в тылу Красной Армии в случае войны с СССР. Для эмигрантской молодежи Миллер создал в Белграде унтер-офицерские курсы.

Во Франции подготовкой диверсантов занималась организация «Белая идея» (Миллер сформировал ее в 1934 году). Она работала на «северном направлении», то есть боевики РОВС переходили через финскую границу и растворялись в Ленинграде.

Подбором кадров для «Белой идеи» занимался капитан Ларионов. Этот человек импонировал эмигрантской молодежи. В 1927 году он участвовал в подготовке взрыва в ленинградском Деловом клубе. Репутация бесстрашного героя помогла ему отобрать в «Белую идею» двадцать молодых людей, способных к эффективной боевой работе.

Ларионов учил их стрельбе, метанию гранат, изготовлению и закладке взрывчатки, умению ориентироваться, маскироваться. Они тренировались в разведывании объекта диверсии и отходе после взрыва. Ларионов занимался с ними языком: они должны были отвыкнуть от привычных «старорежимных» слов и обогатить свой словарный запас новой, послереволюционной лексикой».

К 1937 году генерал Миллер и другие руководители РОВС переориентировались в своей деятельности на нацистскую Германию, совместно с которой рассчитывали вторгнуться на территорию СССР и возглавить оккупационный режим гитлеровцев. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял генерал Миллер. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

Центр принял решение похитить генерала Миллера для организации суда над ним в Москве. В случае исчезновения Миллера, по мнению Центра, заменить его на посту руководителя РОВС реально мог только Скобли. И что позволило бы советской разведке полностью контро-

лизовать деятельность этой террористической белогвардейской организации. Однако в это время руководителем внешней разведки органов госбезопасности был уже не Артузов, стоявший у истоков данной операции, а Слуцкий, не имевший большого оперативного опыта. По его распоряжению к операции по похищению Миллера был привлечен и Скоблин, что в конечном итоге привело к его компрометации.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно: 22 сентября 1937 года Миллер был похищен и затем доставлен в Советский Союз. Однако перед тем как отправиться на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил на своем рабочем столе записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12. 30 свидание с ген. Скоблиным на углу ул. Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штротманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген.-лейт. Миллер».

После исчезновения генерала Миллера члены руководства РОВС адмирал Кедров и генерал Кусонский предъявили Скоблину эту записку. Скоблин понял, что все рухнуло. Под благовидным предлогом он покинул помещение РОВС и исчез. Некоторое время он скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем на самолете был переправлен в Испанию.

Надежда Плевицкая была арестована французской полицией 24 сентября 1937 года. У нее нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни

фунтов стерлингов — немалые для эмигрантки деньги. На суде это стало главным доказательством ее вины.

Надежде Плевицкой было предъявлено обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним», а также в шпионаже в пользу Советского Союза. Все предъявленные ей обвинения Надежда Плевицкая отрицала.

Французская полиция отработывала три версии похищения генерала Миллера: агентами ОГПУ, агентами гестапо или агентами генерала Франко. Защита пригласила в качестве свидетеля бывшего офицера Добровольческой армии Савина, который утверждал, что Миллер был похищен агентами генерала Франко, однако суд его показания в расчет не принял.

Следствие по делу Плевицкой продолжалось больше года. Суд состоялся в конце ноября 1938 года, а 14 декабря старшина присяжных огласил вердикт: Надежда Плевицкая была признана виновной по всем пунктам обвинения. Приговор суда был беспощадным: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрета на проживание во Франции.

В это время председатель РОВС Евгений Карлович Миллер сидел во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке в Москве. А мужа певички, Николая Скоблина, уже не было в живых.

Весной 1939 года Надежда Плевицкая была отправлена в Центральную тюрьму города Ренн. В конце июня 1940 года Ренн был оккупирован германскими войсками. Гестапо захватило архивы тюрьмы и установило принадлежность Н. Плевицкой к советской разведке. Вскоре она тяжело заболела, возможно не без помощи германских спецслужб, и 5 октября 1940 года скончалась. 26 июля 1939 года ее муж, Николай Владимирович Скоблин, также был признан французским правосудием виновным в похищении генерала Миллера и заочно приговорен к пожизненной каторге. Однако этот приговор остался на бумаге: за два года до этого Скоблин погиб в Барселоне во время бомбардировки города франкистской авиацией.

Так трагически оборвалась жизнь двух замечательных помощников внешней разведки НКВД СССР, страстно мечтавших возвратиться на Родину и посвятивших себя борьбе с ее врагами.

Следует подчеркнуть, что эти жертвы были не напрасны. Преемники генерала Миллера тщетно пытались сохранить Русский общевоинский союз как активную организацию, но это им не удалось. Советская внешняя разведка накануне Второй мировой войны окончательно разложила и дезорганизовала РОВС и тем самым лишила Гитлера возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч членов этой организации.

СВЯЗНАЯ «КЕМБРИДЖСКОЙ ПЯТЕРКИ»

Осенью 1933 года молодая симпатичная американка по имени Китти ехала из Берлина в Париж. В Страсбурге, на французской границе, молодой пограничник с вежливой улыбкой попросил ее предъявить паспорт. Китти спокойно протянула американский паспорт пограничнику, который принялся внимательно его рассматривать. Наконец он сказал: «У меня сегодня день рождения, мадам, поэтому я добрый. Возьмите свой фальшивый паспорт и отдайте тем людям, которые его вам продали. И пусть они вернут вам деньги. Чикаго, где вы якобы родились, находится в штате Иллинойс, а не в Индиане». Не скрывая смущения, женщина взяла паспорт и поспешила выйти из поезда. Тем не менее в тот же день там же, в Страсбурге, по тому же паспорту она пересекла границу на автобусе. Задание было срочным, и она вынуждена была пренебречь опасностью.

Этой американкой была спецкурьер советской разведки Китти Харрис, которая везла из Берлина в Париж секретные документы и крупную сумму денег в иностранной валюте для парижской резидентуры.

В конце XIX века родители Китти в поисках лучшей доли переселились из города Белосток, находившегося в Русской Польше, в Великобританию, в Лондон, где проживал брат отца Исаак. Первое время они обосновались в его доме, и отец Китти помогал брату-сапожнику, обслуживая клиентов.

Китти родилась 25 мая 1899 года. Кроме нее, в семье

было еще семеро детей, трое из которых умерли в младенческом возрасте.

Однако и в Лондоне жизнь была не менее тяжелой, чем в Белостоке, поэтому в 1908 году, поддавшись на посулы зазывалы из Канады, родители Китти, которой в то время уже исполнилось восемь лет, решили переселиться за океан.

На пароходе они доплыли до Монреаля, где прошли таможенный досмотр. До Виннипега, где родители Китти решили обосноваться, они добирались трое суток. Многочисленное семейство Харрисов заняло целых два купе. В Виннипеге их временно разместили в пустующем доме, а иммиграционные власти выдали семье кредит на приобретение жилья. Вскоре отец Китти открыл небольшую сапожную мастерскую, а его жена Эстер занялась скорняжным ремеслом. Детей они определили в школу.

Следует отметить, что в Канаде окружение Китти было интернациональным, поэтому с детских лет она владела несколькими языками. В ее семье разговаривали на английском, русском и идише. Рядом проживали выходцы из Франции и Германии, с детьми которых она играла и с которыми общалась на их языках. Правда, пойдя в школу, Китти научилась писать на английском, а русский вскоре почти полностью забыла. В школе Китти хорошо успевала по гуманитарным предметам, а вот математика давалась ей с трудом. После четырех лет учебы, в возрасте тринадцати лет, она была вынуждена расстаться со школой, и начались ее «рабочие университеты».

Китти пошла работать на табачную фабрику. Молодую работницу друзья прозвали «Джипси» — «Цыганочка». Годы спустя это прозвище станет ее оперативным псевдонимом.

Зарплата на табачной фабрике была мизерной, ее едва хватало на еду. Рабочий день длился десять часов, и домой Китти возвращалась едва живая от усталости. В Виннипеге существовали рабочие кружки, среди членов которых у Китти было немало друзей. Под их влиянием она постепенно прониклась идеями социализма, и когда в России победила Октябрьская революция, известие о ней она восприняла с восторгом.

Вскоре Китти становится профсоюзным активистом, в двадцать лет ее избирают секретарем местного комитета. Китти активно включается в профсоюзное движение, участвует в сборе средств в помощь семьям арестованных забастовщиков. Ей также довольно быстро удалось собрать деньги, чтобы внести залог за арестованных участников забастовки, и они были отпущены на свободу.

В 1919 году Китти вступает в Коммунистическую партию Канады. Она получает задание выяснить истинное лицо профсоюзных боссов, тесно связанных с американской мафией и предающих интересы рабочего класса. Полученные ею сведения были преданы гласности рабочей газетой «Лейбор дейли» в день открытия съезда профсоюзов, и в результате руководство профсоюза было вынуждено подать в отставку.

После непродолжительного процветания, вызванного ростом военных заказов в период Первой мировой войны, в Канаде начался экономический спад. Жизнь в Виннипеге становилась все тяжелее, и легкий на подъем Натан, отец Китти, решил вновь попытать счастья, на сей раз в благополучных Соединенных Штатах Америки. На семейном совете было решено обосноваться в Чикаго. В начале 1923 года семейство Харрисов продало дом в Виннипеге и в полном составе переехало в один из самых крупных американских промышленных городов. Следует отметить, что в те годы Чикаго был центром деятельности Коммунистической партии США. Здесь Китти пошла работать на швейную фабрику и вступила в профсоюз швейников. Вскоре ее избрали секретарем местного отделения профсоюза швейной промышленности.

От секретаря чикагского отделения компартии Китти получила партийное поручение распространять политическую литературу в профсоюзах. С поручением она справилась успешно и через некоторое время была назначена руководителем отдела по распространению партийной литературы в Чикаго.

Вскоре Китти познакомилась с партийным активистом — будущим секретарем Национального комитета компартии США Эрлом Браудером и в 1926 году стала

его женой. По рекомендации Браудера Китти поступила на курсы стенографии, после окончания которых стала работать в представительстве МОПР — Международной организации помощи рабочим. Ее муж Эрл всецело отдавался партийной работе, много ездил по стране, выступал на митингах и собраниях. Вскоре супруги переехали в Нью-Йорк.

В 1927 году Эрл Браудер и Китти Харрис по заданию Коминтерна выехали в Шанхай в качестве связных Тихоокеанского профсоюзного центра. Дорога в Шанхай проходила через Москву, где им предстояло встретиться с руководством Коминтерна и Профинтерна, чтобы обсудить план работы, получить инструкции и литературу. В октябре того же года супруги прибыли на пароходе в Ленинград. Город Октябрьской революции потряс Китти. Москва, куда они прибыли через неделю на «Красной стреле», понравилась ей меньше.

В Москве супруги встретили 10-ю годовщину Октябрьской революции и присутствовали на параде на Красной площади. Через несколько дней Эрл и Китти выехали в Китай по маршруту Москва — Чанчунь. С собой они, помимо личных вещей, везли два чемодана книг и брошюр. В конце ноября супруги прибыли в Шанхай. Там их встретил представитель Профинтерна, который отлично говорил по-английски, поскольку наполовину был американцем.

В Китай Китти и Эрл прибыли с паспортами на имя супругов Харрисон и фактически находились там на нелегальном положении. Эрл развернул активную деятельность, устанавливая связи с профсоюзными лидерами в Гонконге, Сингапуре, Маниле, Джакарте и других городах Тихоокеанского бассейна. По его заданию Китти выезжала в Джакарту, которая в ту пору называлась Батавией. Она по паролю установила связь с профсоюзным руководителем по имени Джхара, которому передала важные материалы из Москвы. Возвратившись в Шанхай, она узнала, что Джхара был убит местными колониальными властями, успев, однако, передать полученные документы в надежные руки.

В конце 1927 года китайские власти закрыли советское генконсульство в Шанхае. Связь с Профинтерном могла осуществляться только через Харбин, где находилось советское дипломатическое представительство. В начале лета 1928 года Эрл направил Китти в советское генконсульство в Маньчжурии с докладом для Профинтерна. Одновременно она в качестве американской гражданки сопровождала китайца Вана, делегата конгресса Коминтерна в Москве. Ее путь пролегал почти через весь Китай, объятый гражданской войной. В Харбине она остановилась на явочной квартире и на следующее утро посетила советское консульство, где с ней встретился резидент ОГПУ Эрих Такке. Китти передала ему письмо для Профинтерна и рассказала об обстановке в Шанхае. Ван благополучно прибыл в Москву, где в составе китайской делегации участвовал в работе конгресса Коминтерна.

В середине 1929 года Китти и Эрл возвратились в Нью-Йорк. Дальнейшая семейная жизнь не удалась, и вскоре супруги расстались. Материальное положение Китти было довольно тяжелым, и ей пришлось подыскивать себе работу. Она устроилась в общественную организацию «Американский негритянский рабочий конгресс», где проработала до марта 1931 года. Однако в общественной организации зарплата была чисто символической, и Китти решила переменить место работы. По партийной рекомендации она была принята в Амторг — советскую внешнеторговую организацию, одновременно исполнявшую консульские функции. Здесь она проработала в качестве секретаря до апреля 1932 года.

В этот период на Китти Харрис обратила внимание советская внешняя разведка. Сотрудник нью-йоркской резидентуры А. О. Эйнгорн (Тарас) знал Китти по Китаю и предложил ей работать связником и спецкурьером ИНО ОГПУ в Европе. Она ответила согласием. Следует подчеркнуть, что, вступив в 1931 году на путь разведки, Китти в течение пятнадцати лет успешно решала различные разведывательные задачи.

Китти Харрис был присвоен псевдоним «Джипси». Жизнь разведчика-нелегала ей предстояло начать с Гер-

мании, откуда она должна была поддерживать оперативную связь с другими нелегалами и агентами советской внешней разведки, которые действовали в различных европейских государствах.

25 апреля 1932 года на лайнере «Куин Мэри» «Джипси» отбыла в Германию. Из германского порта Бремерхафен она добралась до Берлина, где устроилась в недорогой гостинице. В назначенный день она вышла на обусловленное место явки к табачной лавке. Зайдя в нее, Китти произнесла пароль и встретилась с сотрудником резидентуры ОГПУ, который ввел ее в курс дела.

Резидентом ИНО ОГПУ в Берлине в то время был Эрих Такке, с которым «Джипси» встречалась в Харбине. По заданию резидентуры она поступила в университет и сняла квартиру в рекомендованном ей квартале. В университете «Джипси» изучала немецкий, скрывая от сокурсников, что знает этот язык. Впрочем, она была не в ладах с грамматикой, поэтому изучение немецкого языка было вполне оправданным. Через некоторое время она получила первое разведывательное задание: доставить секретную почту в Прагу.

Выехав вечерним поездом, на следующий день «Джипси» была в чешской столице. Задание она выполнила успешно. Однако в Праге она обнаружила за собой плотное наружное наблюдение, от которого сумела оторваться. Возвратившись в Берлин, «Джипси» доложила о происшествии. Было принято решение в Прагу ее больше не посылать: не исключалась провокация спецслужб.

В Берлине «Джипси» работала с такими выдающимися разведчиками, как Борис Берман, Федор Парпаров, Василий Зарубин, Василий Рошин, а также другими сотрудниками нелегальной разведки ИНО ОГПУ. Обстановка в те годы в Германии была напряженной, в стране набирал силу фашизм. В этих сложных условиях, порой с риском для жизни, «Джипси» десятки раз пересекала границы сопредельных государств, перевозя ценную информацию, документы, секретную почту берлинской резидентуры.

Всего за годы сотрудничества с советской внешней разведкой «Джипси» (она имела около двух десятков опе-

ративных псевдонимов, но мы будем и в дальнейшем называть ее лишь одним из них) работала более чем с сорока оперативными сотрудниками и двадцатью четырьмя наиболее ценными источниками! Это был своего рода рекорд. Она проявила себя смелой и инициативной женщиной, способной не только выполнять конкретные разведывательные поручения, но и самостоятельно решать многие проблемы, порой возникающие в нелегальной разведке.

В декабре 1932 года «Джипси» выехала в Париж. Границу она миновала ночью, и таможенники ее не слишком беспокоили. В назначенное время она встретила с представителем парижской резидентуры ИНО ОГПУ, которому передала почту из Берлина. Через два дня она получила пакет для передачи в Берлин и возвратилась в германскую столицу. Здесь она узнала от хозяйки дома, в котором снимала квартиру, что полиция интересовалась, на какие средства живут квартирующие у нее иностранные студенты. Хотя полицейский не называл имени «Джипси», она доложила об этом резиденту. Было принято решение направить ее в США для организации перевода денег на ее имя от «богатых родственников» из-за океана.

В Нью-Йорке «Джипси» провела четыре дня: сходила на могилу отца, повидалась с семьей. Там же она сделала денежные переводы в Берлин и вскоре отправилась в обратный путь. Близилось Рождество. Студент из Англии Джон Смит пригласил «Джипси» на вечеринку, на которой присутствовали его немецкие друзья. Все они были нацистами и предсказывали скорую победу Гитлера на выборах. О том, что говорилось на вечеринке, «Джипси» сообщила резиденту, и эта информация ушла в Центр. Вскоре события полностью подтвердили верность этих прогнозов. Для резидентуры советской внешней разведки, и в частности для «Джипси», наступили нелегкие времена.

С приходом Гитлера к власти в 1933 году перед резидентурой ИНО в Берлине встал вопрос о реорганизации работы. Особый упор при этом делался на организацию разведки с нелегальных позиций и создание в соседних

странах «запасных площадок» на случай чрезвычайной обстановки в Германии. Важная роль при этом отводилась Франции, где советская внешняя разведка имела неплохие агентурные позиции. «Джипси», как курьер нелегальной резидентуры в Берлине, неоднократно выезжала во Францию по заданию резидента, перевоза не проявленную пленку с совершенно секретными материалами. Ее поездки в Париж надежно легендировались и каждый раз совершались по новым маршрутам, чтобы не привлечь внимания гестапо.

Однако осенью 1933 года, когда «Джипси» с американским паспортом на чужое имя ехала из Германии во Францию через Страсбург, едва не случился провал (с этого мы и начали наш рассказ). В Берлине, являвшимся в ту пору центром агентурной работы советской нелегальной разведки в Европе, было создано паспортное бюро, готовившее документы для разведчиков-нелегалов. Такой паспорт был изготовлен и для «Джипси». В нем было указано, что она родилась в Чикаго, однако этот город ошибочно был отнесен к штату Индиана.

Молодой пограничник внимательно разглядывал паспорт «Джипси», которая имела при себе секретные материалы по научно-технической разведке и крупную сумму в американских долларах, предназначенных для парижской резидентуры. К счастью, обнаружив неточность, пограничник не стал задерживать «Джипси», которой удалось в тот же день благополучно прибыть в Париж и выполнить задание. Доставленные ею секретные материалы были затем направлены дипломатической почтой в Москву. А в Центре потом долго выясняли, кто допустил такую грубую ошибку, едва не приведшую к серьезным последствиям.

Приход нацистов к власти в Германии потребовал усиления разведывательной работы в этой стране непосредственно с нелегальных позиций. В 1933 году для усиления нелегальной резидентуры в Берлин были направлены опытные разведчики-нелегалы Василий и Елизавета Зарубины. Параллельно с ними работал другой замечательный советский разведчик-нелегал Федор Парпаров.

Зарубин и его жена приняли на связь наиболее ценных источников берлинской нелегальной резидентуры, среди которых, в частности, были Вилли Леман («Брайтенбах») — ответственный сотрудник «советского» отдела гестапо, «Лучистый», снабжавший резидентуру ценными материалами по линии научно-технической разведки, и другие надежные помощники. Поступавшая от них информация обрабатывалась на месте, фотографировалась, а затем «Джипси» везла через границу секретные материалы в непроявленной пленке, чтобы в случае опасности быстро ее уничтожить.

На связи у советских разведчиков в Германии было так много источников, что по решению Центра «Джипси» было поручено самостоятельно работать с одним из них, носившим оперативный псевдоним «Наследство». Являясь инженером на одной из крупных германских фирм, он работал по линии научно-технической разведки и за материальное вознаграждение передавал резидентуре сведения о ее новейших технических разработках. Жена немца была в курсе его работы на советскую разведку и даже иногда сопровождала мужа на встречи с «Джипси».

Куратором «Джипси» по линии нелегальной резидентуры стала Елизавета Зарубина. Они быстро подружились, и их дружба продолжалась долгие годы.

Однако через некоторое время «Наследство» перестал выходить на встречи. Резидентура выяснила, что на полученные за информацию деньги он купил себе загородный дом и после этого счел, что его материальные проблемы решены. По указанию Центра «Джипси» встретила с женой источника в городе и убедила ее оказать влияние на мужа в плане продолжения сотрудничества с советской разведкой. В дальнейшем от немца были получены важная научно-техническая информация и другие секретные сведения.

Внутриполитическая обстановка в Германии ужесточилась. В 1934 году от «Брайтенбаха» была получена информация о том, что в гестапо поступило заявление от бывшего социал-демократа Мейсснера, который случайно встретил в Берлине разведчика-нелегала Эриха Такке.

Ранее они встречались в Москве. Предупредить Э. Такке, находившегося в Берлине с разведывательным заданием Центра, было поручено «Джипси», которая лично знала его еще по работе в Китае и в Германии. Она успешно справилась с заданием. Э. Такке был временно укрыт на конспиративной квартире, а затем выехал в Москву.

В качестве связной берлинской резидентуры «Джипси» пришлось также выезжать в Данию и Швецию, где она по поручению Центра встречалась с ценными источниками.

В октябре 1935 года «Джипси» вызвали в Москву для прохождения курса специальной подготовки. Разместили ее в общежитии за городом. Вместе с ней на разведывательных курсах обучались французы, немцы, лица других национальностей. «Джипси» изучала русский язык, специальные дисциплины, в том числе правила конспирации и обнаружения наружного наблюдения, радио- и фотодело, тайнопись и другие премудрости разведки. Главными предметами для нее были фотодело и радиосвязь. Руководителем технической подготовки «Джипси» был Вильям Фишер, ставший широко известным в 1960-е годы под именем полковника Абеля.

В начале 1936 года Центр принял решение вновь направить «Джипси» на нелегальную работу. В апреле того же года она выехала в Париж в нелегальную резидентуру, которую возглавлял Теодор Малли. Вместе с другим знаменитым разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым он провел, в частности, операции по доставке из Рима в Москву ручного пулемета новейшей системы и ряда других образцов военной техники. «Джипси» участвовала в некоторых операциях совместно с Т. Малли и Д. Быстролетовым. Одновременно она являлась радисткой резидентуры.

Через несколько месяцев работы «Джипси» в парижской нелегальной резидентуре Т. Малли был переведен из Парижа в Лондон. Вместе с ним на берега Темзы отправилась и разведчица, которая в качестве курьера резидентуры начала совершать поездки из Лондона в Париж и обратно.

К концу 1936 года в лондонской резидентуре появилась новая техника связи, которой «Джипси» не знала. По предложению Т. Малли она выехала в Москву для повышения квалификации. Однако учеба ей давалась с трудом, освоение новой техники связи шло медленно, и карьера «Джипси» как радистки лондонской нелегальной резидентуры не состоялась. В то же время она основательно освоила новейшую технику фотографирования документов, а также оперативно-технические средства, предназначенные для маскировки документов и материалов при их перевозке.

«Джипси» возвратилась в Лондон, где продолжила разведывательную деятельность под руководством резидентов нелегальной разведки Т. Малли, Г. Графпена и А. Дейча. В Лондоне ей пришлось активно работать с одним из членов знаменитой «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклейном. «Джипси» фактически выполняла роль руководителя этого разведчика, поставлявшего информацию в весьма большом объеме.

Наша справка

В конце 1920-х — начале 1930-х годов советская внешняя разведка разработала и стала успешно осуществлять план приобретения перспективной агентуры среди студентов высших учебных заведений западноевропейских стран в расчете на их внедрение в дальнейшем в интересующие разведку правительственные объекты и местные спецслужбы.

В середине тридцатых годов в Англии выдающимся советским разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем была создана агентурная группа, получившая впоследствии широкую известность как «Кембриджская пятерка».

В «пятерку» входили выпускники привилегированного Кембриджского университета: Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Бёрджесс, Антони Блант и Джон Кернкросс. В полную силу группа проявила себя уже к началу Великой Отечественной войны, а затем вошла в историю советской внешней разведки как одна из самых ценных и деятельных. Занимая в силу своего происхождения и неординарных лич-

ных способностей заметное положение в британском высшем свете и на протяжении многих лет вращаясь в самых высоких руководящих кругах Англии, разведчики из «Кембриджской пятерки» поставляли в Центр ценнейшую военно-политическую информацию. В годы войны они являлись для советской разведки самыми продуктивными источниками документальной информации.

В своей книге «Искусство разведки» бывший директор ЦРУ Аллен Даллес, в частности, отмечал: «Информация, которую посредством секретных операций смогли добывать советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который являлся предметом мечтаний для разведки любой страны». В определенной мере эти слова относятся ко всем членам «Кембриджской пятерки». Тот же А. Даллес назвал «Кембриджскую пятерку» «самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны».

Его слова были недалеко от истины. Только за 1941—1945 годы от членов «Кембриджской пятерки» было получено 18 тысяч секретных и совершенно секретных документов.

В начале 1936 года выпускник Кембриджского университета Дональд Маклейн стал третьим секретарем министерства иностранных дел Великобритании. По своему положению он имел доступ ко многим секретным документам британского Форин Оффиса и вскоре стал для резидентуры одним из важных источников политической информации. Поступавших от Маклейна материалов было так много, что для их обработки потребовался специальный сотрудник резидентуры. Центр принял решение выделить в помощь Маклейну «Джипси».

Однако в середине 1937 года связь с Маклейном и другими членами «Кембриджской пятерки» была временно прекращена в связи с арестом британской контрразведкой сотрудника МИДа, являвшегося в прошлом коммунистом. Контакт с Маклейном «Джипси» восстановила в начале 1938 года, когда стало ясно, что его положение в Форин Оффисе является прочным.

«Джипси» сняла квартиру в центре Лондона. В ней она и встречалась с Маклейном. Каждый раз на встречу

он приносил секретные документы МИДа, которые «Джипси» фотографировала. На следующий день Маклейн возвращал документы на место, а «Джипси» встречалась с резидентом и передавала ему непроявленные пленки. Иногда Маклейн не мог вынести секретные документы из министерства. В этом случае он запоминал их содержание и пересказывал связной. «Джипси», в свою очередь, пересказывала содержание секретных телеграмм британского МИДа резиденту, который направлял в Центр информационные сообщения.

В период работы с «Джипси» Маклейн передал резидентуре огромное количество секретных материалов. Большинство из них оценивались Центром как важные или очень важные. Нередко сообщения Маклейна докладывались непосредственно в Кремль. Всего им было передано свыше 12 тысяч страниц совершенно секретных документов.

Среди полученных от Маклейна материалов были и конфиденциальные документы британской разведки СИС. В частности, он передал копии перехваченных СИС телеграмм Коминтерна. Некоторое время спустя из Центра сообщили, что необходимые меры по пресечению утечки информации приняты.

От Маклейна были также получены первичные сведения относительно агента британской разведки, работавшего в Наркомате внешней торговли СССР. Агент был разоблачен и арестован советской контрразведкой. Маклейн первым передал информацию о том, что советский пароход «Комсомол», направлявшийся в Испанию, был потоплен франкистами.

Чтобы не вызывать подозрений окружающих, «Джипси» и Дональд на людях разыгрывали из себя влюбленных. Даже хозяйка дома, в котором «Джипси» снимала квартиру, одобрила наличие у нее «постоянного друга». Однако, как это нередко бывает в разведке, оперативная легенда стала реальностью — они полюбили друг друга. Центр положительно отнесся к такому развитию событий, справедливо посчитав, что это только пойдет на пользу их общей работе.

Наша справка

Дональд Дюарт Маклейн родился 25 мая 1913 года в Лондоне. Его отец — сэр Дональд, шотландец, был видным политическим деятелем Великобритании, членом парламента, лидером «независимых либералов», затем заместителем спикера палаты общин, министром. Его отличали самостоятельность взглядов, забота о народном благосостоянии и высокие нравственные качества. Мать Дональда-младшего, леди Маклейн, была дочерью мирового судьи, очень религиозной женщиной, строгих моральных принципов.

Уже в школе, благодаря своим успехам в изучении иностранных языков, Дональд-младший получил право поступления стипендиатом в Тринити-колледж Кембриджа. В 18 лет он был зачислен в университет и сразу очутился в гуще политической жизни: вступил в социалистическое общество студентов, приобрел репутацию «писателя и оратора». Придерживаясь прогрессивных взглядов, он последовательно выступал против фашизма и поддерживал позиции левodemократических кругов английской общественности в вопросах внешней и внутренней политики.

В 1934 году Д. Маклейн окончил факультет политической истории и филологии Кембриджского университета. В том же году в Лондоне с ним установил контакт работавший там с нелегальных позиций сотрудник советской внешней разведки Арнольд Дейч. Основываясь на идеологических убеждениях Д. Маклейна, он предложил ему пойти на сотрудничество с советской внешней разведкой и получил его согласие.

Другой выдающийся советский разведчик Джордж Блейк, вспоминая о своем друге, позже рассказывал:

«Решение Д. Маклейна служить Советскому Союзу нельзя рассматривать иначе, как на фоне великой экономической депрессии 1930-х годов и нарастающей угрозы нацизма, исходившей главным образом от гитлеровской Германии. Он принадлежал к высшему английскому обществу, и его ожидала блестящая карьера в государственных учреждениях Бри-

танской империи. Однако он, как и его товарищи по «Кембриджской пятерке», глубоко переживал вопиющее экономическое и социальное неравенство, которое видел вокруг себя. Они были своего рода «английскими декабристами» и верили, что только учение Ленина и дисциплина Коминтерна смогут избавить Англию от этих бед, мобилизовать силы социализма на борьбу с нацистскими штурмовиками».

В начале 1936 года Д. Маклейн был принят в министерство иностранных дел Англии на должность третьего секретаря. В Белой книге британского Форин Оффиса, изданной в начале 1950-х годов, говорилось: «Он оказался исключительно способным работником и получил ранг советника уже в 35 лет, то есть продвигался по службе очень быстро». Д. Маклейн работал на ответственных дипломатических должностях в посольствах Англии во Франции, США и Египте. В 1950—1951 годах возглавлял американский отдел Форин Оффиса.

За годы сотрудничества с советской внешней разведкой Д. Маклейн передал большое количество совершенно секретных документальных материалов, включая шифрованную переписку МИДа Англии с посольствами за границей, протоколы заседаний кабинета министров, планы США и Англии по использованию атомной энергии в военных целях.

В 1951 году в связи с угрозой провала Д. Маклейн был выведен в нашу страну, получил советское гражданство и в дальнейшем проживал в Москве. Первое время являлся консультантом советской внешней разведки. Затем более 20 лет проработал старшим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, став авторитетным ученым-международником. Им было подготовлено несколько крупных научных работ по различным проблемам международных отношений. За монографию «Внешняя политика Англии после Суэца», опубликованную у нас в

стране, а также в Англии и США, ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

За большие заслуги перед советским государством Д. Маклейн был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Дональд Дюарт Маклейн умер в Москве 6 марта 1983 года. В соответствии с завещанием его тело было кремировано, а урна с прахом помещена в семейный склеп в Лондоне.

Но вернемся в конец 1930-х годов.

Осенью 1938 года Форин Оффис направил Маклейна в служебную командировку в британское посольство в Париже. Чтобы не прерывать поток поступающей от него информации, в Центре было принято решение, что «Джипси» едет вместе с ним. 28 сентября Дональд и «Джипси» выехали во Францию. Их прибытие в Париж совпало с капитуляцией Англии и Франции в Мюнхене. Разумеется, Центр интересовали подробности мюнхенской сделки западных держав, фактически отдавших Чехословакию на растерзание Гитлеру. Маклейн, занимавший должность второго секретаря посольства Великобритании во Франции, имел возможность знакомиться со всеми документами не только своего посольства, но и Форин Оффиса, который направлял в Париж копии докладов британских послов в других странах. Однако выносить документы он не мог, поэтому устно пересказывал их содержание «Джипси».

В июле 1939 года от Маклейна поступила важная информация по Финляндии. Центр высоко оценил ее, однако дал понять, что его интересует не передача содержания документа по памяти, а сам документ. Тогда «Джипси» сняла в Париже квартиру, в которую перевезла свои фотопринадлежности...

Летом 1939 года «Джипси» выехала в отпуск на Средиземноморское побережье Франции. Она отказалась от старой квартиры, надеясь по возвращении снять новую. После завершения отпуска она возвратилась в Париж.

Однако связь резидентуры с ней и Маклейном была неожиданно утрачена: в Москве началась очередная волна репрессий в отношении сотрудников разведки, и поддерживавшие с ними постоянный контакт разведчики из парижской резидентуры были отозваны в Центр.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. «Джипси» не могла бездействовать и пошла на рискованный шаг: она явилась в советское посольство в Париже и встретилась с сотрудником резидентуры. Связь была восстановлена.

Спустя некоторое время после упомянутых выше событий в Центр поступила тревожная телеграмма из Вашингтона. В ней говорилось, что бывший член бюро компартии США Гитлоу дал показания в комиссии конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности, что «Джипси» была агентом Коминтерна, а затем стала работать на советскую разведку.

Кроме того, в октябре 1939 года в США вышла книга перебежчика В. Кривицкого «Я был агентом Сталина», в которой бывший руководящий работник ИНО ОГПУ также упомянул «Джипси» как сотрудника советской разведки. Возник серьезный вопрос о безопасности Дональда и его связной. Однако в связи с тем, что информация Маклейна имела исключительно важное значение, Центр принял решение не прекращать работу с разведчиками. Этот риск полностью оправдал себя. «Джипси» продолжала регулярно передавать от Маклейна важную политическую информацию, в первую очередь касающуюся политики западноевропейских стран в условиях разразившейся мировой войны.

Между тем в личных отношениях Маклейна и «Джипси» наметился разлад. Видимо, сказалась и разница в возрасте разведчиков, которая составляла 14 лет. Дональд встретил 23-летнюю американскую студентку Сорбонны Мелинду Мэрлинг и полюбил ее. «Джипси» болезненно переживала измену возлюбленного, однако продолжала работать с ним в качестве связной. Это сотрудничество длилось до мая 1940 года. Немцы были в нескольких десятках километров от Парижа, когда состоялась ее по-

следняя встреча с Маклейном. Он сообщил, что эвакуируется из Франции вместе с британским посольством. За два дня до падения Парижа, 10 июня 1940 года, Дональд Маклейн и Мелинда Мэрлинг официально оформили свой брак. Вскоре молодожены были эвакуированы вместе с персоналом британского посольства в Англию.

Буквально накануне падения Парижа резидентура НКВД переправила «Джипси» в Бордо. Остаться во Франции ей больше было нельзя, и уже 19 июля она выехала через Берлин в Москву. Здесь она встретилась с руководством разведки, отчиталась о работе во Франции и начала подготовку к новой командировке.

22 июня 1941 года «Джипси» находилась в Москве. На другой день она написала рапорт на имя начальника внешней разведки П. М. Фитина, в котором потребовала немедленно привлечь ее к активной работе. «Я могу идти радисткой на фронт, — писала она, — могу шить гимнастерки солдатам, наконец, имея большой опыт нелегальной работы, не боюсь идти в тыл врага».

Однако у руководства разведки были иные планы. В конце сентября 1941 года «Джипси» было предложено отправиться в США, откуда ее планировали забросить в одну из латиноамериканских стран. 1 октября она выехала скорым поездом во Владивосток. В США «Джипси» попала только 7 декабря 1941 года, именно в тот день, когда японцы уничтожили большую часть американского флота на рейде Пёрл-Харбора. После тяжелого путешествия она две недели проживала в одном из отелей Сан-Франциско. Оттуда «Джипси» перебралась в Лос-Анджелес, где находилась до ноября 1942 года. Все это время она постоянно выезжала в Нью-Йорк и Вашингтон, где выполняла задания резидента советской разведки Василия Зарубина. В основном она занималась восстановлением связи с законсервированной агентурой.

В ноябре 1942 года В. Зарубин пришел к выводу, что дальнейшее пребывание «Джипси» в США становится для нее опасным, поскольку она продолжала поддерживать регулярную связь со своей семьей и старыми друзьями. Он предложил Центру направить «Джипси» в Мексику.

Объем ее работы в мексиканской столице был весьма большим: курьер, шифровальщик, оперативный работник — все эти обязанности легли на ее плечи, ведь шла война, и нелегальная резидентура разведки в Мехико была малочисленной. Она работала с ценным источником информации, руководила видным мексиканским политическим деятелем, снабжавшим советскую разведку важной политической информацией, а также выполняла другие оперативные поручения резидента и Центра. «Джипси» добросовестно и успешно трудилась в Мексике вплоть до середины 1946 года. Однако работа на износ отразилась на состоянии ее здоровья, и в июле 1946 года Центром было принято решение отозвать «Джипси» в Москву.

Первыми словами Китти Харрис к встречавшим ее коллегам по работе были: «Как мне стать гражданкой СССР?» Хотя советское гражданство ей было предоставлено еще в декабре 1937 года, документы, подписанные М. И. Калининым, затерялись, и Китти пришлось вторично подавать заявление. Советское гражданство ей было предоставлено в июне 1947 года. Из Москвы К. Харрис была направлена на постоянное жительство в Ригу, где она работала несколько лет преподавателем английского языка в институте.

Но такая жизнь была Китти Харрис не по душе: она хотела вернуться к активной работе во внешней разведке и направляла одну за другой соответствующие просьбы руководству местных органов госбезопасности. Видимо, подобная настойчивость вызвала негативную реакцию со стороны бериевских приспешников, и 29 октября 1951 года Китти Харрис была арестована МГБ Латвийской ССР «как социально опасный элемент». К сожалению, руководство внешней разведки, которое находилось в Москве, да к тому же к этому времени несколько раз сменилось, не выступило в ее защиту, так как не было информировано республиканскими органами о ее аресте. Никаких традиционных обвинений ей, разумеется, предъявить не смогли. Около двух лет Китти содержалась сначала в тюрьме, а затем в тюремной психиатрической больнице.

22 мая 1953 года судебно-психиатрическая экспертиза вынесла заключение о том, что Китти Харрис практически здорова. Однако ее освобождение из-под стражи произошло не сразу — потребовалось личное ходатайство министра внутренних дел С. Н. Круглова на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева. Лишь 17 февраля 1954 года Военная коллегия Верховного суда СССР приняла решение о прекращении дела и освобождении Харрис.

С 1954 года Китти Харрис проживала в Горьком. Ей были предоставлены удобная квартира, интересная работа и достойная пенсия. В этом городе на Волге Китти провела всю оставшуюся жизнь. У нее появились новые друзья, не забывала старую подругу и Елизавета Зарубина. Стараясь скрасить одинокую жизнь разведчицы-нелегала, которую она когда-то курировала, Зарубина время от времени навещала ее в Горьком.

6 октября 1966 года Китти Харрис не стало. Ее хоронили торжественно, с почетным караулом. На одном из венков было написано: «Славному патриоту Родины от товарищей по работе». У могилы Китти Харрис ничего не говорилось о ее работе в разведке: в те времена это было не принято.

Она не скопила богатого наследства. После смерти разведчицы остались лишь книги: множество томов на русском и иностранных языках. Сохранился также и маленький кулон на золотой цепочке, подаренный ей Дональдом Маклейном в день ее и его рождения. На нем написано: «К. от Д. 25.05.37 г.» Этот подарок от человека, которого она любила всю жизнь, Китти бережно хранила до своего последнего дня.

ВАРДО — ОФИЦЕР НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

В советской внешней разведке успешно работали многие женщины-разведчицы, долгие годы под чужим именем выполнявшие ее задания в суровых условиях подполья в зарубежных государствах. Имена Леонтины Козн, Африки де Лас Эрас, Анны Филоненко, Ирины Алимой и других героических разведчиц золотыми буквами вписаны в историю наших спецслужб. Особое место среди них занимает Елизавета Юльевна Зарубина, проработавшая в нелегальной разведке свыше двадцати лет. В ее послужном списке — десятки важных оперативных мероприятий, приобретение ценных источников и агентурных связей.

Елизавета Юльевна Розенцвейг родилась 1 января 1900 года в селе Ржавенцы Хотинского уезда Северной Буковины, которая в то время была частью Австро-Венгрии, затем отошла к Румынии, а сегодня входит в состав Черновицкой области Украины. Ее отец, Юлий Розенцвейг, был арендатором и управляющим лесным хозяйством в крупном имении. Владелец имения, польский помещик Гаевский, в основном проводил время в игорных домах и клубах Бухареста, Будапешта и Вены. Всеми делами имения ведал отец Лизы. Образованный и начитанный, он любил русскую литературу и сумел привить любовь к России своим детям.

Юность Лизы совпала с годами Первой мировой войны. Когда в Петрограде победила революция, ей было семнадцать лет и она уже училась в Черновицком университете на историко-филологическом факультете. Про-

учившись более трех лет в этом университете, Лиза стала уговаривать отца отправить ее в Париж. Поскольку к тому времени Первая мировая война уже закончилась, а в Восточной Европе обстановка становилась нестабильной из-за назревавших революционных событий, отец согласился на ее перевод в Сорбоннский университет.

Но в Сорбонне Лиза проучилась всего один год: к тому времени она, как и многие ее сверстники, уже бесспорно выбрала путь революционной борьбы и стремилась быть в гуще, как она считала, исторических событий. Лиза перебирается поближе к родному дому, в Вену, и становится студенткой Венского университета, уже третьего в своей жизни. В июне 1924 года она завершила учебу и стала дипломированным переводчиком с немецкого, французского и английского языков. Кроме того, девушка свободно владела идиш, румынским и русским языками, на которых разговаривали в семье.

Еще в 1919 году, когда Буковина вошла в состав Румынии, Лиза активно включилась в революционную борьбу. Этому в определенной мере способствовала ее двоюродная сестра, известная румынская революционерка Анна Паукер, которая привлекла к подпольной борьбе не только Елизавету, но и ее брата. В 1919 году Анна Паукер организовала подпольные молодежные отряды, боровшиеся за социалистическую Румынию. Лиза по заданию Анны писала и распространяла революционные листовки, проводила беседы в рабочих кружках, исполняла обязанности связной. Ее брат вступил в отряд боевиков коммунистического подполья, участвовал в вооруженных стычках с полицией, неоднократно арестовывался и дважды бежал прямо из зала суда. В 1922 году он был убит в перестрелке с сигуранцей. После Второй мировой войны Анна Паукер стала членом политбюро Румынской рабочей партии и министром иностранных дел. Но в результате жесткой внутрипартийной борьбы в конце сороковых годов погибла по ложному навету.

Насыщенная политическая жизнь превратила юную Лизу Розенцвейг в стойкую революционерку. В июне 1923 года она вступает в коммунистическую партию Ав-

стрии и получает партийный псевдоним — Анна Дейч. После окончания университета в 1924 году будущая разведчица, в семье которой страстно любили Россию и все русское, поступает на работу в советское дипломатическое представительство в Вене в качестве переводчицы. Революционная биография Лизы, ее искренние симпатии к Советскому Союзу, а также отличное знание многих иностранных языков привлекли внимание к ней представителей Иностранного отдела ОГПУ (внешней разведки), работавших под прикрытием советского полпредства.

В этот период Лиза вышла замуж за румынского коммуниста Василя Спиру и некоторое время носила его настоящую фамилию — Гутшнекер. Правда, отношения их не сложились и брак оказался недолгим.

На первых порах представители ИНО ОГПУ дают Лизе несколько несложных поручений. Ее тщательно проверяют, а затем, убедившись в честности, надежности, хладнокровии и недюжинных разведывательных способностях, в марте 1925 года принимают на работу в разведку. Вскоре Лиза получает советское гражданство и из австрийской компартии переходит в ВКП(б).

Начинающая разведчица получила свой первый оперативный псевдоним — Эрна. Первое время она работает в Австрии, являясь сотрудницей резидентуры ИНО в Вене. Для выполнения специальных заданий выезжает в Турцию и во Францию, причем в последней работает с нелегальных позиций. В период работы в Вене Эрне удалось привлечь к сотрудничеству ряд важных источников информации.

В феврале 1928 года разведчица впервые приехала в Москву. Под фамилией Горская ее зачислили в кадровый состав Иностранного отдела. Рекомендовал ее для работы во внешней разведке один из руководителей ИНО ОГПУ Иван Васильевич Запорожец. В том же году Лиза Горская вышла замуж за уже известного в то время разведчика Василия Зарубина. До брака с Лизой Василий Михайлович уже был женат и у него росла дочь Зоя.

Впоследствии Зоя Васильевна Зарубина в одной из своих книг писала:

«Вообще отец был очень добрый человек и до глубины души русский. Я не могу не сказать о нашей замечательной Лизочке. Язык у меня не поворачивается назвать ее мачехой. Это была не просто любящая жена, а добрый, чудесный человек. И вот это был образец нормальной, хорошей семьи. С одной стороны — русская часть, много родственников. С другой стороны — еврейская часть, тоже много родственников. И все жили очень дружно».

Наша справка

Василий Михайлович Зарубин родился 4 февраля 1894 года в деревне Панино Бронницкого уезда Московской губернии в семье железнодорожника. Его отец Михаил Терентьевич был кондуктором товарного поезда станции Москва-Курская Нижегородской железной дороги. Он являлся членом РСДРП, до революции 1917 года высылался административно из Москвы, а во время Гражданской войны был командирован на Восточный фронт начальником головного технического поезда. Мать, Прасковья Абрамовна, работала полумойкой и прачкой. Кроме Василия в семье было еще двенадцать детей.

Уже с 1908 года начались «рабочие университеты» Василия. После окончания двухклассного училища при Московско-Курской железной дороге он был отдан «в люди» и стал работать мальчиком в торговой фирме купца Лыжина. Работая, Василий продолжал учиться и через несколько лет дослужился до конторщика.

С началом Первой мировой войны В. Зарубин был призван на фронт и воевал до 1917 года. Находясь в действующей армии, Василий вел антивоенную агитацию, за что был сдан в штрафную роту. В марте 1917 года получил ранение и был направлен на излечение в военный госпиталь в Воронеже. По возвращении в часть был избран в полковой комитет солдатских депутатов.

После победы Октябрьской революции 23-летний Василий Зарубин решительно встал на сторону победившего пролетариата и связал свою дальнейшую жизнь со службой в армии: в 1918—1920 годах воевал на различных фронтах

Гражданской войны, а также боролся с бандитизмом в тылу Красной Армии, вылавливая бандитов и диверсантов.

На молодого способного красноармейца обратили внимание чекисты Особого отдела армии, и в 1920 году по их рекомендации он был направлен на работу в органы ВЧК. Здесь Василий продолжает борьбу с бандитами, проявляя оперативную смекалку, находчивость, умение самостоятельно действовать в сложной обстановке. В 1923 году руководство ГПУ при НКВД РСФСР приняло решение назначить его начальником экономического отдела ГПУ во Владивостоке. Василию было поручено организовать борьбу с контрабандой наркотиков и оружия.

В эти годы международные торговцы оружием и наркотиками направляли свои «товары» в Европу и Китай через Владивосток. Здесь они перегружали свой смертоносный груз и направляли его дальше по железной дороге как транзитный. Это позволяло им избегать строгого таможенного контроля, поскольку транзитные грузы не досматривались.

Подобные махинации международных торговцев оружием были вскрыты чекистами под руководством Василия Зарубина. В 1924 году ими была конфискована большая партия оружия и боеприпасов, предназначавшаяся для враждовавших между собой китайских генералов. Интересно отметить, что вскоре после этого в кабинете Зарубина появился представитель германо-китайской торговой фирмы некто Шумский. Коммерсанту было около сорока лет, по-русски он говорил без малейшего акцента. В ходе беседы Шумский постоянно озирался по сторонам и задавал Василию вопросы, не относящиеся к делу, как бы прошупывая его. «Большой проныра, — подумал Василий. — Видать, сейчас станет предлагать мне взятку». Прервав поток слов визитера, Василий заявил, что его «товар» был конфискован на законных основаниях и он ничем не может ему помочь. Коммерсант ушел ни с чем. Василий вскоре забыл о нем, однако через несколько лет их пути снова пересеклись, на сей раз в Европе.

В том же году по решению руководства контрразведки Зарубин из Владивостока был командирован в Китай для выполнения ответственного поручения, связанного с работой по белогвардейской эмиграции. В Китае он находился под прикрытием технического сотрудника советского генконсульства в Харбине. Задание было успешно выполнено, а на молодого чекиста, умеющего завязывать оперативные

связи с иностранцами, обратило внимание руководство закордонной разведки органов госбезопасности. В 1925 году Василий был переведен на работу в ИНО ОГПУ. Началась служба Зарубина во внешней разведке, и вся его дальнейшая деятельность за кордоном проходила теперь по линии Иностранного отдела. Василий превосходно владел английским, немецким и французским языками.

В декабре 1925 года 31-летний Василий Зарубин был направлен руководителем «легальной» резидентуры в Финляндию, где скопилось большое количество белогвардейских эмигрантских организаций. Зарубин быстро освоился с обстановкой, и в Центр регулярно стала уходить секретная информация о планах белогвардейцев и их покровителей против СССР.

В 1927 году британские власти, используя в качестве предлога сфабрикованное белогвардейцем В. Орловым фальшивое «письмо Зиновьева Коминтерну», разрывают дипломатические отношения с СССР. Руководство Иностранного отдела принимает решение сделать акцент на ведении разведки в европейском регионе с нелегальных позиций. В связи с этим Зарубин отзывается в Москву и командировается в Данию в качестве резидента нелегальной резидентуры.

Путь лежал через Стокгольм, где Василий должен был встретиться с работниками Центра и получить от них новые документы и инструкции. Встреча была назначена в ресторане, они сидели и разговаривали о предстоящем обустройстве Василия. Вдруг Зарубин увидел, что к нему направляется улыбающийся человек, лицо которого показалось ему знакомым. Василий мгновенно вспомнил, что это тот самый пронырливый представитель германо-китайской фирмы Шумский, пытавшийся во Владивостоке дать ему взятку.

Решение созрело мгновенно. Оперработник быстро встал и направился навстречу Шумскому, чтобы не дать ему разглядеть сотрудников Центра.

— Василий Михайлович, как я рад вас видеть! Как живете, как ваши жена и дочка? Вы что же, теперь по торговой линии работаете? Где вы остановились? В посольстве?

Зарубин ответил, что рад встрече, что теперь работает в Наркомате внешней торговли в Москве, а в Стокгольм прибыл для подписания контракта со знаменитой шведской фирмой по производству шарикоподшипников, и предложил Шумскому побеседовать после того, как закончит деловую встречу с коллегами.

Предупрежденные Василием сотрудники Центра через некоторое время ушли, предварительно договорившись, что один из них будет ждать его в машине у ресторана. Шумский сел за столик Зарубина и заказал вина. Разговор ограничился обменом любезностями. Оперработнику удалось отделаться от назойливого собеседника, предложив ему встретиться на следующий день, чтобы вместе пообедать. Случайная встреча вроде бы закончилась для него благополучно, однако молодому нелегалу пришлось сократить свое пребывание в Швеции и срочно выехать в Данию, чтобы не «засветиться».

Возвратившись через год в Москву, Зарубин становится особоуполномоченным Закордонной части ИНО ОГПУ СССР. Именно в это время состоялось его знакомство с Горской.

После брака Василия и Лизы руководство разведки принимает решение направить чету Зарубиных на нелегальную работу с перспективой их использования по Франции. Такое решение было вызвано тем, что Англия в 1927 году под надуманным предлогом разорвала дипломатические отношения с СССР, готовилась последовать этому примеру и Франция. Подобная ситуация резко снижала возможности работы «легальных» резидентур советской разведки, действовавших под прикрытием официальных дипломатических представительств страны. А обстановка в Европе накалялась. Белогвардейская эмиграция стала открыто говорить об организации нового «крестового похода» против Советского Союза.

Так началась тайная жизнь супругов Зарубиных.

Для легализации Василий и Лиза должны были выехать в Данию и создать там условия для дальнейшей работы за рубежом.

В Дании разведчики-нелегалы выдавали себя за чешских коммерсантов — супругов Кочек. В Копенгаген они ехали порознь. Чтобы осесть в стране, необходимо было создать надежное прикрытия, найти занятие, которое оправдывало бы их пребывание в ней. Положение нелегалов осложнялось еще и тем, что они располагали фаль-

шивыми паспортами и практически не знали чешского языка. В Дании они разговаривали исключительно по-английски.

Копенгаген не случайно был выбран Центром для легализации разведчиков: обстановка в городе была спокойной, полиция мало интересовалась деятельностью иностранцев, если они, конечно, не нарушали правил проживания в стране.

Лизе повезло с первых дней. Зайдя в магазин за покупками, она увидела, что все надписи сделаны по-датски. Выбрав молодую интеллигентную женщину, Лиза обратилась к ней по-немецки, на котором говорила безупречно:

— Вы не можете мне помочь?

Обернувшись к симпатичной молодой иностранке, женщина ответила:

— С удовольствием.

Так Лиза познакомилась с госпожой Нильсен, англичанкой по происхождению, дочерью священника, женой владельца небольшой оптовой фирмы, занимавшейся импортом ниток для вышивки и производства трикотажа.

Через женщин произошло знакомство Зарубина с мужем англичанки. Они подружились семьями, и вскоре разведчик выяснил, что Нильсен хотел бы расширить свое предприятие, однако стеснен в средствах. Зарубин сказал Нильсену, что мог бы войти компаньоном в его дело, если это не будет связано с вложением крупных средств.

Пожив в Копенгагене некоторое время в гостинице, супруги сняли жилье у некоей госпожи Даниельсон, которая сдавала меблированные комнаты. Спустя несколько месяцев, оставив за собой комнату у госпожи Даниельсон, разведчики выехали по служебным делам, а для окружающих — «на отдых» в небольшое курортное местечко Эспергарде, находящееся примерно в шестидесяти километрах от Копенгагена. Иногда они приезжали в датскую столицу, где встречались с госпожой Нильсен, ходили с ней в парк Тиволи и время от времени угощали ее скромными обедами. На одной из таких встреч англичан-

ка напомнила, что Зарубин собирался стать компаньоном ее мужа. Разведчик ответил, что разговор на эту тему действительно был, однако ничем не закончился и что он займется чем-либо другим, поскольку имеются интересные предложения.

Вскоре после этого, очевидно под влиянием жены, Нильсен сам вернулся к деловому разговору. Они договорились, что Зарубин внесет некоторую сумму денег в дело Нильсена и станет его компаньоном. В дальнейшем с помощью фирмы Нильсена разведчики-нелегалы получили разрешение на длительное проживание в Дании.

Легализация Зарубиных прошла благополучно. Можно было приступать к непосредственной разведывательной работе. Однако спустя некоторое время из Центра пришло указание Зарубину срочно прибыть в Швецию для обсуждения дальнейших планов его разведывательной деятельности. В телеграмме разведчику предлагалось прибыть в Стокгольм одному, подразумевалось, что возвращаться в Данию ему не придется.

В Швеции Зарубин встретился с одним из руководящих сотрудников Иностранного отдела. Тот сообщил разведчику, что руководство ИНО приняло решение направить супругов на нелегальную работу во Францию. Там Зарубины должны были осесть на длительное проживание, создать нелегальную резидентуру, наладить линии связи с Центром, подобрать курьеров, подыскать конспиративные квартиры, принять на связь ряд агентов-нелегалов и заняться приобретением новых источников информации. Отношения с Нильсеном было предложено прекратить. В ответ на возражения Василия представитель Центра заявил, что сейчас работа во Франции важнее, чем в Дании, тем более что его жена несколько лет жила в Париже, прекрасно владеет французским языком и знает эту страну.

Перед разведчиками вновь встал вопрос о легализации. Было решено, что пока Лиза будет завершать дела в Копенгагене, Василий пройдет «стажировку» на юге Франции, «акклиматизируется» и присмотрится к новой обстановке. В страну они могли въехать по туристической

визе сроком на два месяца, в течение которого им предстояло найти подходящее занятие, дающее право на длительное пребывание во Франции.

По тому же чешскому паспорту на имя Кочека В. Зарубин въехал сначала в Швейцарию, где остановился в скромном пансионе, завел ряд полезных знакомств. Убедившись, что обстановка вокруг него остается нормальной, он затем прибыл в небольшой курортный городок Антиб на юге Франции. Поселился в пансионе, получил французские водительские права и вскоре за небольшую сумму приобрел поддержанную автомашину престижной марки.

На Лазурном берегу Василий познакомился с молодой француженкой по имени Мая, студенткой Сорбонны. Выяснилось, что ее родители некогда проживали в России, но за участие в революции 1905 года были высланы во Францию. Мая собиралась домой и, узнав, что Зарубин намеревается переехать в Париж, дала ему свой адрес.

Вскоре к Василию в Антиб из Дании приехала Лиза, и они вместе направились в Париж, где остановились в небольшой гостинице. Спустя некоторое время Василий навестил Маю и познакомился с ее родителями, которые не скрывали своих революционных взглядов и симпатий к Советской России. В дальнейшем родители Маи были привлечены к секретному сотрудничеству с советской нелегальной разведкой в качестве содержателей конспиративной квартиры, явки и фотолаборатории. Сотрудничать с советской разведкой стали также Мая и ее брат. Один раз Мая даже возила срочную почту в Москву, неоднократно ездила за почтой в гитлеровскую Германию. Ее брат заводил знакомства с офицерами-спортсменами, от которых получал интересную информацию. Во время Гражданской войны в Испании он воевал в Интербригаде. В годы Второй мировой войны командовал крупным партизанским отрядом во французском движении Сопротивления и закончил военную службу в чине полковника. Разведывательная работа этой группы агентов продолжалась более двадцати лет.

После прибытия в Париж супругам Зарубиным предстояло легализоваться во Франции, для чего было необходимо выбрать соответствующее место для постоянного проживания. Их выбор пал на живописный городок Сен-Клу в предместье Парижа. Здесь они сняли небольшой меблированный домик, стоявший на горе, а машину держали в коммерческом гараже, владельцем которого был француз лет сорока. Однажды, когда Василий по договоренности с владельцем гаража ремонтировал свою машину, француз, наблюдавший за его работой, предложил ему войти с ним в пай, чтобы расширить дело. Василий обещал подумать, отметив, что у него нет разрешения на постоянное проживание в стране. Француз заметил, что это не проблема, поскольку у него хорошие связи в местной полиции и он запросто уладит этот вопрос.

Спустя некоторое время Зарубины получили в местной мэрии постоянный вид на жительство во Франции и стали компаньонами владельца автомобильного гаража. В дальнейшем он ввел Василия и Лизу в круг своих многочисленных знакомых, принадлежавших в основном к мелкой буржуазии. Обращение нейтральными связями способствовало легализации разведчиков в стране. Однако необходимо было приступить к организации нелегальной резидентуры во Франции. Для этого разведчикам-нелегалам следовало решить вопрос о переезде в Париж. А это означало, что Василию нужно было подобрать нового хорошего компаньона, с помощью которого можно было бы вести все коммерческие дела уже в Париже.

Выбор Василия пал на завербованного им еще во Владивостоке агента-поляка по кличке «Башмачник», располагавшего широкими связями в коммерческом мире Европы и имевшего родственников во Франции. Центр поддержал предложение резидента, и вскоре «Башмачник» через Москву и Варшаву прибыл в Ниццу для встречи с Зарубиным. По удачному стечению обстоятельств, младший брат «Башмачника» владел небольшой рекламной фирмой в Париже и как раз подыскивал солидного компаньона, который мог бы вложить средства в расширение фирмы.

«Башмачник» сам вошел в дело, заключив с братом официальный договор, и порекомендовал ему в качестве компаньона Зарубина. Брат «Башмачника» с удовольствием взял разведчика в компаньоны, заключив с ним соглашение. Вскоре Зарубины перебрались в Париж, где Василий, имея документы на имя совладельца рекламной фирмы, легко оформил постоянный вид на жительство для себя и жены.

В Париже Василий Михайлович и Елизавета Юльевна прожили четыре года. Там же у супругов в 1931 году родился сын Петр. Документы о его рождении Мая отвезла в Москву, где мальчика зарегистрировали и сделали отметку в настоящем паспорте Лизы. Он также был зарегистрирован и в Париже с соответствующей отметкой в чехословацких паспортах родителей. Следует отметить, что впоследствии Петр Васильевич Зарубин стал профессором, видным ученым. Длительное время он работал в Москве в области создания лазерной техники, возглавлял Главное управление Министерства оборонной промышленности СССР.

Во время проживания в Париже Зарубины не порывали связи с владельцем гаража в Сен-Клу, который вместе с семьей часто навещал их в столице и все время лестно отзывался о них в кругу своих знакомых.

Вначале фирма Зарубина и братьев делала рекламу из папье-маше и в рельефе в основном на кулинарные темы. Затем по предложению Василия она перешла на изготовление кинорекламы — плакатов, изображающих кинозвезд в полный рост, которые выставлялись около кинотеатров, где демонстрировались кинофильмы с их участием. Связь с известными киностудиями и прокатными компаниями создала предприятию хорошее имя. На счет фирмы стали поступать средства из различных городов Франции. Позднее фирма начала делать рекламу на экспорт, что поощрялось французскими властями, поскольку это способствовало притоку иностранной валюты. Солидность фирмы позволила Василию стать членом одного из ведущих спортивных клубов Франции, что создавало хорошие условия для ведения разведывательной

работы. В дальнейшем, когда Зарубины находились на нелегальной работе в нацистской Германии, опыт работы в фирме был ими активно использован.

Так закончился период легализации нелегалов Зарубиных и началась интенсивная разведывательная работа. Занимаемое Зарубиным солидное положение во Франции не вызывало каких-либо подозрений к нему со стороны местных спецслужб. Разведчик пользовался авторитетом во французских деловых кругах и сумел наладить получение информации, касающейся внутренних и международных проблем.

Что касается Лизы, которая во Франции имела оперативный псевдоним Вардо, то ей приходилось выполнять различные ответственные поручения Центра и поддерживать с ним оперативную связь.

Почта на Лубянку шла через «легальную» резидентуру в Вене и перевозилась специальными курьерами. Но однажды в Вену для получения важного пакета вызвали Вардо. Ей без помех удалось прибыть в Вену к назначенному сроку и встретиться в кафе с сотрудником венской резидентуры, который передал ей толстый иллюстрированный журнал между страницами которого был спрятан пакет. Раскрыв журнал в отеле, Вардо с ужасом увидела вложенный в него «московский» коричневый канцелярский пакет с пятью сургучовыми печатями, который оперработник венской резидентуры не удосужился предварительно вскрыть и уничтожить, как полагалось по инструкции.

Вскрыв пакет, Вардо обнаружила в нем два паспорта, иностранную валюту и новые шифры. Уничтожив конверт, разведчица часть его содержимого спрятала в сумочку, а остальное разместила на себе. В поезде она заняла верхнюю полку в двухместном купе и благополучно миновала три границы. На французской границе в купе зашли жандармы и проверили паспорт. Затем таможенники изучили содержимое чемодана. Все было в порядке. Вдруг в вагон с шумом ворвался жандарм-пограничник и закричал:

— Вы почему не пришли в таможенную зарегистрировать ваше оружие? Сколько вас ждать?

Вардо не потеряла самообладания и спокойно ответила:
— Никакого оружия у меня нет.

Тут ей на помощь пришел сосед по вагону. Он подошел к пограничнику и сказал:

— Вы ошиблись. Оружие у дамы из другого купе.

Жандарм поспешил туда и вскоре ушел в сопровождении пожилой англичанки, которая везла с собой антикварный дуэльный пистолет. Так, благодаря самообладанию, Вардо удалось благополучно выйти из серьезной ситуации, грозившей ей тюрьмой. Подобных случаев было немало в ее оперативной деятельности.

Возвратившись в Париж, Вардо вскоре узнала, что здесь находится ее старый друг по подпольной работе в Вене, армянин по национальности. Через него разведчица вышла на стенографистку германского посольства в Париже: Москву интересовали планы гитлеровцев в отношении СССР. Армянин познакомил Лизу с этой женщиной, получившей псевдоним «Ханум», так как она красила волосы хной, подобно иранским женщинам. Личное обаяние разведчицы, отличное знание немецкого языка расположили к ней немку. И хотя поначалу отношения с ней развивались довольно непросто, но в дальнейшем Вардо удалось найти общий язык со стенографисткой, и от нее стали поступать очень ценные сведения о франко-германских отношениях и планах Берлина в Европе, а также документальная экономическая и политическая информация германского посольства. К сожалению, вскоре «Ханум» заболела, и ее перевели на работу в МИД Германии. Тем не менее связь с ней не прервалась, и в дальнейшем Вардо продолжила работу с ней в Германии.

В Париже Вардо активно работала с ценным агентом ОГПУ, бывшим царским генералом П. П. Дьяконовым, который в прошлом занимал пост военного атташе России в Англии, а в 1920 году переехал на жительство во Францию и имел широкие связи в русской военной эмиграции. Он выполнял задания по разложению крупнейшей белогвардейской организации — Русского общевойскового союза (РОВС), который насчитывал в своих

рядах более двадцати тысяч активных сторонников и готовил вооруженные акции против СССР и его представителей за рубежом. Генерал также снабжал Центр информацией о деятельности французской военной разведки. П. П. Дьяконов принимал участие в операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова. Располагая обширными связями в высших военных кругах Франции, генерал по заданию Вардо довел до руководства французской военной разведки подготовленные Центром достоверные сведения о «пятой колонне» профашистски настроенных французских генералов и офицеров. Эта операция прошла успешно и сыграла свою роль в охлаждении отношений между Францией и Германией.

В 1933 году в связи с приходом Гитлера к власти обстановка в Германии осложнилась. По существу, прекратилась деятельность нелегальной резидентуры в этой стране в связи с отъездом на родину большинства оперативных работников: почти все они были евреями, и их дальнейшее пребывание в Германии стало небезопасным. Нелегалы Зарубины получили задание перебраться из Парижа в Германию и в кратчайший срок восстановить деятельность нелегальной резидентуры.

Василий Зарубин был назначен руководителем нелегальной резидентуры, а его супруга — оперативным работником резидентуры. Разведчикам предстояло легализоваться в нацистской Германии, принять на связь агентуру и приступить к добыванию интересующей Москву информации о внутренней и внешней политике Гитлера, особенно информации, касающейся его планов в отношении СССР.

До Берлина Зарубины добирались разными маршрутами. Обстановка с легализацией в Германии резко отличалась от той, которая была во Франции. О получении вида на жительство на длительный срок не могло быть и речи. Поэтому сначала Зарубины находились в Германии в качестве туристов. Тем не менее они сразу же приступили к приему на связь нелегальной агентуры.

Работа в Германии была связана для Вардо со смертельной опасностью, так как она также была еврейкой по

национальности. Однако Центр был вынужден пойти на этот риск, учитывая имевшийся у разведчиков богатый опыт нелегальной работы во Франции. Москва принимала во внимание и ряд благоприятных обстоятельств. В частности, немаловажную роль имело «прикрытие» нелегалов Зарубиных, которые должны были представлять американскую фирму. А накануне новой мировой войны немцы нуждались в хороших отношениях с США и внешне хорошо относились к американским гражданам. Кроме того, Василий Зарубин располагал классической «арийской» внешностью, а Вардо скорее походила на красивую итальянку, чем на еврейку.

Руководимая Зарубиным нелегальная резидентура была сформирована в кратчайшие сроки. В нее вошли оперработники, приехавшие в Берлин вслед за резидентом, а также шесть источников информации из числа местных граждан и иностранцев, принятые разведчиками на связь. Через некоторое время от нелегальной резидентуры в Центр пошла важная секретная информация.

С декабря 1933 года нелегалы Зарубины более трех лет действовали в гитлеровском рейхе. Работа в нацистской Германии требовала небывалого мужества от разведчицы, которая понимала, что малейшая неосторожность в работе или в быту приведет ее в гестапо. И она, постоянно рискуя жизнью, успешно справлялась с заданиями.

По указанию Центра Вардо восстановила связь с ценнейшим источником разведки, работавшим в гестапо, — Вилли Леманом («Брайтенбах»). Этот человек стал одним из прототипов Штирлица в знаменитой повести Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны». «Брайтенбах» возглавлял отдел гестапо по борьбе с «коммунистическим шпионажем» и, пользуясь своим служебным положением, неоднократно спасал резидентуру НКВД от провалов. В 1935 году он сообщил сведения о создании Вернером фон Брауном принципиально нового вида оружия — знаменитых ракет «Фау». Успешная работа с ним продолжалась до отъезда Зарубиных из Берлина в 1937 году. «Брайтенбах» был передан на связь сотруднику «легальной» резидентуры и был одним из самых результативных

ее источников. В декабре 1942 года в результате провала «Брайтенбах» был арестован гестапо и расстрелян.

В Берлине Вардо восстановила связь и с «Ханум», которая теперь работала в центральном аппарате гитлеровского МИДа и передавала советской разведке очень важные документы. Из них следовало, что Гитлер готовит большую европейскую войну. Однако через некоторое время «Ханум» заболела и вскоре умерла. Вардо нашла ей замену в лице скромного служащего МИДа Германии, который работал в дальнейшем под псевдонимом «Винтерфельд» и имел доступ к секретной, в том числе шифрованной, переписке. Весной 1936 года разведчица обучила немца технике фотографирования документов микроаппаратом, и вскоре он стал передавать советской разведке копии секретных шифртелеграмм и других важных документов германского внешнеполитического ведомства.

В середине 1937 года нелегалы Зарубины были направлены на несколько месяцев в США для выполнения нового важного задания. В связи с реальной угрозой гитлеровского нападения на СССР Центр принял решение реорганизовать деятельность внешней разведки. При этом упор делался на подготовку к работе в чрезвычайных условиях. Разведчикам предстояло подобрать агентуру из числа американцев для возможной работы в Германии в военный период. В этом плане большой интерес представляли лица, которых можно было бы использовать в качестве курьеров-связников. С поставленной задачей разведчики успешно справились. Ими были завербованы три агента, среди которых выделялась агент «Елена». Она ненавидела нацистский режим в Германии и согласилась сотрудничать с советской разведкой на идейной основе. В дальнейшем «Елена» поступила на учебу в аспирантуру Берлинского университета и выполняла роль курьера нелегальной разведки.

В конце 1937 года Вардо было присвоено звание капитана государственной безопасности. В 1938 году она дважды выезжала в Таллин для поддержания связи с ценной агентурой, а позже — на нелегальную работу в Париж и Лондон.

Нелегальная резидентура Зарубиных не была единственной в предвоенном Берлине. Параллельно с ними работой другой нелегальной резидентуры руководил Ф. К. Парпаров, прибывший в страну еще в 1931 году. Ему удалось завербовать жену высокопоставленного германского дипломата, которая по заданию разведчика фотографировала служебные документы своего мужа. Перед Рождеством 1935 года «Августа» (таким был оперативный псевдоним жены германского дипломата) передала запись беседы Гитлера с английским послом Фиппсом, в ходе которой фюрер изложил свои планы в отношении СССР.

В 1939 году Федор Парпаров был отозван в Москву и арестован по ложному доносу. Связь с «Августой» прекратилась.

В том же году чистки, которые проводились во внешней разведке, затронули и Елизавету Юльевну. Один из молодых, но уже руководящих сотрудников центрального аппарата разведки написал в феврале 1939 года справку на Зарубину, в которой, в частности, говорилось:

«До 1924 года Зарубина-Горская состояла в румынском подданстве. Отец и мать ее проживают в настоящее время в Румынии. В 1928 году, по рекомендации врага народа Запорожца, Зарубина поступила на работу в органы ОГПУ и, начиная с 1928 по 1929 год и с 1930 по 1938 год, все время находилась на закордонной работе по линии ИНО. За границей, во Франции и Румынии, Зарубина имеет много родных и родственников, с которыми поддерживает связь. В целях освежения аппарата отдела считал бы целесообразным откомандировать Зарубину-Горскую в распоряжение отдела кадров НКВД СССР».

1 марта 1939 года Елизавета Юльевна была уволена из органов государственной безопасности. Шестнадцать лет ее работы на разведку были отмечены выходным пособи-

ем в размере четырех месячных окладов. К счастью; ее не коснулись более жесткие меры.

А в это время перед советской внешней разведкой была поставлена конкретная задача по активизации деятельности в Германии. Кадров для этого не хватало, и 19 апреля 1940 года Зарубину восстановили на службе в 5-м отделе ГУГБ. Ей предстояла срочная командировка в Германию.

Вардо получила задание от руководства разведки восстановить связь с «Августой». Разведчица с паспортом на имя Елизаветы Горской выехала в Берлин в «легальную» резидентуру и 10 декабря встретила с женой гитлеровского дипломата. С собой она привезла письмо от Ф. Парпарова. Поначалу «Августа» не поверила Вардо, приняв ее за немку и расценив эту встречу как провокацию гестапо. Однако разведчице удалось убедить ее продолжить работу с советской разведкой, и в Центр накануне войны вновь стала поступать важная информация.

В середине июня 1941 года, когда советские разведчики в Берлине уже буквально затылком чувствовали горячее дыхание войны, Вардо договорилась с «Августой» об условиях работы с ней в особый период. Однако ни Вардо, ни другим советским разведчикам встретиться с немкой больше не довелось. Как было установлено после войны советской разведкой, «Августа» тяжело переносила бомбежки Берлина и во время одной из них попала в психиатрическую больницу, где через некоторое время скончалась.

В апреле 1941 году Вардо по заданию руководства разведки восстановила связь с женой крупного нацистского дипломата, завербованной органами госбезопасности в Москве. Находясь в Германии и выдавая себя за немку, Вардо провела две встречи с этой женщиной и добилась от нее согласия на продолжение сотрудничества теперь уже в Берлине. Вскоре от этого источника была получена важная информация о близящемся нападении Германии на СССР, которая немедленно была доложена наркому госбезопасности В. Меркулову. Эту же информацию подтвердил «Брайтенбах»: 19 июня на встрече с сотрудни-

ком резидентуры в Берлине Борисом Журавлевым он сказал, что война начнется 22 июня. В Москву ушла срочная телеграмма. Однако в связи с тем, что разведка 17 июня 1941 года уже докладывала Сталину о дне начала войны, информация не была реализована.

С первых часов войны все советские представители в Германии были интернированы и 29 июня отправлены на Родину через Турцию. Среди сотрудников посольства была и Вардо, которая на этот раз находилась в Берлине с советским паспортом. Прибыв в Москву, она вместе с мужем трудилась в центральном аппарате разведки над восстановлением нелегальной разведывательной сети в гитлеровской Германии. Работали в основном по ночам, и вот однажды в сентябре Василий Зарубин пришел домой позже, чем обычно. Он сообщил, что принято решение направить их на работу в США, где Василию предстояло возглавить «легальную» резидентуру. Следует отметить, что к началу Великой Отечественной войны Василий Михайлович стал старшим майором госбезопасности (генерал-майором).

Ночью 12 октября 1941 года Василия Зарубина вызвали в Кремль, где его принял Сталин. Он сказал, что президент и народ США поддерживают борьбу советского народа против гитлеровского нашествия. Кремль хотел бы видеть США своими союзниками в борьбе с Гитлером. Сталин поставил задачу советской разведке в этой стране не только отслеживать события, но и не допустить, чтобы правящие круги США сговорились с Гитлером и закончили войну сепаратным миром.

Как показало дальнейшее развитие событий, Верховный Главнокомандующий проявил дальновидность. Действительно, нацистское руководство, особенно накануне краха третьего рейха, пыталось провести сепаратные переговоры с американцами, в частности с начальником Управления стратегических служб США (американская разведка) Донованом. Зарубин регулярно информировал Кремль о ходе этих переговоров.

Во время беседы Сталин поставил также перед разведчиком задачу по сбору сведений относительно реальных

сроков открытия второго фронта в Европе. Эта задача не снималась с повестки дня вплоть до 1944 года, когда была осуществлена американско-британская операция «Оверлорд» по вторжению союзников в Нормандию. Резидентура Зарубина успешно справилась и с этой задачей.

Через несколько дней после упомянутой выше беседы чета Зарубиных, которые теперь именовались Зубилины-ми, выехала в Соединенные Штаты.

В Нью-Йорк Василий Михайлович и Елизавета Юльевна добирались через Дальний Восток. Их резидентуре предстояло начинать работу в США практически с нуля. До конца апреля 1941 года резидентуру в Нью-Йорке возглавлял Гайк Овакимян. Он прекрасно знал США и хорошо владел английским языком. По прикрытию он являлся инженером-консультантом смешанной советско-американской торговой компании Амторг. Овакимян сумел завербовать нескольких агентов по линии научно-технической разведки, которые долгие годы успешно сотрудничали с советской разведкой. Однако в апреле 1941 года он был арестован агентами ФБР на месте встречи с одним из своих источников, который оказался подставой. Лишь с началом войны по личному распоряжению президента Рузвельта Г. Овакимян был выпущен из тюрьмы под крупный денежный залог.

Разведчики прибыли в США в январе 1942 года. До апреля 1943 года Василий Михайлович был резидентом советской внешней разведки в Нью-Йорке под прикрытием должности вице-консула, а затем до осени 1944 года — главным резидентом в США под прикрытием должности 2-го секретаря полпредства СССР в Вашингтоне.

По приезде в США Вардо активно включилась в разведывательную работу. На связи у нее находились двадцать два агента, с которыми необходимо было регулярно встречаться с соблюдением всех мер конспирации, получать от них разведывательную информацию, поддерживать веру в непобедимость Красной Армии. И это в тот момент, когда наши войска отступали на всех фронтах. Ее источники были разбросаны по всей громадной тер-

ритории США, и Вардо приходилось часто ездить в Вашингтон, Сан-Франциско и другие города Америки.

На связи у Вардо находился ценнейший источник резидентуры, выходец из России Яков Голос. Он сумел лично завербовать около двух десятков человек. Среди них — «Брайен», сотрудник одного из важных министерств; «Олфсен», дававший информацию по вопросам вооружения; «Ронд», работавший в важном правительственном учреждении и бывший особенно полезным советской разведке в годы войны. 26 ноября 1943 года Яков Голос умер от разрыва сердца.

Вардо удалось познакомиться с «отцом американской атомной бомбы» Робертом Оппенгеймером, а также с выдающимся физиком Силардом, работавшим в той же области. То, что разведчица делала в США, еще не было «атомным шпионажем», но уже являлось выходом на близкие подступы к нему. Основную работу в США по «Манхэттенскому проекту», как были закодированы работы по созданию американской атомной бомбы, проделали другие разведчики. Среди них — Александр Феклисов, работавший с немецким физиком Клаусом Фуксом, а также С. М. Семенов, Л. Р. Квасников, А. А. Яцков и другие сотрудники нью-йоркской резидентуры. Однако работа Вардо на этом поприще привлекла внимание Центра к атомной проблеме. В дальнейшем участие Вардо в разведке по атомной проблеме было отмечено орденом Красной Звезды (22 октября 1944 года).

Возглавляемая Василием Зарубиным резидентура не только своевременно информировала Центр о политике и планах американского руководства в отношении нашей страны, но и оказывала влияние на решение ряда вопросов в пользу Советского Союза через многих весьма авторитетных лиц в американском правительстве, а также среди ближайшего окружения президента Ф. Рузвельта. Советской разведке в США удалось сорвать сепаратные переговоры, которые вел в Швейцарии с гитлеровцами известный американский разведчик А. Даллес.

Однако разведчикам Зарубиным не удалось полностью выполнить в США намеченные планы. Осенью

1944 года они неожиданно были отозваны в Москву: один из сотрудников резидентуры обвинил Василия Зарубина в сотрудничестве с американскими спецслужбами. В письме, направленном на имя Сталина, этот работник, страдавший, как выяснилось позже, шизофренией, утверждал, что резидентурой на самом деле руководит Лиза, а Василий работает с людьми, подставленными ему ФБР.

К счастью, через полгода все обвинения с Зарубина были сняты. После войны генерал-майор Зарубин стал заместителем начальника разведки органов государственной безопасности. В этой должности он проработал до 1948 года, когда вышел в отставку по состоянию здоровья.

Елизавета Зарубина работала в центральном аппарате разведки сначала на должности заместителя начальника отделения, а затем руководила одним из отделений внешней разведки НКГБ. Летом 1946 года Елизавета Юльевна возглавила американское направление информационной службы разведки.

Тем не менее 14 сентября 1946 года Елизавета Зарубина в звании подполковника была уволена в отставку «за невозможностью дальнейшего использования». Но еще долгие годы она обучала молодых разведчиков, передавая им свой богатый опыт нелегальной работы. Для многих сотрудников внешней разведки Елизавета Зарубина являлась учителем и наставником.

14 мая 1987 года Елизавета Юльевна скончалась. Она была с воинскими почестями похоронена в Москве на Калитниковском кладбище. В Кабинете истории внешней разведки в штаб-квартире СВР в Ясеневе ей посвящена отдельная экспозиция. Здесь можно узнать о ее работе в нелегальных условиях, ознакомиться с документами. Однако о многих делах офицера нелегальной разведки по имени Вардо рассказывать пока еще рано — столь масштабной была ее деятельность.

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ИРИНА

Зоя Воскресенская... У людей послевоенного поколения это имя вызывает трепетные школьные ассоциации: «программные» книги о Володе Ульянове и его семье, повести и рассказы о советских детях — пионерах и октябрятах.

Почти до последних дней своей жизни Зоя Ивановна была известна у нас в стране только как детский и юношеский писатель — лауреат Государственной и ряда литературных премий, лауреат премии Ленинского комсомола, автор книг, переведенных на многие языки, как теперь говорят, ближнего и дальнего зарубежья. Общий тираж ее книг просто невероятен — 21 миллион 642 тысячи экземпляров! И лишь самые близкие люди и товарищи по работе знали, что Зоя Ивановна, прежде чем стать знаменитым писателем, двадцать пять лет прослужила в советской внешней разведке.

Сегодня, когда приоткрываются архивы секретных служб довоенного и военного времени и становятся известными долгое время засекреченные имена сотрудников внешней разведки, внесших значительный вклад в обеспечение безопасности нашего Отечества, следует подчеркнуть, что Зоя Воскресенская (по мужу — Рыбкина) входила в элиту советских разведчиков. И не случайно на стендах Кабинета истории внешней разведки, рассказывающих о виртуозах-разведчиках, проникавших в самые сокровенные тайны противника, добывая для Родины важнейшую информацию, порой с немалым риском для жизни, почетное место отведено и Зое Воскресенской-Рыбкиной.

Уже тяжело больная, Зоя Ивановна узнала, что ее неожиданно «рассекретили». И она спешно принялась за книгу — свою последнюю книгу. Быстро написала ее, но, к сожалению, не дожидая нескольких месяцев до ее выхода в свет.

«Теперь я могу сказать правду» — так Зоя Воскресенская назвала свое последнее произведение, в котором рассказала не только о себе и своей работе в советском сверхсекретном ведомстве, но и о многих своих товарищах — Василии Михайловиче Зарубине, Павле Михайловиче Фитине, Павле Матвеевиче Журавлеве, Георгии Ивановиче Мордвинове, Павле Анатольевиче Судоплатове и других, кто давно уже стал легендой не только в нашей внешней разведке, но и в большинстве иностранных секретных служб.

Удивительной была жизненная и оперативная судьба этой мужественной и обаятельной женщины изысканной красоты.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции. Детство провела в городе Алексине. В семье было трое детей: помимо Зои еще два младших брата — Коля и Женя. Вспоминая свое детство, Зоя Ивановна рассказывала:

«Тысяча девятьсот семнадцатый год. Уже отшумел февраль. В России Временное правительство, а впереди Октябрь... Помню, до того, как свергли царя, мой средний брат Коля все спрашивал, приставая к отцу: «Папа, а царь может есть колбасу с утра до вечера? Сколько захочет? И белую булку?.. Хорошо быть царем!» В Великую Отечественную Коля погиб под Курском, защищая страну, которая навсегда свергла царя...

Я помню, как-то отец принес домой кипу

трехцветных флагов Российской империи. Дал нам и сказал: «Оторвите белые и синие полосы, а из красных сшейте один настоящий красный флаг».

В октябре 1920 года Зоин отец, Иван Павлович, скончался от туберкулеза. После его смерти вдова, Александра Дмитриевна Воскресенская, переехала с детьми в Смоленск. Вскоре она тяжело заболела. Зоя была вынуждена зарабатывать на хлеб, чтобы помочь матери содержать детей. Уже будучи известной писательницей, Зоя Ивановна рассказывала о том тяжелом времени:

«Я осталась за хозяйку в доме. Восьмилетний Женя и одиннадцатилетний Коля были предоставлены сами себе, озорничали, приходили домой побитые, грязные, голодные... И здесь выручил случай. Я встретила на улице товарища отца, военного... Рассказала ему о своих бедах. Он велел прийти к нему в штаб батальона... Так я вошла в самостоятельную жизнь».

В 1921 году, в четырнадцать лет, она начинает работать библиотекарем в 42-м батальоне войск ВЧК Смоленской губернии. Затем служила в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии, была политруком-воспитателем в колонии малолетних преступников в селе Старожище под Смоленском, работала на заводе им. М. И. Калинина в Смоленске, находилась на комсомольской работе. В 1927 году Зоя вышла замуж за комсомольского активиста Владимира Казутина, которого вскоре направили в Москву на партучебу. От этого брака у Зои родился сын Владимир.

В конце 1928 года Воскресенская переехала из Смоленска к мужу в Москву. Однако их семейная жизнь не задалась, и супруги расстались.

В августе 1929 года Зоя становится сотрудницей Иностранного отдела ОГПУ — внешней разведки. Первая поездка на разведывательную работу — в Харбин, в начале

1930 года. Занимая скромную должность секретаря советского нефтяного синдиката «Союзнефть» в Харбине, Зоя Ивановна в течение двух лет успешно выполняла ответственные задания Центра во время острейшей борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Позже в облике знатной баронессы, роскошно одетая Воскресенская появлялась на улицах Риги, в городах и поместьях старой Латвии. Затем судьба разведчицы перебросила Зою Ивановну в Центральную Европу — в Германию и Австрию, а через некоторое время на север — в Финляндию и Швецию. В последних двух странах она провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни: с 1935 по 1939 год в Финляндии и с 1941 по 1944 год — в Швеции.

На работу в Финляндию Воскресенская выехала в 1935 году в качестве заместителя резидента. К этому времени она уже имела значительный опыт разведывательной работы и стала настоящим профессионалом. По приккрытию Зоя Ивановна выполняла обязанности руководителя советского представительства ВАО «Интурист» в Хельсинки. Ирина (таким был оперативный псевдоним разведчицы) быстро познакомилась со страной и вошла в дела резидентуры.

В начале 1936 года резидент внешней разведки в Финляндии был отозван в Москву, а на его место прибыл консул Ярцев, он же — Борис Аркадьевич Рыбкин. Следует отметить, что к тому времени Борис Рыбкин был весьма опытным разведчиком.

Наша справка

Борис Аркадьевич Рыбкин (настоящие имя и фамилия — Борух Аронович Рывкин) родился 19 июня 1899 года в Екатеринославской губернии в бедной многодетной еврейской семье мелкого ремесленника. После окончания четырех классов сельской школы он переехал в Екатеринослав. Нужда заставила десятилетнего мальчика пойти в типографию учеником наборщика. Восемь лет простоял он у наборной кассы.

Жил типографский ученик впроголодь, часть заработка отсылал родителям. В свободное от работы время много читал, усердно занимался самообразованием. Окончил коммерческое училище. После революции Борис сдал экстерном экзамены за среднюю школу и поступил в Петроградскую горную академию.

В 1920—1921 годах служил красноармейцем в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В июле 1921 года был мобилизован на работу в Екатеринославскую ЧК.

После окончания Высшей школы ОГПУ Борис Рыбкин работал в контрразведывательных подразделениях. В январе 1931 года «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» был награжден Коллегией ОГПУ боевым именным оружием. В том же году переведен на работу во внешнюю разведку и направлен в длительную заграничную командировку в Иран, где проработал до 1934 года.

В Иране Рыбкину удалось приобрести несколько надежных источников информации. Затем последовали спецкомандировки во Францию, Болгарию, Австрию, работа на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. В 1936 году был направлен резидентом ИНО в Финляндию.

За время работы во внешней разведке Б. А. Рыбкин был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и «Знак Почета».

Прибывший в Хельсинки консул Ярцев всегда был подтянутым и внимательным, а по отношению к своей очаровательной помощнице — очень официальным и требовательным. Поначалу у нового резидента и его заместителя отношения не сложились.

О том, как развивались дальнейшие события, рассказывает сама Зоя Иванова:

«Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и попросила Центр отозвать меня. В ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу. Но... возвращаться не потребовалось. Через полгода мы запросили Центр разрешить нам поже-

ниться. Я была заместителем резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой «семейственности». Москва дала «добро».

Так Зоя Воскресенская стала «мадам Ярцевой».

В Финляндии Ирина осуществляла связь с нелегальными сотрудниками советской внешней разведки и с агентурой, собирала информацию, в том числе о планах Германии в отношении этой страны. Она привлекла к сотрудничеству с советской разведкой многих источников. Одним из них была жена высокопоставленного сотрудника японского посольства в Финляндии.

Для решения разведывательных задач Ирина неоднократно выезжала в Стокгольм, а также в Норвегию, где координировала работу нелегальной разведывательной группы.

А Кин (оперативный псевдоним резидента Рыбкина), который вскоре стал 2-м секретарем полпредства СССР в Финляндии, а затем — Временным поверенным в делах СССР в Финляндии, по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел весьма деликатные переговоры с высшим руководством Финляндии, которые касались возможности заключения пакта о ненападении и сотрудничестве между двумя странами, недопущения немецких войск в случае войны на финскую территорию, а также взаимного обмена территориями. К сожалению, в силу тогдашнего политического курса финского правительства эти переговоры не дали положительных результатов.

Позже известный финский политический деятель, бывший президент Финляндии Урхо Кекконен говорил:

«Переговоры 1939 года не имели успеха не по вине поверенного в делах России в Финляндии господина Ярцева, а вследствие недостатка интереса по этому вопросу со стороны Финляндии».

Военный конфликт с Финляндией вынудил супругов Рыбкиных покинуть Хельсинки.

После возвращения в Москву в 1939 году Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой, став одним из основных аналитиков в разведке (специальное аналитическое подразделение в разведке было создано лишь в 1943 году).

Из воспоминаний заместителя начальника советской внешней разведки генерала Судоплатова:

«С ноября 1940 года все мы находились в состоянии повышенной боевой готовности. К этому времени Зоя Рыбкина и ее непосредственный начальник Павел Журавлев завели литерное дело под названием «Затея», в котором сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно следить за развитием немецкой политики, в частности за ее возрастающей агрессивностью. Информация из этого литерного дела регулярно поступала к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику по отношению к Гитлеру».

Именно к Воскресенской-Рыбкиной стекались разведданные от знаменитой «Красной капеллы» — группы антифашистов, действовавшей в гитлеровской Германии. Руководителями группы являлись обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен («Старшина») — племянник гросс-адмирала Тирпица, сотрудник министерства авиации и штаба ВВС Германии и Арвид Харнак («Корсиканец») — руководящий сотрудник министерства экономики Германии.

Еще в январе 1941 года «Старшина» информировал Москву:

«В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград».

В марте он конкретизировал эту информацию:

«Германский генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляется план бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжает на машине районы расположения электростанций».

В апреле 1941 года «Корсиканец» докладывал в Центр со ссылкой на окружение Розенберга: «Вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен».

В свою очередь «Старшина» в том же месяце сообщил, ссылаясь на сведения, полученные от офицера связи при Геринге: «Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно. Начало его следует ожидать в ближайшее время». Тревожная информация поступала от источников практически ежедневно. Наконец, в начале июня «Старшина» сообщил: «Все подготовительные военные мероприятия: составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на «балканских» аэродромах германской авиации должны быть закончены к середине июня месяца».

Зоя Ивановна была не только хороша собой, но и необычайно умна. Именно она подготовила известную аналитическую записку для И. В. Сталина, в которой утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент. Вспоминая этот период, Зоя Ивановна писала:

«Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию, касающуюся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную запис-

ку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз...

Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны. 17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов «Старшины» и «Корсиканца» с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник внешней разведки П. М. Фитин повез лично И. В. Сталину. ...Иосиф Виссарионович ознакомился с нашим докладом и швырнул его. «Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».

А до начала Великой Отечественной войны оставалось несколько дней.

В подготовке гитлеровской Германии к войне против СССР Зоя Воскресенская-Рыбкина смогла убедиться и лично.

Желая опровергнуть слухи о якобы готовящемся нападении на СССР и продемонстрировать свою приверженность заключенному в 1939 году германо-советскому договору, руководство Германии в начале июня 1941 года прислало в Москву группу солистов балета Берлинской оперы. Германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург устроил в здании посольства прием в их честь и пригласил на него солистов балета Большого театра. Присутствовала на приеме и некая госпожа Ярцева, пред-

ставлявшая Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). В ее задачу как разведчика входило, в частности, оценить обстановку в посольстве и настроение его сотрудников.

Мадам Ярцева была настолько привлекательна, что граф Шуленбург пригласил ее на тур вальса. Зоя Ивановна прошла с послом в вальсе по всему залу и обратила внимание, что на стенах примыкающих к залу комнат видны следы от снятых картин, а в одной из комнат напротив возвышается груда чемоданов. Вызывали озабоченность и другие детали, подмеченные Зоей Ивановной в беседах с немецкими дипломатами.

Разведчица сделала вывод, что германское посольство готовится к отъезду, а акция с Берлинским балетом устроена для отвода глаз. Об этом и было доложено в тот же вечер руководству разведки. Наблюдения Зои Ивановны также стали важным, хотя и косвенным подтверждением информации о скором начале войны.

С первых дней Великой Отечественной войны Воскресенская-Рыбкина являлась сотрудницей Особой группы, возглавляемой заместителем начальника внешней разведки генералом П. А. Судоплатовым. Особая группа занималась подбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных отрядов. Воскресенская, в частности, стала одним из создателей первого партизанского отряда.

Наша справка

Первоначально в отряд входили всего четыре человека, которых подбирала и инструктировала Зоя Ивановна.

Командиром отряда был назначен Никифор Захарович Каляда — кадровый военный, воевавший с немцами еще в Первую мировую войну. Бывший партизан на Украине, он в 1920-е годы являлся заместителем командующего армией на Дальнем Востоке. Начальником штаба назначили Леонида Васильевича Громова — бывшего начальника геологической экспедиции на острове Врангеля.

В группу были также включены: в качестве специалиста-механика — Самуил Абрамович Вильман, который до войны был резидентом нелегальной резидентуры в Монголии под «крышей» владельца частной авторемонтной мастерской, и лейтенант запаса Константин Павлович Молчанов — специалист-оружейник.

В задачу группы Н. З. Каляды входило создание партизанского отряда из местных жителей Бельского, Пречистенского и Батуринаского районов Смоленской области.

8 июля 1941 года группа, официально именовавшаяся отрядом № 1, на грузовой автомашине выехала в северный лесной массив по направлению Москва—Смоленск—Витебск.

Вскоре в отряде было уже более ста человек из десяти районов Смоленской области. В лесу Н. З. Каляда отпустил бороду, за что партизаны прозвали его Батей. Из истории Великой Отечественной войны хорошо известно легендарное партизанское соединение Бати, которое уже в 1941—1942 годах практически восстановило советскую власть в районе треугольника Смоленск—Витебск—Орша.

Зоя Ивановна была также причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, которая, кстати, работала под необычным, церковным прикрытием. Вот как об этом она вспоминает в своих мемуарах:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы «послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь».

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что ему 54 года, что сразу же после начала войны он был назначен Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и потому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Василий Михайлович не сразу согласился, подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился.

— Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

— В качестве кого вы сможете их «прикрыть»?

— В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу руководству и на следующий день встретимся.

Руководителем группы назначили подполковника нашей службы Василия Михайловича Иванова (оперативный псевдоним — «Васько»). Вторым членом группы стал Иван Васильевич Куликов (оперативный псевдоним — «Михась») — 22-летний выпускник авиационного училища, являвшийся с начала войны сержантом истребительного батальона войск НКВД.

Владыку Василия с его будущими помощниками знакомила каждого в отдельности. Они епископу понравились. Между собой «Васько» и «Михась» тоже установили добрый контакт. Владыка Василий каждый день у меня на квартире обучал их богослужению: молитвы, обряды, порядок облачения. К слову скажу, облачение для епископа и его помощников мы получили из фондов музея. Одно из них, шитое жемчугом, епископ отклонил, заметив,

что это одеяние для священнослужителей более высокого ранга и применяется в более торжественных случаях. Обменяли его на другое.

Группа сложилась дружная, удачная. 18 августа 1941 года ее направили в прифронтовой Калинин. Службу они начали в Покровской церкви Пресвятой Богородицы, но 14 октября вражеская авиация разбомбила ту церковь, и епископ со своими помощниками перешли в городской собор.

Вскоре немцы заняли Калинин. Владыка Василий послал «Михася» к бургомистру, попросил взять его и помощников на довольствие, магазины в городе опустели. Бургомистр обещал, но тут же епископа вызвали к начальнику гестапо. Через переводчицу, православную немку Линду, владыка объяснил местному фюреру, что он, епископ, при советской власти был посажен в тюрьму и отбывал наказание на Севере, в Коми. Начальник гестапо выразил надежду, что русский священник, обиженный комиссарами, окажет содействие немецкому командованию, в частности поможет выявить укрытые продовольственные склады. Епископ уклонился от прямого ответа: его главной заботой является духовная жизнь паствы, ею он крайне озабочен, к этому обязывает его высокий духовный сан.

Молва о владыке Василии, столь ревностно пекущемся о своих прихожанах, быстро распространилась в городе. Жители потянулись к собору. А молодые, статные и красивые, отличавшиеся скромностью и строгостью нравов помощники владыки завоевали симпатии у людей, и в особенности у девушек.

Разведгруппа оперативно выполняла задание. «Васько» и «Михась» налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и рас-

положении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через заброшенную к ним радиистку-шифровальщицу Аню Баженову (оперативный псевдоним «Марта»). «Марта» сняла комнату у местной жительницы, и «Михась» регулярно с ней виделся.

Злодеяния гитлеровцев начались с первого часа их появления в городе. На улицах то и дело возникала стрельба, одиночная и автоматная. Под угрозой смерти жителей согнали на центральную площадь и на их глазах на виселице казнили обнаруженных коммунистов и партизан.

Город находился в руках оккупантов два месяца, это были адовы дни.

После освобождения города к нашему командованию посыпались заявления о «подозрительном» поведении епископа и его служек. СМЕРШ готов был арестовать группу, но Москва приказала взять ее под охрану. Тем временем при выходе из собора откуда-то появившийся милиционер схватил епископа за руку и, скомандовав: «Пошли в НКВД», увел его. «Васько» и «Михась» последовали за владыкой. Дежурному по НКВД милиционер заявил, что привел «попов, продавшихся немцам». Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в дело не вмешался заместитель начальника местного управления НКВД Крашенинников (только он знал о группе «Васька»), и инцидент был исчерпан.

Результат работы разведгруппы был убедительным. Кроме ранее переданных шифрованных радиодонесений, «Васько» и «Михась» доложили, что ими выявлено более тридцати агентов гестапо, поименно и с адресами, составлен перечень и указаны места тайных

складов оружия: гитлеровцы, видимо, еще надеялись вернуться в город.

Патриотический подвиг епископа Василия Ратмирова был высоко оценен. За то, что он проявил мужество и не бросил в трудный час свою паству, решением Синода ему был присвоен сан архиепископа. От советской разведки Василий Михайлович получил в знак благодарности золотые часы. «Васько», «Михась» и радистка «Марта» были награждены орденами «Знак Почета». По указанию патриарха Алексия владыка Василий был назначен архиепископом Смоленским».

Каждый из сотрудников Особой группы тоже готовился к тому, чтобы в любой момент направиться за линию фронта. Готовилась к этому и Зоя Ивановна, разучивая роль сторожихи на переезде у маленькой железнодорожной станции, находившейся в тылу у немцев. Однако судьба распорядилась по-другому.

Муж Зои Ивановны Борис Рыбкин проходил в это время подготовку для разведывательной работы в Швеции. Он должен был туда выехать советником посольства и резидентом. Руководством разведки было принято решение направить вместе с ним и Зою Ивановну. Так в конце 1941 года супруги Ярцевы оказались в Стокгольме.

Генерал П. А. Судоплатов позже вспоминал:

«В дипломатических кругах Стокгольма эту русскую красавицу знали как Зою Ярцеву, блиставшую не только красотой, но и прекрасными знаниями немецкого и финского языков. Супруги пользовались большой популярностью в шведской столице».

Официально Ирина значилась пресс-атташе советского посольства, которое возглавляла Александра Коллонтай, а по линии разведки являлась заместителем резидента. Сбор разведывательной информации, активная вербовоч-

ная работа, поддержание контактов с участниками антифашистского сопротивления в ряде европейских стран — таков неполный круг оперативных вопросов, которыми пришлось заниматься Ирине в Швеции. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря усилиям разведчиков Кина и Ирины Швеция до конца войны осталась нейтральной, а Финляндия вышла из гитлеровской коалиции.

В марте 1944 года супруги Рыбкины возвратились в Москву. Борис Аркадьевич курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы, Зоя Ивановна занималась аналитической работой.

После окончания войны Зоя Воскресенская-Рыбкина работала некоторое время заместителем, а затем начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года муж Зои Ивановны полковник Борис Аркадьевич Рыбкин погиб под Прагой при исполнении служебных обязанностей. Официальная версия — автомобильная катастрофа. Правда, в нее Зоя Ивановна не очень верила, хотела провести самостоятельное расследование. Но ей не позволили.

Весной 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до пенсии оставалось немногим более года, умер Сталин. Зоя Ивановна так рассказывала об этих днях:

«После траурных дней стали приоткрываться черные страницы неоднозначной личности «отца народов». Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1937—1938 годов. На Лубянке поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого».

В конце августа 1953 года арестовали начальника Четвертого управления НКВД генерал-лейтенанта Судоплатова, с которым Воскресенская-Рыбкина долгое время работала в разведке и который был ее непосредственным

начальником в Особой группе в первые месяцы войны. На отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в партком управления внешней разведки, Зоя Ивановна выступила в защиту своего товарища.

На следующий день Воскресенской-Рыбкиной объявили, что она уволена «по сокращению штатов». Но ее должность начальника отдела не была сокращена. До пенсии, как мы уже отмечали, Зое Ивановне оставалось около года. Будучи волевым человеком, она стала ходить «по инстанциям», добиваясь справедливого разрешения своего дела. Ее направили в распоряжение ГУЛАГа.

Полковнику Воскресенской-Рыбкиной предложили поехать в Воркутинский лагерь для особо опасных преступников на должность начальника спецотдела, которую занимал старший лейтенант, ожидавший замены. Она дала согласие. Выше майора по званию в Воркуте никого не было. Рассказывают, что когда она приехала к новому месту работы, все мужчины-офицеры кинулись скупать одеколон. В свои 48 лет Воскресенская была по-прежнему очень красивой женщиной.

В 1955 году Зоя Ивановна вышла в отставку и занялась литературной деятельностью. Ее ратный труд был отмечен высокими наградами Родины: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В апреле 1940 года она была награждена нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

8 января 1992 года З. И. Воскресенская-Рыбкина скончалась. Похоронили ее в Москве на Новодевичьем кладбище. В день ее похорон одна из центральных газет писала, что «Зоя Ивановна всю свою жизнь служила делу, служила своей Родине».

РАЗВЕДЧИЦА И УЧЕНЫЙ

Шел октябрь 1940 года. Из зарубежных резидентур внешней разведки органов государственной безопасности поступала тревожная информация о концентрации германских войск на советской границе и военных приготовлениях вермахта. К этому времени Гитлеру удалось покорить почти всю Европу и подчинить ее промышленность своим военным планам. И только Англия, отделенная от континента Ла-Маншем, оказывала сопротивление нацистам. Поступающая драматическая информация свидетельствовала, что очередной удар Гитлер может нанести по Советскому Союзу, используя для этого территорию оккупированной Польши, а также стран—союзниц Германии в Восточной Европе. Москву особенно тревожила обстановка в Польше, в которой, по сообщениям разведки, концентрировалась основная группировка немецких войск.

Именно в это время в Польшу были направлены с разведывательным заданием советские разведчики Модржинская и Гудимович. Действуя под самым носом у гестапо, они добывали жизненно важную для Москвы информацию, которая помогла в дальнейшем избежать многих жертв.

Перед начальником советской внешней разведки Павлом Михайловичем Фитиным стояла задача получить достоверную информацию относительно истинных намерений Гитлера в данном регионе. Однако после германской оккупации Польши агентурные позиции советской разведки в этой стране были практически утрачены, связь с

источниками информации законсервирована. Агентурную сеть там необходимо было воссоздавать заново.

Не лучше обстояли дела и в других странах, оккупированных Германией: после кровавых чисток советских органов государственной безопасности, получивших название «ежовщина», заграничные аппараты внешней разведки были разгромлены и практически не функционировали. Намечавшиеся ранее меры по организации разведывательной работы в «особый период» так и не были реализованы.

Назначенный в мае 1939 года на пост начальника 5-го (разведывательного) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР П. М. Фитин предпринял титанические усилия по восстановлению европейской агентурной сети. И эта работа принесла свои первые плоды буквально накануне нападения Германии на Советский Союз. За короткий предвоенный период руководству внешней разведки удалось воссоздать 40 резидентур в Европе, Азии и Америке. В Центре и в заграничных точках внешней разведки к этому времени работало уже 242 оперативных сотрудника, а агентурный аппарат разведки к началу Великой Отечественной войны насчитывал около 600 человек.

В сентябре 1940 года на стол начальника внешней разведки легла информация из Лондона, полученная от надежного источника резидентуры Кима Филби:

«По полученным надежным данным, Германия развернула вдоль советской границы 127 дивизий. Только в бывшей Польше дислоцируется 58 дивизий вермахта. Всего в германских вооруженных силах насчитывается 223 дивизии, которые полностью укомплектованы».

Молодой начальник разведки, которому в ту пору шел 33-й год, задумался: «“Зенхен” (оперативный псевдоним Кима Филби того времени) явно почерпнул эту информацию в британских спецслужбах. До сих пор все получаемые от него сведения, как правило, под-

тверждались. Однако Берлин находится в состоянии войны с Англией, германская авиация ежедневно бомбит Лондон и другие города Великобритании. Возможно ли в этих условиях германское нападение на Советский Союз, или же спецслужбы Англии специально дезинформируют Москву через Кима Филби? Необходимо перепроверить эти сведения, иначе Сталин снимет голову с плеч».

Польша была оккупирована Германией, и советских разведчиков на ее территории не было. Фитин вспомнил сообщение резидентуры НКВД в Варшаве от 7 августа 1939 года: «Германия может начать вооруженные действия против Польши в любой день после 25 августа». Однако Л. Берия, сменивший Н. Ежова на посту наркома внутренних дел, разгромил резидентуры НКВД в Польше (и не только в ней одной). По этой причине разведка не смогла сообщить в Кремль о точной дате нападения Германии на Польшу. Военный пожар в Европе разгорался, достоверная информация о реальных планах Гитлера нужна была как воздух, и в первую очередь — из Польши. Именно в ней, судя по поступавшим сообщениям из других стран, концентрировались главные силы для вторжения на нашу территорию.

В результате оккупации гитлеровской Германией Польша потеряла независимость и была превращена в генерал-губернаторство с центром в Кракове. Советское посольство в Варшаве было закрыто, а резидентуры разведки прекратили свое существование. Однако, в соответствии с советско-германскими договоренностями, оккупационными властями была введена должность управляющего советским имуществом в Варшаве в ранге консула. Занять эту должность готовился сотрудник внешней разведки Петр Гудимович. Но ему необходим был помощник, а германская администрация отказывалась ввести дополнительную должность в аппарате управляющего. Оценив обстановку, в Центре пришли к выводу, что таким помощником для оперработника могла бы стать женщина, его «жена», пусть даже фиктивная (Гудимович не был женат).

Начальник отдела кадров доложил П. М. Фитину личное дело оперработника. В краткой справке на него говорилось:

«Гудимович Петр Ильич родился 20 октября 1902 года в городе Новгород-Северский Черниговской губернии, украинец. Происходит из семьи кустаря-портного. В 1920 году окончил 6 классов средней школы. С марта 1921 года служил переписчиком в Новгород-Северском уездном военкомате и кавалерийских частях РККА. В сентябре 1924 года был демобилизован. Поселился в городе Туапсе, где работал делопроизводителем в райвоенкомате. В 1928 году вступил в ВКП(б). Окончил рабфак в Туапсе и Институт инженеров коммунистического строительства в Новочеркасске. В 1933 году был принят на работу в органы госбезопасности и направлен на учебу в Центральную школу ОГПУ в Москве. По ее окончании находился на чекистской работе в Саратовском крае (заместитель начальника политотдела МТС, помощник оперуполномоченного). В 1938 году окончил Школу особого назначения (ШОН) НКВД в Подмоскowie и был зачислен во внешнюю разведку на должность заместителя начальника отделения».

Начальник разведки дал указание активизировать оформление Гудимовича на работу в Польшу и одновременно подобрать ему помощницу. Желательно — владеющую польским языком.

Через несколько дней П. М. Фитин утвердил необходимые документы на разведчика, получившего оперативный псевдоним Иван и паспорт на имя Петра Ильича Васильева. А 25 октября в Берлин на имя резидента Захара (Амаяка Кобулова, брата заместителя наркома Богдана Кобулова) ушла шифртелеграмма следующего содержания:

«На днях к вам для дальнейшего следования к месту назначения в Варшаву на должность управляющего советским имуществом в бывшей Польше выезжает наш оперработник Петр Васильев, он же — Иван. Обсудите с ним все вопросы, касающиеся его работы по линии прикрытия, а также условия поддержания связи. Окажите содействие в получении в МИД Германии официальных документов для постоянных поездок работника в Варшаву и Берлин, то есть в обоих направлениях. Из ваших средств выделите Ивану автомашину, пишущую машинку и тому подобное. Договоритесь, каким путем будете поддерживать связь между собой: с помощью личных поездок, через курьеров, вызова к себе в Берлин, письменно. Подумайте, каким образом переслать продукты в Варшаву для Ивана. Выдайте ему из имеющихся у вас средств 880 польских злотых и 1200 немецких марок на оперативные расходы».

30 октября 1940 года Захар коротко доложил в Москву: «Иван прибыл в Берлин для дальнейшего следования в Варшаву».

Через несколько дней Иван уже внимательно осматривал здание советского посольства в Варшаве. Его сопровождал бывший киномеханик посольства Трепман, который после закрытия советской дипломатической миссии охранял здание. Именно от Трепмана оперработник начал получать некоторые сведения, касавшиеся обстановки в городе. В дальнейшем, правда, выяснилось, что он являлся осведомителем гестапо, и этот факт учитывался в работе с иностранцем.

Как полагается по дипломатическому протоколу, оперработник нанес официальный визит нацистскому чиновнику, австрийцу Данеку, представлявшему в Варшаве МИД Германии. В компетенцию Данека входили все вопросы, касавшиеся иностранных граждан и дипломатов на территории бывшей Польши. В прошлом он

был профессором Венского университета, специалистом в области славянских языков. Контакт с ним представлял для разведчика определенный интерес.

Иван познакомился также с руководителем варшавского гестапо Николаи, который проявил нескрываемый интерес к деятельности управляющего советским имуществом в Польше, с начальником полиции Варшавы Фатишем, завел другие официальные связи, которые могли представить интерес, в том числе для зашифровки оперативных контактов.

Между тем в Центре полным ходом шло оформление «жены» Ивана. В помощники ему подобрали активную сотрудницу, умную и талантливую разведчицу, уже успевшую проявить себя на оперативной работе, Модржинскую Елену Дмитриевну. Ее кандидатуру лично одобрил нарком внутренних дел Л. Берия. В служебной справке на Марию (таким стал оперативный псевдоним Елены Дмитриевны), подписанной начальником внешней разведки П. М. Фитиным, говорилось:

«Модржинская Елена Дмитриевна родилась 24 февраля 1910 года в Москве. Польша. Происходит из семьи служащего. Ее отец — Дмитрий Александрович был сыном ссыльного из дворян, сосланного в 1863 году на каторгу и пожизненное поселение и тогда же лишенного дворянского звания.

В 1925 году окончила среднюю школу и курсы английского языка. В 1930 году — международное отделение факультета советского права 1-го МГУ. Во время учебы в университете проходила практику в редакции газеты «Комсомольская правда», работала гидом-переводчиком во Всероссийском обществе культурных связей с заграницей (ВОКС).

По распределению Модржинская была направлена в наркомат внешней торговли. Работала экономистом, референтом, старшим консультантом, руководителем группы.

В 1936 году, работая в наркомате, окончила спецкурс факультета особого назначения Академии внешней торговли. Помимо польского и русского свободно владеет французским, английским, испанским и немецким языками.

В 1937 году по путевке ЦК ВЛКСМ была направлена на работу в органы НКВД. В 1937—1940 годах — оперуполномоченная 1-го отделения, заместитель начальника 2-го отделения 2-го отдела Главного транспортного управления НКВД СССР. Член ВКП(б) с марта 1940 года. Воинское звание — лейтенант госбезопасности».

Правда, на первых порах Елена Дмитриевна категорически отказывалась от служебной командировки, ссылаясь на семейные обстоятельства. Не прельщала ее и «семейный союз» с малознакомым человеком. По характеру молодая разведчица была человеком упорным, иногда даже резковатым. Как вспоминал значительно позже в своих мемуарах генерал-лейтенант в отставке Виталий Григорьевич Павлов, лично знавший Елену Дмитриевну по работе во внешней разведке накануне войны, она могла открыто высказать свое мнение, не считаясь с заслугами и чинами. Вероятно, решительность и принципиальность молодой разведчицы и сыграли свою роль в выборе ее кандидатом для направления в оккупированную Польшу, обстановка в которой была непростой.

Вскоре руководству разведки удалось преодолеть сомнения Марии, убедить ее в важности поручаемой ей работы, и уже 15 декабря 1940 года Иван встречал ее с букетом цветов на платформе варшавского вокзала. Забегая вперед, отметим, что этот «брак по обстоятельствам» на самом деле оказался счастливым. Совместная работа сблизила разведчиков, и вскоре Иван с Марией попросили Центр официально оформить их отношения.

Напутствуя разведчицу, Павел Фитин предупредил, что ее поведение в Польше должно быть естественным и не вызывать сомнений у окружающих в прочности семейных уз четы Васильевых. Несмотря на жестокое обращение немцев с местным населением, она не должна показывать своих истинных чувств, проявлять к немцам внешнее расположение, в отношении поляков и украинцев вести себя лояльно. Марии было рекомендовано чаще бывать с мужем в общественных местах, завязывать знакомства в интересующих разведку кругах, все замечать и запоминать. После двух-трех месяцев ей разрешалось выезжать в отпуск под предлогом свидания с родителями.

На самом же деле разведчице предстояло обсудить в Центре возможность восстановления связи с законсервированными источниками резидентуры НКВД. Особое внимание в отработанном для нее задании Центра уделялось получению достоверной информации о военных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз.

Первые дни после приезда в Варшаву дались молодой разведчице с трудом. Чувствовалась некоторая неуверенность из-за неопределенности личного положения, давали себя знать чуждая среда и обстановка. Польская столица сильно пострадала от бомбардировок гитлеровской авиации, мирная жизнь была нарушена, свирепствовало гестапо. Внешне все, казалось, было нормально: работали казино, кинотеатры, многочисленные увеселительные заведения для господ германских офицеров, торговали магазины. Однако Польша под гитлеровской оккупацией была не такой, как до войны: в ней царила атмосфера страха и уныния. Тем не менее необходимо было выполнять задания Центра. Прежде всего, подумать о восстановлении агентурного аппарата.

Мария проанализировала справки на агентов, присланные Центром. Некоторых из них посетила под благовидным предлогом. В результате выяснилось, что многие из них, особенно из числа польских военнопленных, завербованных территориальными органами НКВД, подписали обязательства о сотрудничестве с разведкой в надежде любым путем возвратиться на родину. Реальными

разведывательными возможностями эти люди не располагали. Предстояла большая работа, чтобы создать дееспособную агентурную сеть.

У некоторых людей в таких обстоятельствах опускаются руки. Но Центр не ошибся в разведчице: Мария стала энергично действовать, активно заводить связи. Разумеется, главную роль в этом разведывательном тандеме играл Иван, но и самой Марии хватало работы. Первоначально они установили контакт с профессором философии Варшавского университета Ладиславом Спассовским, симпатизировавшим Советскому Союзу. Он был лично знаком с прогрессивной польской писательницей Вандой Василевской и намеревался выехать в Советский Союз.

Среди помощников Марии и Ивана были адвокат Суриц, рабочий лесничества Леваневский, регулярно разъезжавший по территории Польши и выполнявший задания разведчиков по визуальному наблюдению за переброской гитлеровских войск к советским границам. Были и другие, не менее интересные источники информации.

Вскоре в Центр из Варшавы начала поступать важная военно-политическая информация. Разведчики сообщали, что в самой Варшаве немцев относительно немного. Все они в основном находятся на советской границе. Численность гитлеровских войск на границе с СССР составляет до двух миллионов человек. В Варшаву немецкие офицеры приезжают в основном для отдыха и развлечений.

«Поляки откровенно ненавидят немцев и открыто говорят, что скоро грянет война и русские в ней разгромят гитлеровцев. В то же время поляков переселяют из генерал-губернаторства на новые места. Это входит в германский план колонизации Польши, хотя немцы выдают насильственное выселение поляков за меры по созданию оборонительных зон, чтобы якобы противостоять "советской превентивной войне"», — сообщала Мария в Центр.

Вскоре из Москвы поступило указание срочно проверить информацию о том, что Германия якобы стянула к советской границе четырехмиллионную армию. Хотя разведчики не располагали возможностями добывать немецкие документы, подтверждающие их сообще-

ния, они регулярно информировали Центр о растущей концентрации войск третьего рейха на границе с СССР и о реальной угрозе войны. Использование имевшихся возможностей и широкого круга связей среди немцев и поляков позволяло разведчикам сделать однозначный вывод о том, что гитлеровское нашествие на нашу страну состоится в ближайшее время, не позднее лета 1941 года.

Иван настойчиво добивался командировки в Москву, чтобы лично доложить наркому госбезопасности Всеволоду Меркулову тревожную информацию. Такое разрешение было получено в марте 1941 года. При личном докладе наркому разведчик рассказал о растущей концентрации германских вооруженных сил на территории бывшей Польши, прилегающей к границе с СССР, о мероприятиях гитлеровского командования, которые можно охарактеризовать как подготовку к нападению на Советский Союз, о реконструкции шоссейных дорог, ведущих к границе с нашим государством.

В. Меркулов никак не выразил своего отношения к информации разведчика. В конце беседы он бросил реплику:

— Вы сильно преувеличиваете германскую угрозу. Все сведения необходимо еще раз проверить.

Однако сообщенные Иваном сведения нарком все-таки доложил Сталину, Молотову, Берии и министру обороны маршалу Тимошенко.

20 апреля Иван прибыл из Варшавы в Берлин, чтобы отчитаться перед Центром о проделанной работе и передать в Москву собранную резидентурой информацию. 5 мая того же года в ЦК ВКП(б) и правительство было разослано спецсообщение, основанное на информации Ивана и Марии, в котором, в частности, говорилось:

«...Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие солдаты и офицеры говорят совершенно откровенно, как о деле решенном».

Информация подобного рода поступала в Кремль и из других резидентур, однако Сталин не прислушивался к мнению разведчиков. Он как-то даже бросил реплику во время очередного доклада В. Меркулова:

— Что это за информация о войне, если ее знает каждый немецкий солдат? Гитлеровцы — мастера провокаций. Нельзя допустить, чтобы они спровоцировали нас...

21 июня 1941 года, за день до нападения Германии на Советский Союз, надежный источник сообщил разведчикам, что война начнется 22 июня. Однако Иван и Мария не смогли передать эти сведения в Москву: как уже говорилось выше, связь с Центром они поддерживали только через Берлин.

В полдень 22 июня разведчики были арестованы гестапо и подверглись длительному допросу. Шесть немецких контрразведчиков пытались выяснить, чем они занимались в последнее время, с кем были связаны, от кого получали и кому передавали информацию. Советские представители категорически отрицали какую-либо неправомерную деятельность.

28 июня супруги были переправлены в Берлин, в советское посольство. Встретившись с послом Деканозовым, являвшимся одновременно заместителем наркома иностранных дел, разведчики доложили ему последнюю информацию из Варшавы. По их сведениям, Германия в первые дни войны с СССР несла большие потери, все госпитали на территории бывшей Польши были буквально забиты ранеными. В то же время налеты советской бомбардировочной авиации на военные объекты немцев на польской территории оказались малоэффективными.

Рассказали они и о том, что точную дату нападения Германии узнали накануне, 21 июня. Источники берлинской резидентуры также в последний момент сообщили точную дату начала войны. Однако что реально можно было сделать в этих условиях? Сошлись во мнении о том, что Сталин был в курсе замыслов Гитлера: ведь разведка ему докладывала данные о концентрации германских войск и нарастании угрозы нападения.

В начале июля 1941 года советские дипломаты и граждане, оказавшиеся на территории рейха и оккупированных им стран, были обменены на германских дипломатов, находившихся в Советском Союзе. Мария вместе со всеми была посажена в поезд, который доставил советских представителей в пограничный болгарский город Свиленград, где они пересекли болгарско-турецкую границу. Германские дипломаты через Армению также были доставлены в Турцию и оттуда отбыли в Берлин. От болгарско-турецкой границы группа советских граждан была отправлена поездом в Стамбул. Затем они пересели на теплоход «Сванетия», который проследовал вдоль побережья нейтральной Турции в советский порт Батуми.

В связи с налетами германской авиации дальнейший путь разведчицы в Москву лежал через Ростов, Сталинград и Куйбышев. В советскую столицу она прибыла в середине июля. По возвращении в Москву Мария немедленно приступила к работе в центральном аппарате разведки.

Елена Дмитриевна была назначена начальником германского отделения разведки и занималась организацией разведывательной работы против фашистской Германии с территории европейских государств. Ее непосредственным начальником был знаменитый разведчик Павел Матвеевич Журавлев.

За успешную разведывательную работу в Варшаве Петр Гудимович был награжден орденом Красного Знамени, а Елена Модржинская — орденом Красной Звезды.

В 1943 году руководство разведки пришло к выводу о необходимости создания специального информационного подразделения. До этого вся разведывательная информация в необработанном виде докладывалась непосредственно Председателю ГКО Сталину и в заинтересованные ведомства. Практика показала, что такая постановка информационной работы нуждается в совершенствовании. Разведке была необходима самостоятельная информационно-аналитическая служба. Е. Д. Модржинская, ставшая к тому времени видным специалистом-аналитиком по Германии, получила назначение в информационно-ана-

литический отдел внешней разведки. Начальником отдела был назначен знаменитый разведчик Михаил Андреевич Аллахвердов. Осенью 1943 года он возвратился из Афганистана, где возглавлял кабульскую резидентуру. Именно под его руководством и при его непосредственном участии была разработана и успешно реализована разведывательная операция «Мародеры» по разгрому агентурной сети германской разведки, действовавшей в Афганистане в военные годы. За успешную реализацию данной операции Михаилу Андреевичу Аллахвердову было присвоено тогда еще редкое в разведке воинское звание генерал-майора.

Елена Дмитриевна Модржинская была назначена заместителем М. А. Аллахвердова. В должности заместителя начальника отдела она работала до конца войны. Занималась вопросами организации информационной работы, принимала участие в подготовке важнейших разведывательных документов для Сталина и других членов ГКО. Так, в 1944 году отдел по заданию Государственного Комитета Обороны СССР подготовил аналитическую справку «Современное положение гитлеровской Германии и ее возможности по дальнейшему ведению войны». В документе содержался вывод о том, что в случае вступления Красной Армии на территорию третьего рейха партизанского движения там не будет. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило эти выводы. О важности информационной службы разведки в годы войны говорит тот факт, что если на первоначальном этапе ее работы в отделе служило несколько десятков человек, то в конце войны их число перевалило за полторы сотни.

В связи с созданием в 1947 году Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, объединившего под своей крышей политическую и военную разведку, Елена Дмитриевна Модржинская была выведена в резерв и назначена лектором Высшей разведывательной школы КИ. До 1949 года она читала лекции об организации информационной работы резидентур, передавая будущим разведчикам свой большой оперативный опыт.

В 1949—1953 годах майор госбезопасности Модржинская вновь работала заместителем начальника самостоятельного отдела Комитета информации. Ее супруг полковник Гудимович также являлся руководящим сотрудником внешней разведки.

Летом 1953 года Модржинскую пригласил к себе начальник разведки А. С. Панюшкин. Он сказал:

— Мы удовлетворены вашей работой в разведке. Однако по существующим правилам работа мужа и жены в одном управлении нежелательна. Согласитесь, что это даже неэтично. Нам, к сожалению, придется расстаться с вами.

Елена Дмитриевна возмутилась:

— Работать и жить под одной крышей в Варшаве было почему-то этично. Видимо, меня увольняют по другим причинам, и вы их отлично знаете.

Интеллигентный и сдержанный А. С. Панюшкин промолчал. Он не мог сказать разведчице, что решение о массовом сокращении сотрудников органов государственной безопасности проводится по прямому указанию Хрущева.

1 сентября 1953 года Е. Д. Модржинская была уволена из органов государственной безопасности. Ей помогли устроиться на работу в Институт философии АН СССР, где она трудилась в течение двадцати лет. За эти годы Е. Д. Модржинская стала известным ученым, защитила докторскую диссертацию. Ее перу принадлежат свыше 175 научных работ, сотни публикаций в научных журналах.

Скончалась Елена Дмитриевна 4 ноября 1982 года. Ее муж Петр Ильич Гудимович умер одиннадцать лет спустя.

ГЕРОЙ РОССИИ ЛЕОНТИНА КОЭН

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество звание Героя России было посмертно присвоено замечательной советской разведчице-нелегалу Леонтине Коэн.

Годом раньше — 20 июля 1995 года этого высокого звания был посмертно удостоен другой легендарный советский разведчик-нелегал — Моррис Коэн, муж и боевой товарищ Леонтины.

Леонтина и Моррис Коэн в военные и послевоенные годы участвовали в добывании для Советского Союза информации о разработках атомной бомбы в США, а затем о программах создания вооружений в Англии. Убежденные интернационалисты, Коэны внесли значительный вклад в установление ядерного паритета и делали все возможное, чтобы «холодная война» не переросла в «горячую».

Леонтина Тереза Коэн родилась в городе Адамс штата Массачусетс, США, 11 января 1913 года в семье польского эмигранта Владислава Петке. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожизделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной

активисткой, а в 1936 году вступила в ряды компартии США.

Со своим будущим мужем Моррисом Козном Лона познакомилась там, где и должна была по логике познакомиться — на антифашистском митинге.

Наша справка

Моррис Козн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще в начале XX века семья Козн эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда.

Участь в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Затем работал преподавателем истории в средней школе в Иллинойсе.

В 1936 году Моррис вернулся в Нью-Йорк, вступил в члены компартии США и начал активную деятельность в ее нью-йоркском территориальном отделении. Товарищи по партии нашли Моррису временную работу: распространять прогрессивные газеты и журналы за пятнадцать долларов в неделю. Потом он устроился наборщиком в типографию, работал слесарем на машиностроительном заводе, был служащим в одном из отелей Нью-Йорка. Одновременно вел агитационную работу в профсоюзах и продолжал заниматься распространением партийной литературы.

На массовом митинге в поддержку республиканской Испании, проходившем в мае 1937 года в Нью-Йорке, товарищ Морриса познакомил его с молодой и красивой девушкой Лоной Петке. А двумя месяцами позже Моррис уже был в Испании. Гражданская война в этой стране не оставила равнодушным Морриса, и он отправился туда добровольцем.

Вначале Моррис был пулеметчиком, затем — политическим комиссаром батальона Маккензи Панино. В списках Интербригады числился как Израэль Олтман. В октябре 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эбро Моррис был ранен в обе ноги и попал в госпиталь. После выздоровления снова участвовал в боевых действиях.

Отважный американец, ненавидевший фашизм, попал в 1938 году в Испанию в поле зрения советской внешней разведки. В первых числах июля 1938 года его пригласил на беседу в барселонскую разведшколу резидент внешней разведки НКВД в Испании Александр Орлов. В ходе беседы Орлов сделал Козну предложение о сотрудничестве с советской разведкой. Моррис дал согласие оказывать помощь советской внешней разведке в борьбе против нацистской угрозы.

В ноябре 1938 года по решению Центра Козн выехал из Испании в США для работы в качестве связника нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки.

Вернувшись в Нью-Йорк, Моррис сразу же позвонил Лоне...

И вот новая встреча. Смелый молодой человек, боец Интербригады покорила сердце Лоны. 22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, они подали заявление на регистрацию брака. А 4 июля 1941 года, в День независимости США, состоялась свадьба.

Лона догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

Из характеристики на Леонтину Козн, направленной нью-йоркской резидентурой в Центр в ноябре 1941 года:

«В процессе ознакомительной беседы с женой «Луиса» (оперативный псевдоним Морриса Козна. — *Примеч. авт.*) у сотрудника резидентуры Твена (замечательный советский разведчик Семен Маркович Семенов. — *Примеч. авт.*) сложилось о ней благоприятное впечатление: истинная интернационалистка, активная участница митингов и демонстраций в поддержку Испанской Республики, охотно выполняла различные поручения Компартии США. Обладает качествами, необходимыми для закордонного источника, — красива, смела, умна, обладает удивительным свойством располагать к себе собеседника. Иногда из-

лишне эмоциональна и прямолинейна, но мы считаем, что это поправимое дело. Главное — она способна перевоплощаться и играть отведенную ей роль. В процессе наблюдения за ее поведением в свободное от работы время компрометирующих материалов не получено. По нашему мнению, она пригодна к сотрудничеству с разведкой».

Из воспоминаний Морриса Козна:

«Я тогда долго не мог решиться, привлекать или не привлекать Лону к сотрудничеству с советской разведкой. Я, конечно, понимал, что играть в прятки не имело смысла. А тем более мне к тому времени уже сообщили о принятом в Москве решении, согласно которому я и Лона могли вместе выполнять задания Твена. Я прекрасно понимал, что хорошая супружеская пара — это наилучший вариант для ведения совместной разведывательной работы».

Из воспоминаний ветерана разведки Ю. С. Соколова, работавшего в те далекие годы с Моррисом и Леонтиной в Нью-Йорке в ходе своей первой заграничной командировки и затем долгое время дружившего с ними:

«Моррис и Лона были неразделимы и как любящие супруги, и как друзья, и как соратники в разведывательной работе. Почти всегда, когда мы говорим о Моррисе, фактически имеем в виду обоих».

Супружеская пара разведчиков поддерживала связь между нью-йоркской резидентурой и ее источниками. Импульсивность Лоны, ее любовь к риску достойно уравновешивались холодной рассудительностью, осторожностью Морриса.

Одновременно Лона добывала разведывательную информацию по месту своей работы на авиационном заводе и изучала возможности получения сведений с расположенного в Хартфорде завода по производству авиационного и огнестрельного оружия о начатом там серийном выпуске нового авиационного пулемета. Вскоре Лона завербовала молодого инженера с этого завода «Фрэнка» и провела смелую и дерзкую операцию. По ее заданию «Фрэнк» сумел вынести по частям с предприятия весь пулемет. А затем Лона переправила его в советское генконсульство в Нью-Йорке... в футляре для контрабаса. Операция, удивившая даже опытных разведчиков, прошла без сучка без задоринки. Через некоторое время образец нового американского авиационного пулемета был доставлен в Москву.

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. Участвовал в боевых действиях против фашистов, в высадке союзных войск в Нормандии. Дошел до Эльбы, закончил войну в чине капрала, имел боевые награды.

А Лона в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой.

Нет сомнений в том, что она была женщиной энергичной и решительной и имела сильно развитое чувство справедливости.

Как-то раз, в конце 1942 года, поздно вечером Лона ехала в нью-йоркском метро. Пассажиров в вагоне было мало. Недалеко от нее сидели две женщины, которые довольно громко обсуждали вопросы, связанные с войной в Европе. Женщины были примерно такого же возраста, что и Лона, одеты довольно богато, на них были только входившие тогда в моду меховые жакеты. Одна из них заявила, что чем дольше будет продолжаться война, тем больше будут зарабатывать их мужья и тем богаче они станут. Вспыхнув от возмущения, Лона вскочила со своего места, подошла к собеседницам и со словами: «Так вот за что сражается мой муж?!» — влепила желающей поживиться за счет войны звонкую пощечину. Затем, не оглядываясь, вышла из вагона на следующей станции.

Начиная с 1943 года резидентура в Нью-Йорке приступила к активному сбору информации по так называемому «Манхэттенскому проекту» — разработке в лабораториях ядерного центра в Лос-Аламосе первой в мире американской атомной бомбы. Сотрудникам резидентуры удалось добыть и направить в Москву важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. О предстоящем первом испытании атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заранее. И когда 16 июля 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых. Особая роль в этом принадлежала Леонтине Козн.

...Лос-Аламос являлся закрытым городком со строжайшим режимом секретности. Проживали там только научные работники да больные, лечившие легкие. И еще те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. Сотрудникам ядерного центра разрешалось покидать городок лишь раз в месяц, в одно из воскресений. Как в таких условиях получить материалы, подготовленные источником для передачи в Москву? Решить эту задачу было поручено Лоне.

Она выехала на курорт Альбукерк, расположенный неподалеку от Лос-Аламоса. Для обеспечения личной безопасности запаслась свидетельством нью-йоркского врача, удостоверяющим необходимость пройти курс лечения легких в этой курортной зоне. Сняла комнату на окраине городка и начала готовиться к разведывательной операции.

Встреча с источником информации была назначена на воскресенье у храма в центре Альбукерка. И здесь Лоне пришлось поволноваться: источник пришел только на четвертое воскресенье. Целый месяц ожидания вблизи засекреченного объекта! А произошла банальная история — источник перепутал дату встречи. Наконец встреча состоялась. Обмен паролями, получение ценнейших секретных документов, и можно трогаться в обратный путь. Однако судьба приготовила для Лоны еще одно испытание.

На вокзале в Альбукерке, уже при посадке в поезд, сотрудники ФБР неожиданно организовали тщательную проверку пассажиров и их багажа. Лона не растерялась. Сымитировав насморк, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от источника документы, и вытащила из нее салфетку. И когда ее вещи начали досматривать, сунула эту коробку прямо в руки одному из проверяющих, а сама принялась рыться в сумочке в поисках билета. Билет «нашелся», когда поезд уже тронулся. Лону в спешке подсадили в вагон, и проверяющий машинально протянул ей «забытую» коробку. Через некоторое время ценнейшие документы были уже в Центре.

В ноябре 1945 года Моррис Коэн демобилизовался из армии и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь. Хотя гитлеровская Германия была повержена и прямой угрозы возрождения фашизма не просматривалось, Моррис без колебаний дал согласие продолжать сотрудничество с советской внешней разведкой в непростое послевоенное время.

Начался новый этап в работе разведчиков. Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом ценных источников нью-йоркской резидентуры, причастных к разработке американского ядерного оружия.

Перед тем как решить вопрос о новом направлении деятельности разведчиков, Центр запросил характеристики на Морриса и Леонтину. Готовивший их сотрудник резидентуры Алексей (Анатолий Антонович Яцков, будущий Герой России), который руководил оперативной работой супругов, направил следующую характеристику на Леонтину:

«Обладает хорошей памятью, изобретательностью и даром перевоплощения. Находчива и настойчива в достижении поставленной цели. Смелая, храбрая и весьма сообразительная. Легко сближается с людьми, умеет пра-

вильно строить с ними взаимоотношения. К разведработе относится в высшей степени заинтересованно и ответственно, готова посвятить ей всю свою жизнь. Возложенные на нее задачи по обеспечению связи с агентурой и доставке от нее разведматериалов выполняет добросовестно.

К числу недостатков следует отнести некоторую ее излишнюю эмоциональность и рискованность.

Вывод: вполне может самостоятельно работать в нелегальных условиях».

В начале 1949 года Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера, ставшего впоследствии известным всему миру под именем полковника Рудольфа Абея, и проработали с ним почти два года. Однако в конце 1950 года Моррис и Леонтина были выведены из США в Советский Союз. И сделано это было целенаправленно. Ведь Моррис Коэн был хорошо известен как боец испанских интербригад, и это могло привлечь к нему ненужное внимание в США, где поднималась волна маккартизма. Как показали дальнейшие события, Коэны покинули Америку вовремя. Тем самым Центр смог избежать провалов в сети атомных источников и сохранить семейную пару разведчиков-нелегалов для дальнейшей работы.

Более трех лет находились Коэны в Центре. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком.

В 1954 году руководством внешней разведки было принято решение направить супругов Коэн в Англию в качестве связников-радистов нелегальной резидентуры, которую возглавил другой знаменитый советский разведчик-нелегал Конон Трофимович Молодой, работавший в этой стране под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла (оперативный псевдоним — Бен).

В Англию Коэны прибыли с паспортами на имя новозеландских бизнесменов Питера и Хелен Крогер. Супру-

ги приобрели небольшой дом в двух километрах от базы ВВС Нортхолт под Лондоном, где оборудовали радио-квартиру для связи с Москвой, и вскоре начали регулярно передавать в Центр «сведения особой важности».

В течение пяти лет резидентура Бена успешно добывала весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касающуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе — ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Ветеран внешней разведки генерал Василий Дождалев, который лично поддерживал периодический контакт с Беном и работал с одним из его источников в Англии, в интервью газете «Московский комсомолец» отмечал:

«Думаю, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем сама королева Елизавета. Помимо того что мы полностью владели ситуацией, брали на вооружение и какие-то новые разработки. Полученные данные направляли в институты, в конструкторские бюро, активно внедряли в жизнь. Скажем, целая серия наших эхолотов была сделана на основе английских. Интерес к этим материалам был огромен».

Позже на суде было обнародовано заключение Королевской комиссии по делу Лонсдейла, в котором подчеркивалось, что в результате деятельности разведчиков «сколь-нибудь важных секретов в британском Адмиралтействе более не осталось».

Что же случилось в 1961 году?

В результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в Портленде.

Еще в 1958 году Голеневский, завербованный ЦРУ, сообщил американцам о том, что у советской разведки в

Портленде есть ценный источник информации. ЦРУ проинформировало об этом английскую контрразведку. Последняя затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в активную разработку. К середине 1960 года контрразведчики установили Бена, а затем и супругов Крогер.

Вновь предоставим слово В. А. Дождалеву:

«Англичане «пасли» резидентуру семь месяцев. Действовали они очень уверенно. Зная об истинном лице Лонсдейла, они выпустили его летом 1960-го в отпуск на континент. Не сомневались, что он вернется обратно. Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, операция контрразведки — это всегда игра, всегда некий риск. Во-вторых, они понимали, что ни с того ни с сего уходить Лонсдейл не станет. И в-третьих, брать его все равно было рано. Им нужно было выявить связи, собрать необходимые доказательства вины. Риск себя оправдал».

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане из опасения, что Москва сообщит об этом побеге своим разведчикам, поспешили с арестом Бена и Крогеров, произведя его 7 января.

13 марта 1961 года в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли начался судебный процесс по так называемому «портлендскому делу». На суде Лонсдейл взял все на себя, утверждая, что Крогеры ничего не знали о его разведывательной деятельности. Несмотря на то, что доказать причастность Крогеров к работе на советскую разведку не удалось, 22 марта на основании сообщенных американцами сведений суд приговорил Питера и Хелен к 20 годам тюремного заключения. А днем позже, 23 марта, Гордон Лонсдейл был приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Во время ареста, следствия и судебного процесса Питер и Хелен Крогер вели себя стойко и мужественно и не выдали никаких секретов.

Для Крогеров последовали девять долгих лет мотаний по английским тюрьмам — частая их смена обуславливалась опасениями побега. Питер и Хелен должны были отбывать свой срок заключения в разных тюрьмах Англии: Питер, естественно, в мужской, Хелен — в женской. Им было разрешено встречаться раз в месяц, и с этой целью их привозили в тюрьму, находившуюся где-нибудь на полпути от мест их заключения. Они виделись в тюремной комнате в присутствии надзирателя, им разрешалось пить чай с печеньем и беседовать. Эти встречи, которые продолжались ровно один час, были для них каждый раз важным событием, так как разлука, несомненно, была самым тяжелым испытанием в их тюремной жизни.

Как и всем заключенным, им было разрешено писать одно письмо в неделю. Эти письма должны были быть написаны на тюремном бланке небольшого формата из четырех страниц и вложены в открытый конверт, чтобы тюремный цензор мог их читать. Крогеры переписывались между собой и с Лонсдейлом. Содержание этих писем Служба внешней разведки России опубликовала в начале 2001 года, а московский Центр общественных прикладных проблем Александра Жилина включил их в великолепно изданный двухтомник под общим названием «Письма из тюрем Ее Величества».

Безусловно, Хелен страдала от отсутствия свободы, и жизнь в тюрьме оказалась для нее более трудной, чем для Питера и Лонсдейла. Но ей помогали большая сила воли и стойкость.

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 11 сентября 1961 года, тюрьма Ее Величества Уинсон Грин Роуд, Бирмингем, 18:

«Всю свою жизнь я боролась против несправедливости, дорогой мой, и любила тех, кто поступал так же. Как-нибудь я расскажу тебе об одной суфражистке из Англии, кото-

рая в молодости прошла через ад, добиваясь того, чтобы женщины имели больше свободы. Я никогда ее не забуду — ее дух живет в моем сердце. Она учила меня и нескольких других девушек социализму, когда мы были еще подростками. Во время нашего процесса в Олд Бейли ее дух жил во мне... Если бы она была жива сегодня, она гордилась бы своей ученицей. Я часто задумываюсь о том, будут ли мои ученицы помнить меня так, как я помню ее...

Питер и я очень любим тебя, но как жаль, что мы не узнали о тебе больше до судебного процесса. Были ли твои друзья так же верны тебе, как наши остались верны нам? Мы с Питером навсегда останемся твоими друзьями. Ты всегда можешь быть уверен в нашей дружбе, пока мы живы».

Следует подчеркнуть, что Питеру и Хелен было присуще такое важное качество, как беспредельная верность делу, которому они посвятили свою жизнь. МИ-5 (английская службы безопасности — контрразведка) неоднократно предлагала, особенно в первое время их заключения, предоставить им свободу, а также возможность вести спокойную и обеспеченную жизнь в одной из стран Британского Содружества в обмен на согласие сотрудничать и сообщать информацию о своей работе и работе других лиц на советскую разведку. И каждый раз Питер и Хелен решительно отвергали подобные предложения и даже вообще отказывались встречаться с представителями МИ-5. Не брезговали английские спецслужбы и организацией провокаций против разведчиков, в частности против Хелен. Однако ее решительный и бесстрашный характер взяли верх.

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 29 декабря 1963 года, тюрьма Ее Величества Стиал, Уилмслоу, Чешир:

«Твое письмо пришло как раз в тот момент, когда я была в «черном доме» — в изоляторе.

В общем, должна тебе признаться, что меня спровоцировали и мне пришлось ударить по лицу одну из моих сокамерниц. Я сделала это специально, чтобы проучить ее. Теперь она не будет трогать мои вещи. Она грозилась расправиться со мной за то, что я пожаловалась начальнице тюрьмы на ее поведение, в красках расписывала свою месть сокамерницам. Нет необходимости рассказывать тебе, кто она по «профессии». И вот, когда я ударила ее, мерзкая трусиха завопила о помощи. Естественно, дежурный офицер наказал нас обеих. Это существо возомнило о себе, что она может напугать меня только потому, что я тихоня и хорошо воспитана. Плохо же она меня знает, не так ли? Я способна постоять за себя. Не родилась еще такая женщина, которую я испугалась бы. Теперь эта женщина тише воды, ниже травы, а остальные хорошенько подумают, прежде чем дотронуться до того, что принадлежит мне. Только, прошу тебя, не читай мне нотаций по поводу поведения цивилизованного человека: ты должен помнить, что я вынуждена жить среди таких женщин, и если я опустилась до драки, то только потому, что это было необходимо».

В октябре 1966 года другому советскому разведчику Джорджу Блейку, арестованному в Англии в результате предательства в апреле 1961 года и приговоренному английским судом к 42 годам тюремного заключения, удалось бежать из тюрьмы, в которой он отбывал наказание, и добраться до Москвы. Как только стало известно о побеге Блейка, Питер и Хелен были переведены в другие тюрьмы. Питера поместили в тюрьму «максимально строгого режима» на острове Уайт, где содержались самые опасные преступники: убийцы и участники известного в то время ограбления почтового вагона в Англии (так называемого «ограбления века»). Хелен была направлена в

тюрьму строгого режима. Тюремные власти старались сломить ее морально и физически. У Хелен началось истощение нервной системы, но она решительно отказывалась от каких-либо успокаивающих лекарств, которые ей усиленно навязывали тюремные врачи, опасаясь, что эти лекарства могут содержать наркотики. Ко всему прочему количество встреч супругов было сокращено до одного раза в три месяца.

Из письма Питера Крогера Хелен Крогер от 16 октября 1967 года, тюрьма Ее Величества Паркхерст, Нью-порт, остров Уайт:

«Я вынужден сказать тебе, что ты должна взять себя в руки. Нервный срыв ничего не решит и только принесет боль и горе тебе самой и мне. Я не пытаюсь уменьшить или представить в неверном свете условия, в которых ты вынуждена жить. Я осознаю все влияющие факторы: физические, психологические, эмоциональные и делаю что могу, чтобы облегчить положение, привнести в него чуточку легкости и радости. Ежедневно, ежечасно я чувствую твою ношу. И я бы чувствовал тяжелые угрызения совести, если бы не обратился к тебе сейчас с призывом собрать все твои внутренние резервы, чтобы избежать какого-либо срыва...

В предыдущем письме ты писала мне: «Все, что мы можем сделать, это стиснуть зубы и продолжать. Я знаю, что это трудно, но выбора у нас нет. Мы должны беречь наше здоровье и не поддаваться отчаянию. Когда мой мозг лихорадочно горит и мой ум сбит с толку и путается, я заставляю себя думать о других несчастных, которые тоже переживают муки, и эти мысли дают мне силу встретить лицом к лицу собственное испытание».

Эти слова сильного духа и характера вызвали у меня глубокое восхищение».

Наконец, в августе 1969 года британские власти согласились обменять Крогеров на арестованного в Москве агента английских спецслужб Джеральда Брука и двух его соотечественников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков (советский разведчик Конон Молодой — Гордон Лонсдейл был обменен в 1964 году на арестованного ранее в Москве сотрудника британских спецслужб Гревилла Винна).

Ее величество королева Великобритании Елизавета II подписала 23 сентября 1969 года указ, в котором, в частности, говорилось:

<...>

В отношении Хелен Крогер, которая 22 дня марта месяца 1961 года Центральным Уголовным судом была признана виновной в тайной передаче сведений в нарушение Статьи 1 Закона о государственной тайне от 1911 года и была приговорена к двадцати годам тюремного заключения, Всемиловейше объявляем, что, принимая во внимание некоторые обстоятельства, представленные на высочайшее рассмотрение, мы соблагаваем простереть Наше милосердие и прощение на поименованную Хелен Крогер и даруем ей помилование и освобождение ее от оставшегося по вышеизложенному приговору срока наказания на день двадцать четвертого октября 1969 года. По Нашему желанию и благоволению повелеваем освободить ее из-под стражи, для чего настоящий указ будет достаточным основанием».

Такой же указ был подписан королевой Елизаветой II и в отношении Питера Джона Крогера.

24 октября 1969 года, через месяц после подписания указов, Моррис и Леонтина Коэн были освобождены из английских тюрем, а уже 25 октября прибыли в Москву. В начале 1970 года они были приняты в советское гражданство.

Условия конспирации до сих пор не позволяют рассказать о многих операциях, в которых участвовали Моррис и Леонтина Коэн, находясь на разведывательной работе в США и Англии. Однако о качестве их работы свидетельствует такой факт: за конкретные результаты каждый из них был награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а также почетным нагрудным знаком «За службу в разведке». А позже последовали и указы о присвоении им звания Героя России.

До последних дней жизни Коэны продолжали трудиться в нелегальной разведке. Они выполняли специальные задания, выезжали в различные европейские страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами, принимали участие в подготовке молодых сотрудников. 23 декабря 1992 года Леонтины Коэн не стало. Моррис Коэн скончался 23 июня 1995 года. Похоронены супруги на Новокунцевском кладбище, в московской земле, ставшей для них родной навечно.

В день похорон Морриса Коэна одна из московских центральных газет писала: «Он любил Россию страстно и оптимистично». Эти слова с полным основанием можно отнести и к Леонтине.

Генерал Виталий Григорьевич Павлов, который был одним из руководителей советской внешней разведки, лично хорошо знал Леонтину и ее супруга, занимался их подготовкой к выезду в Англию в 1950—1954 годах и руководил их разведывательной деятельностью на Британских островах, следующим образом охарактеризовал в своих воспоминаниях работу Леонтины Коэн:

«Она прошла полувековой путь в разведке: участвовала в мероприятиях в качестве курьера-связника и вербовщика источников информации, осуществляла чрезвычайно ответственные и опасные операции по получению ценнейших материалов по ядерному оружию в США в 1942—1950 годах. Затем после специальной подготовки в Москве работала уже в

качестве разведчицы и радистки в Англии с 1955 по 1960 год, а с 1961 по 1969 год находилась в заключении в британской тюрьме и до конца своих дней оставалась в специальном резерве.

Если попытаться найти мужчину-разведчика с таким многолетним, в целом успешным стажем разведывательной работы, то кроме известного советского разведчика Кима Филби да собственного мужа Леонтины Козн, пережившего ее на три года и также Героя России, другие примеры мне не известны».

ГОАР — ЭТО ЗНАЧИТ «СОКРОВИЩЕ»

Со своим мужем Геворком Гоар сочеталась браком три раза: дважды — за рубежом, так нужно было в соответствии с легендой-биографией разведчиков, и даже венчалась в церкви; и один раз — дома, уже по советским законам.

В последние дни XX века Служба внешней разведки России рассекретила уникальную семейную пару разведчиков-нелегалов: Гоар Левоновну и Геворка Андреевича Вартанян. Их имена долгие годы хранились в строжайшей тайне. Да и сейчас, в наши дни, большая часть их жизни и деятельности находится под грифом «совершенно секретно».

Разведка приоткрыла лишь первую страничку длившейся десятилетия работы нелегалов. В нашем рассказе мы коснемся только нескольких эпизодов иранской деятельности разведчиков: во многом именно благодаря им и их товарищам удалось предотвратить покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции в далеком 1943 году.

В то время Гоар входила в возглавляемую Геворком оперативную группу тегеранской резидентуры советской разведки, получившую условное наименование «легкая кавалерия». Членами группы являлись молодые люди, почти подростки, которые самоотверженно, добровольно, бескорыстно и с энтузиазмом помогали тегеранской резидентуре в борьбе с фашистскими спецслужбами и с широкой сетью их агентуры.

Обстановка в Иране, в которой пришлось начинать работать в разведке «кавалеристам», была достаточно сложной.

Накануне Второй мировой войны в планах Гитлера Ирану отводилась важная роль. Иран — это прежде всего нефть и стратегические коммуникации. Через эту страну лежал путь в Афганистан и далее — в Индию, куда нацисты намеревались двинуть войска после поражения СССР.

Чем ближе была война, тем сильнее Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел к сближению с Германией во всех областях, и в особенности в военной.

К началу Второй мировой войны в Иране находилось около 20 тысяч немецких граждан: военные инструкторы, разведчики и агентура под видом торговцев, бизнесменов, инженеров. Через резидентуры своей разведки и их агентурную сеть, включая многочисленных агентов влияния, гитлеровцы воздействовали на политические круги Ирана, на командование вооруженных сил, жандармерию и полицию. И хотя после начала Второй мировой войны правительство Ирана 4 сентября 1939 года заявило о своем нейтралитете, однако на деле оно открыто продолжало следовать прогерманскому курсу.

Шли месяцы, и Иран все дальше отходил от декларированного нейтралитета. В июне 1941 года Берлин потребовал от иранского правительства вступить в войну на стороне Германии. Несмотря на колебания Реза-шаха Пехлеви, созданный им Высший военный совет Ирана отверг это требование. Тогда гитлеровские спецслужбы начали подготовку государственного переворота с целью свержения иранского диктатора, не решившегося вступить в войну. Для этого в Тегеран в начале августа 1941 года тайно приезжал шеф германской военной разведки (абвера) адмирал Канарис. Одновременно на иранской территории резко активизировалась разведывательно-диверсионная деятельность фашистской агентуры.

Следует подчеркнуть, что с началом Второй мировой войны Иран стал играть ключевую роль не только на Ближнем и Среднем Востоке. Захват фашистской Германией Норвегии и Шпицбергена крайне осложнил возмож-

Лидия Лисовская

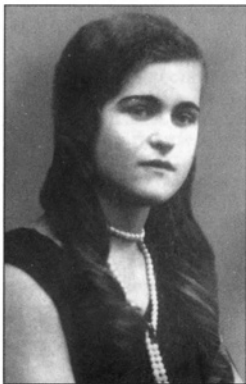
Последний документ
Л. Лисовской

[illegible]

Паша Савельева

Надежда Плевицкая в сценическом
костюме. 1930-е годы

Мария Микота

Генерал Н. В. Скоблин,
муж Н. В. Плевицкой

Полписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-
Крестьянской Красной Армией Союза
Советских Социалистических Республик
выполнить все распоряжения связанные
со мной представителями разведки Крас-
ной Армии безотносительно территории.
За невыполнение данного мной настоя-
щего обязательства отвечаю по воен-
ным законам СССР

21/ I 31 г. Берлин.

Н. Плевницкая-Скоблина

Обязательство Н. В. Плевницкой
сотрудничать с советской разведкой от 21 января 1931 г.

Дом Скоблиных в Озуар-ля-Феррьер

Генерал Е. К. Миллер,
председатель РОВС.
Париж,
середина 1930-х годов

Н. В. Плевицкая
на скамье подсудимых.
Париж,
14 декабря 1938 г.

Китти Харрис
(«Джипси»).

Середина 1930-х годов

Дональд Маклейн,
член «Кембриджской
пятерки».

Середина 1930-х годов

Елизавета
Зарубина.
Середина 1930-х годов

Василий
Зарубин.
Середина 1930-х годов

Зоя
Воскресенская-Рыбкина,
заместитель резидента
в Финляндии.
Хельсинки, 1937 г.

Борис Аркадьевич
Рыбкин.
Хельсинки, 1937 г.

З. И. Рыбкина и А. М. Коллонтай. 1937 г.

Удостоверение к нагрудному знаку «Заслуженный работник НКВД»

«Мадам Ярцева».
Стокгольм, 1942 г.

Зоя и Борис
Рыбкины.
Москва, 1946 г.

Экслибрис
Зои Воскресенской

Писательница
З. И. Воскресенская.
1968 г.

Елена Дмитриевна
Модржинская
(Мария)

Петр Ильич
Гудимович
(Иван)

In replying to this letter, ¹⁰ please write on the envelope
Number 473 Name B. H. Hodge
H. M. FISHER,

H. M. PRYSON,
SOUTHALL STREET,
MANCHESTER. 3

9763
dearest Annie
your letter (24th June)
received on the 24th June. You are in the U.K. - I
will have to forgoe information, spiritually only
not keeping boarder. To be brutally as well! You
ful-dead, I feel very restless, I hate people who
suck and let an effort - writing, possession, well
I suppose. Even Peter complains of you, but I have
I myself lack of feeling because liberty in another
don't write him short notice. I intend to get
The chief trouble is lack of where I get but
smoked. The amount I can account - how long
but with my earnings my belongings, by
last only a couple of days. I wrote mother
Since the machinery for me over that she sent
ing my money, I had their lately. I hope
shipped to Syd, it is simply to their before
impossible for me to earn now. I wrote the
more money. Now please my effort to hear
dear, don't trouble it give day, I also wrote
up. The same said, I told him to
ask that I have to look for use of some of
and at the end of the day. morning my
No. 968 (1850-3, 10-40)

[illegible]

cherie my dear
With love from
both of us.
your Sarge

Письмо Хелен Крогер из тюрьмы Гордону Лонсдейлу.
Манчестер, 1963 г.

Леонтина Козн. 1941 г.

Моррис Козн. 1942 г.

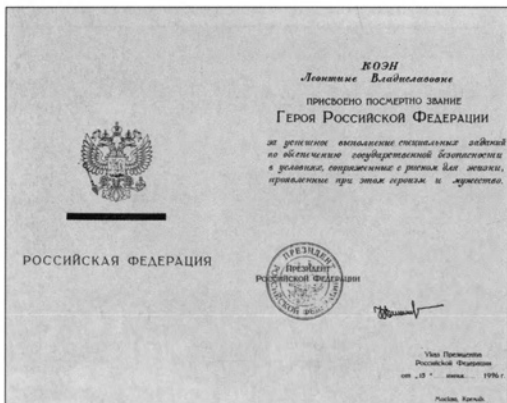
Разведчики-нелегалы Леонтина и Моррис Козны

Леонтина
и Моррис Козны
в своей московской
квартире.
Конец 1980-х годов

Наградная грамота
Леонтины Козн

Гоар Кандарян
(Пахлеванян).
1942 г.

Разведчица-
нелегал
Гоар Вартанян

Гоар и Геворг Вартаняны. Наши дни

ность использования морских дорог, ведущих в северные порты СССР. И Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекающей всю его территорию железнодорожной магистралью мог стать и стал стратегическим путем для осуществления поставок в нашу страну по ленд-лизу вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов и иных грузов, необходимых для ведения войны. Командование вермахта пыталось всячески этому помешать.

Советское правительство не могло оставаться безучастным к развитию событий в Иране и трижды предупреждало иранское правительство о создавшейся угрозе вовлечения Ирана в войну. Поскольку заявления СССР игнорировались, а обстановка продолжала ухудшаться, Москва на основании статьи шестой Советско-иранского договора от 26 февраля 1921 года и по согласованию с Лондоном и Вашингтоном приняла решение о вводе в Иран частей Красной Армии, о чем уведомила иранское правительство нотой от 25 августа 1941 года.

Уже к сентябрю 1941 года советская ударная группировка в составе двух армий заняла северные провинции Ирана. Этот шаг был предпринят для того, чтобы пресечь подрывную деятельность нацистской агентуры и предотвратить нападение гитлеровских войск с этого плацдарма на южные границы СССР. Одновременно, в соответствии с международным соглашением, в юго-западные провинции вошли подразделения английских войск. Советские и английские части соединились в районе Казвина, южнее Тегерана, а 17 сентября вошли в иранскую столицу.

Хотя советско-английская военная акция и переломила ситуацию в Иране, позиции гитлеровских спецслужб в стране и их иранских пособников сохранялись. Жесткое противоборство с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга (СД) на территории Ирана продолжалось до конца войны. Более того, Иран использовался гитлеровскими спецслужбами и для ведения шпионско-подрывной работы на территории СССР. Тегеранская резидентура сообщала в Центр в 1941 году: «Немцы из Ирана руководят разведкой, работающей в СССР, немцы «перелетают» из Ирана в СССР и обратно, как саранча».

В Тегеране действовала главная резидентура советской внешней разведки, которую возглавлял молодой, но достаточно опытный разведчик Иван Иванович Агаянц. Его резидентуре были подчинены периферийные резидентуры и разведпункты в различных иранских городах.

Перед главной и периферийными резидентурами советской внешней разведки в Иране руководством НКВД была поставлена приоритетная задача по «созданию агентурной сети в целях выявления сотрудников и агентов иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращения возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в этой стране».

Активную помощь в решении стоящих перед советской разведкой задач в Иране оказывала группа Геворка Вартаняна.

Наша справка

Геворк Андреевич Вартанян родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону. Его отец Андрей Васильевич Вартанян, иранский подданный, армянин по национальности, был директором маслобойного завода, находившегося в станице Степной. В семье было два сына и две дочери. В 1930 году семья выехала в Иран. Геворку в то время было всего шесть лет.

Отец Геворка был связан с советской внешней разведкой и покинул СССР по ее заданию. Он прочно обосновался в Иране, став преуспевающим коммерсантом. Прожив шесть лет в Тавризе, семья переехала в Тегеран.

Положение отца — коммерсанта со связями, владельца кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями, являлось для него надежным прикрытием. Используя это прикрытия, Андрей Васильевич вел активную разведывательную и агентурную работу: вербовки, поддержание связи с нелегалами, приобретение для них «железных» документов. Он почти никогда не пользовался финансовыми средствами Центра, обходился теми деньгами, которые зарабатывал сам. В грозные годы Великой Отечественной войны Андрей Васильевич Вартанян собрал значительную сумму

денег, которая была передана в Центр для постройки боевого танка. Призыв «Все для фронта, все для победы!» был для него не просто словами, а смыслом жизни.

В 1953 году Андрей Вартанян вернулся из Тегерана в Ереван, проработав на разведку в Иране 23 года. Он был настоящим патриотом и в таком же духе воспитывал своих детей. Именно под влиянием отца Геворк стал разведчиком.

Геворк Вартанян связал свою судьбу с советской разведкой в 16 лет, когда в феврале 1940 года добровольно установил прямой контакт с тегеранской резидентурой.

Первым заданием, которое поручили Вартаняну, получившему оперативный псевдоним Амир, было подобрать надежных ребят, своих сверстников, и организовать группу для оказания помощи старшим коллегам из резидентуры в выявлении фашистских пособников в Тегеране и других городах.

Следует отметить, что большая часть населения Ирана дружелюбно относилась к СССР, особенно прогрессивно настроенная молодежь. Поэтому Геворк быстро справился с заданием. Ему удалось привлечь к сотрудничеству семейных друзей и единомышленников, готовых бороться с фашизмом. Они были примерно одного возраста — армяне, лезгин, ассирийцы. Все выходцы из СССР. Родителей этих ребят либо выслали из Советского Союза после 1937 года, либо они сами вынуждены были уехать. Но всех членов группы Амира объединяла беззаветная любовь к Родине.

Никакой оперативной подготовки у ребят не было. Сотрудникам тегеранской резидентуры и самому резиденту приходилось учить их на ходу: грамотно вести наружное наблюдение, выполнять другие специальные задания. Именно Ивану Ивановичу Агаянцу «кавалеристы» были обязаны тем, что тяжелая и опасная работа в разведке в те суровые годы была окрашена для них в тона героического романтизма и приносила им глубокое удовлетворение, так как шла на пользу Отечеству.

Овладение основами разведки начиналось для молодых людей с элементарных на первый взгляд, но по сути своей эффективных приемов. На них отрабатывался про-

фессионализм, приобретался первый боевой оперативный опыт. В военное время он приобретался достаточно быстро. Ошибиться означало поставить под удар интересы организации да и свою собственную жизнь.

Одним из активных членов группы Геворка с первых дней ее создания стал его близкий друг Оганес. Именно в доме Оганеса он впервые увидел свою будущую жену, а тогда 15-летнюю девочку, его сестру, чернобровую красавицу, чье имя Гоар переводится с армянского как «сокровище», «драгоценный камень».

Родилась Гоар 25 января 1926 года в армянском городе Ленинакане. Ее отец Левон Пахлеванян принадлежал к известному большому и старинному роду («пахлеван» по-армянски «борец», «победитель»). В 1931 году родители Гоар переехали в Иран, где у власти находился Реза-шах Пехлеви. Фамилия Левона Акоповича на фарси писалась так же, как и имя монарха, поэтому власти потребовали сменить ее. Вспомнив своего соседа и товарища по Ленинакану, Левон взял фамилию Кандарян. И только в 1951 году, вернувшись в Армению, семья восстановила свою родовую фамилию. Отец занимался в Тегеране мелким предпринимательством, мать, Маргарита Борисовна, вела домашнее хозяйство.

Рассказывает Гоар Левоновна:

«Я родилась в Ленинакане, сегодня это город Гюмри. Мои родители выехали оттуда в Иран, когда мне было всего пять лет. Я, когда в Тегеран приехала, по-русски не знала ни слова. А Геворк, с которым я познакомилась, не говорил по-армянски. С ним мы общались на фарси, но вскоре выучили другие языки: он — армянский, я — русский. Жили мы в самом центре Тегерана, там, где в то время селились армяне. Перед войной в Иране была двухсоттысячная армянская колония. А мы были общительными ребятами, и знакомых у нас в армянской колонии, да и не только в ней, хватало».

В 1942 году Геворк привлек Гоар к работе в своей группе. И не ошибся. С первых же ее шагов в разведработе всем стало ясно, что Гоар не по годам отважная и стойкая. А природное чутье, прозорливость, ясный ум и дар конспиратора очень скоро стали привлекать к ней молодых бойцов для консультаций по вопросам безопасности и мерам предосторожности.

Строгий нрав Гоар и царившая в группе дисциплина не позволяли молодым разведчикам «замечать» ее красоту, для них Гоар была просто верным боевым товарищем.

«Я к ней был равнодушен с самого начала нашего знакомства, — признавался позже Геворк. — Меня поражали ее обостренное представление о чести, долге, ее требовательность и забота о товарищах по оружию».

«Постоянная готовность отдать жизнь за правое дело похвальна, — нередко предостерегала Гоар членов группы, — но она может превратиться в азартную игру, в которой легко забыть о цене жизни, и это самое опасное. Нельзя рисковать из-за пустяков или недостаточно продуманных шагов, безрассудного нарушения элементарных норм конспирации и безопасности. Потеря жизни — это потеря возможности защищать Родину, служить ей. Приносить себя в жертву можно только в исключительных случаях, и всегда осознанно, лишь в результате полной безысходности и как последний шаг во имя Отчизны».

Взгляды Гоар были близки и понятны молодым разведчикам, но они в глубине души все же считали, что погибнуть смертью храбрых за Родину — огромная честь. И нередко при удобном случае стремились похвастаться удачей, побравировать опасностью. За это им частенько доставалось от Гоар.

...Однажды Вартанян оказался на грани провала. Он был арестован сотрудниками Таминат — местной тайной полиции и не знал, чем это для него закончится. Двое ребят из его группы сильно «подсветились» на остром мероприятии (ликвидировали иранца-террориста). Их пришлось спрятать, а впоследствии даже вывести в Советский Союз. А Геворка, как приятеля этих ребят, бро-

сили в тюрьму. Его били, допытывались, где могут прятаться его друзья. Так продолжалось около трех месяцев.

Но Геворку повезло: Гоар была рядом. Она носила ему передачи, поддерживала связь с резидентурой и постоянно информировала об обстановке. Как только Гоар сообщила, что товарищи выведены в безопасное место, Геворк стал придерживаться выработанной ранее легенды, на допросах все отрицал и требовал освобождения. Требовал отпустить невинно арестованного сына и известный в Тегеране коммерсант-кондитер Андрей Вартанян. Роптали богатые и бедные представители армянской колонии. Через три месяца Геворка выпустили на свободу.

Перед группой Геворка Вартаняна была поставлена задача по выявлению фашистских пособников в Тегеране и других городах. Члены группы вели визуальную разведку, наладили и успешно осуществляли наружное наблюдение, умело получали информацию втемную.

...В тегеранской резидентуре НКВД не могли понять, чем занимается немецкий разведчик «Фармацевт». По агентурным сведениям, он якобы проводит регулярные встречи с высокопоставленными иранскими военными представителями, получает важную информацию, однако доказательств этому нет. Часами бродит по Тегерану, коротает время либо на базаре, либо в чайной.

Группа Геворка начала работать по «Фармацевту» — никаких зацепок. А сведения о его активных встречах продолжали поступать. Ребята решили выяснить, чем занимается немец, когда бывает дома, особенно по утрам, еще до ухода в город. И вдруг однажды с чердака соседнего здания увидели: сидят за чаем два совершенно одинаковых человека, как две капли воды похожие друг на друга. Оказалось, что для прикрытия немцы использовали близнецов. Один брат-близнец водил «наружку» по городу, а второй брат — «Фармацевт» — спокойно встречался с агентурой. Ну а дальше все было делом техники, и «легкая кавалерия» быстро установила всю агентуру «Фармацевта».

...И. И. Агаянц поставил перед «кавалеристами» задачу срочно проверить одного иранского генерала. У резидента вызвали озабоченность следующие обстоятельства: завербованный генерал за большие деньги передает оперработнику, который с ним поддерживает связь, документы с грифом «совершенно секретно». Но только уж очень много передает. И не совсем все подтверждается.

«Легкая кавалерия» выставила за генералом плотное наружное наблюдение: никаких подозрительных контактов, в том числе — с немцами. Стали наблюдать за его поведением дома. Оказалось, что генерал по вечерам на чистых бланках с грифами секретности с помощью пишущей машинки сам изготавливает документы. Канал дезинформации был перекрыт.

В 1942 году Вартаняну пришлось выполнять специальное разведывательное задание.

В годы Второй мировой войны Великобритания была союзницей СССР по антигитлеровской коалиции, и резидентуры двух стран в Тегеране сотрудничали по ряду оперативных вопросов. Однако это не мешало англичанам вести подрывную работу и против СССР.

Советской резидентуре стало известно, что англичане создали в Тегеране разведывательную школу. В нее набирали молодых людей со знанием русского языка. Готовили их для заброски с разведывательными заданиями на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья. Срок обучения — шесть месяцев. Конспирация — строжайшая. Обучение проводилось парами: армян готовили для заброски в Армению, таджиков — в Таджикистан.

По заданию Центра Вартаняну удалось внедриться в разведшколу. Сразу же началась работа по установке ее курсантов, к которой подключилась вся «легкая кавалерия». Через некоторое время Гоар и ее товарищи передали резидентуре подробную информацию о самой школе и ее курсантах. Заброшенные на территорию СССР «выпускники» школы обезвреживались или перевербовывались и работали «под колпаком» советской контрразведки.

Англичане заподозрили что-то неладное: школа работала на холостом ходу. В это время советский представитель встретился с официальным представителем английской разведки в Иране и заявил протест в связи с «несоюзническим поведением». Англичанин все отрицал. Однако в скором времени школа перестала существовать.

За полгода Вартамян прошел в английской разведшколе полный курс обучения. Полученная в ней от офицеров секретной службы Его Величества добротная оперативная подготовка — вербовочная работа, тайниковые операции, шифровальное дело, поддержание двусторонней связи, выявление наружного наблюдения — очень пригодилась советскому разведчику впоследствии...

О результативности группы Вартамяна свидетельствуют следующие данные: только за два года работы с ее помощью было выявлено около 400 человек, так или иначе связанных с германскими разведслужбами.

Активность советской разведки в Иране, по существу, парализовала деятельность подпольных профашистских организаций в стране, способствовала нанесению сокрушительного удара по немецким спецслужбам: они не смогли в полной мере раскрыть свой потенциал и решить многие из поставленных перед ними задач, в том числе и по подготовке покушения на руководителей стран «Большой тройки» в ходе работы Тегеранской конференции, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Свой весомый вклад в деятельность советской внешней разведки в Иране в тот период внесли и молодые разведчики «легкой кавалерии».

Из истории хорошо известно, что в 1943 году, в период работы Тегеранской конференции гитлеровские спецслужбы планировали уничтожить лидеров «Большой тройки». Операцию по физическому устранению глав трех государств немцы называли «Длинным прыжком». Почему же «Длинный прыжок» не удался?

Проведение операции было поручено любимцу Гитлера — опытнейшему парашютисту-диверсанту Отто Скор-

цени. Именно он руководил ранее операцией «Дуб» по освобождению из-под ареста Муссолини, захваченного итальянскими партизанами. Возглавляемые Скорцени 106 немецких диверсантов приземлились на 12 десантных планёрах в районе высокогорного отеля «Спорт», расположенного в местечке Гран Сасо в Апеннинах, и отбили Муссолини у охранявших его 250 партизан, которые не успели сделать ни одного выстрела.

Но вернемся к событиям в Тегеране. Передовая группа подразделения Скорцени, состоявшая из шести немецких диверсантов, включая двух радистов, была сброшена на парашютах в районе города Кум, что в 70 километрах от иранской столицы. Группа должна была пробраться в Тегеран, наладить радиосвязь с Берлином и подготовить условия для высадки основного десанта во главе со Скорцени. Диверсию планировалось устроить 30 ноября, в день рождения английского премьера. Более двух недель добирались диверсанты с большим количеством оружия и снаряжения до Тегерана и разместились на конспиративной вилле, подготовленной для них немецкой агентурой. «Легкой кавалерии» удалось первой добыть информацию о десанте и обнаружить местонахождение группы. Все шесть немецких «коммандос» были арестованы. Когда немецким спецслужбам стало известно о провале передовой группы, в Берлине решили отказаться от направления в Тегеран главных исполнителей операции «Длинный прыжок».

Как же смогли молодые ребята найти в огромном Тегеране группу фашистских радистов-диверсантов?

«По улицам бегали день и ночь, по 14—16 часов, — рассказывает Гоар. — Я домой уходила только когда совсем темно становилось. Холодно ли, жарко или страшно — все равно искали. И нашли».

Сама Гоар отличалась находчивостью и наблюдательностью, смело шла на риск, добиваясь четкого выполнения заданий, которые ей поручались. Благодаря ей были выявлены многие фашистские агенты, а также предатели. Ей было всего 16 лет, когда она сумела предотвратить переход на сторону врага двух советских летчиков, перелетевших на своих самолетах в Иран из Баку. Фашистская

агентура постаралась их надежно укрыть, и немцы готовились тайно переправить летчиков в Германию. Однако их убежище было обнаружено и дезертиры арестованы.

...Однажды Гоар обратила внимание на необычное поведение двух незнакомых мужчин, которые периодически стали появляться во дворе ее дома в Тегеране: приносили с собой какие-то свертки, зачем-то лазили на крышу дома, сторонились жильцов, стараясь не сталкиваться с ними во дворе.

Незнакомцы показались девушке подозрительными, и она сообщила о своих наблюдениях старшим товарищам. В резидентуре к информации Гоар отнеслись с должным вниманием. Было принято решение установить место жительства этих мужчин и произвести на их квартире негласный обыск. Изготовили ключи и в отсутствие хозяев проникли в жилое помещение. В нем были обнаружены радиоприемник, радиопередатчик, наушники и другие принадлежности для радиосвязи...

30 июня 1946 года в Тегеране Гоар и Геворк сыграли свадьбу и еще шесть лет работали в Иране.

«Мой выбор зависел только от меня, — отмечает Гоар Леоновна. — Мне никто не навязывал, не утверждал «кандидатуру мужа». Замуж я выходила по большой любви.

...За годы работы за границей я действительно трижды выходила замуж. Первый раз — в Тегеране, а потом в законный брак пришлось вступать еще дважды. Как-то я рассказала об этом на встрече с молодыми разведчиками, и зал вдруг застыл: ничего себе работенка, три раза меняла мужей. Пришлось добавить, что все три раза сочеталась браком с одним и тем же человеком — с Геворком. Только под разными именами и в разных странах. Зал встретил эти слова овацией. А единственное, о чем мы жалуем, это то, что из-за сложной работы за рубежом, которая в общей сложности продолжалась сорок лет, мы так и не завели детей».

Группа «легкой кавалерии» продолжала успешно действовать до апреля 1949 года. А в 1951 году молодые су-

пруги попросили Центр предоставить им возможность получить высшее образование. Выбор пал на факультет иностранных языков Ереванского университета.

Затем последовала многолетняя жизнь под прикрытием вымышленных имен и фамилий, работа в экстремальных условиях и сложной обстановке в различных странах мира — этапы разведывательной деятельности, о которой еще не пришло время рассказывать, да и вряд ли оно наступит в ближайшие 30—50 лет. Операции, блестяще проведенные Геворком Вартаняном, могли бы войти в учебные пособия спецслужб многих стран как образец того, каких успехов может достичь разведчик. Его заграникомандировка длилась более 30 лет. И всегда рядом была Гоар — женщина его судьбы, боевая подруга, прошедшая вместе с ним долгий путь в разведке, жена разведчика, разведчик-нелегал, кавалер ордена Красного Знамени и многих других наград.

Работая в нелегальной разведке, супругам Вартамян пришлось выполнять многие сложные и опасные задания Центра.

«Вспоминая те тяжелые годы, — говорит Гоар Левонновна, — испытываешь чувство настоящего счастья от сознания того, что ты была нужна и полезна Родине, а время, трансформируя воспоминания, стирает тяготы минувших лет.

Считаю себя очень счастливой, что проработала всю жизнь рядом с мужем, в разведке. Я счастлива, что мой труд пригодился Родине. Все мы перед Родиной в долгу. Все мы — никто без нее. Надо побывать вдаль от нее, чтобы понять, что она для тебя значит».

О присвоении Геворку Андреевичу звания Героя Советского Союза и о награждении Гоар Левонновны орденом Красного Знамени им сообщили в 1984 году. Г. А. Вартамян стал первым советским разведчиком-нелегалом, получившим это высокое звание за работу в мирное время. Но супруги находились тогда еще вдалеке от Москвы, и потому документы об их награждении были

выписаны на другую фамилию. Только после их возвращения из командировки все встало на свои места.

Рассказывает Гоар Левоновна:

«Мы действительно долго работали за границей: сорок лет — не шутка! Помню, муж получил шифровку по радио. Расшифровал и побледнел. Протянул мне текст. А там — сообщение о том, что ему присвоено звание Героя Советского Союза. И еще — про мой орден. Наверное, это был самый счастливый день в нашей жизни».

Из последней командировки разведчики вернулись осенью 1986 года. Через несколько месяцев Гоар Левоновна вышла на пенсию, а Геворк Андреевич продолжал служить до 1992 года.

Рассказывает Гоар Левоновна:

«Мы теперь на покое, если это можно так назвать. У нас много друзей — и в Москве, и в Ереване, где мы учились в университете. Мы и сейчас навещаемся в Ереван, ведь мы армяне. Там наши родные — мой брат, его жена, их дочка. Всех их мы очень любим, особенно племянницу Маргольку. Она часто бывает у нас в Москве. В Армении нам с друзьями всегда тепло. С некоторыми мы дружим уже больше полвека. Мы с Геворком любим и в гости ходить, и у себя дома близких друзей принимать. Иногда встречаемся с молодежью, выступаем перед слушателями Академии внешней разведки. Встречи эти, разумеется, закрытые, но нам они неизменно приносят радость».

В отличие от своего мужа и резидента полковника Вартаняна Гоар так и не была аттестована. Правда, в 1986 году, когда она оформлялась на пенсию, тогдашний Председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков назначил ей пенсию полковника — 250 рублей. По тем временам это были немалые деньги. Сейчас Гоар Левоновна получает обыкновенную пенсию, как и все гражданские лица, отработавшие свое на производстве.

ПОЛКОВНИК АФРИКА

Свои донесения в Центр Африка де Лас Эрас подписывала оперативным псевдонимом «Патрия», что в переводе с испанского означает Родина. Этот псевдоним был выбран ею не случайно. Для нее, испанки по происхождению, Советский Союз стал второй родиной.

Более 45 лет эта мужественная, самоотверженная женщина отдала работе в советских органах государственной безопасности. Большую часть из них она находилась за кордоном, на самом ответственном и опасном направлении внешней разведки — на работе в нелегальных условиях.

В течение долгих лет жизни Африке не раз приходилось менять имена. Но в памяти большинства своих коллег по разведке она навсегда осталась «Патрией».

В различных справочниках по разведке, изданных в последнее время, анкетные данные Африки (год и место рождения) существенно разнятся. В свое время ее сослуживцы — ветераны разведки поговаривали о том, что еще до прибытия в Союз в связи с оперативной необходимостью Африка изменила год своего рождения. И лишь сейчас, благодаря копиям официальных документов, которые передал испанский историк и журналист Херман Санчес одному из авторов этой книги, можно открыть одну из многочисленных, но далеко не самую важную из тайн, которые постоянно сопровождали Африку по жизни. Ведь до сих пор не наступило время (да и вряд ли наступит в ближайшие полсотни лет), когда о ее подвигах в разведке можно будет рассказать более подробно.

В свидетельстве о рождении будущей советской разведчицы указывается, что Африка де Лас Эрас Гавилан родилась 26 апреля 1909 года в 9 часов 40 минут в городе Сеуте (Испанское Марокко). Отец: Зоило де Лас Эрас Хименес, военный архивариус, 32 лет. Мать: Виртудес Гавилан де Про, домохозяйка, 25 лет.

В свое время отец Африки, опальный испанский офицер и брат известного испанского генерала Мануэля де Лас Эрас, был отправлен в ссылку в Марокко за оппозиционные настроения по отношению к существовавшему в Испании режиму Примо де Ривера.

Необычное имя отец дал дочери в честь Африканского континента, приютившего его и его семью. К тому же в Сеуте находился католический собор святой Африки.

Семья, в которой кроме Африки была еще старшая дочь Виртудес, жила в достатке и счастливо, сестры очень дружили.

Африка получила среднее образование: до 1923 года она училась в Мадриде в колледже «Святое Сердце Иисуса», затем продолжила образование в монастырской школе в городе Мелилья. Отрочество оборвалось внезапно — скоропостижно скончался отец. В свидетельстве о его смерти говорится: «Зоило де Лас Эрас Хименес, военный, 57 лет, умер в городе Сеуте 29 января 1933 года в 16 часов у себя дома, оставив, помимо жены, двух дочерей: Виртудес и Африку».

Африке пришлось вступить в самостоятельную жизнь. Уже в середине 1933 года она переезжает в Испанию, работает в Мадриде на текстильной фабрике, вступает в ряды коммунистической партии и вскоре принимает участие в подготовке восстания горняков в провинции Астурия. Выполняет самые опасные поручения: распределяет оружие и осуществляет связь между различными отрядами восставших. После подавления восстания более года находится на нелегальном положении, в глубоком подполье. Будущий лидер испанских коммунистов Сантьяго Карильо, который также принимал участие в событиях в Астурии, вспоминал Африку как «красивую смуглянку, прекрасно сложенную и статную».

С началом гражданской войны в Испании в 1936 году Африка ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев, была делегатом компартии Испании в правительстве Народного фронта.

В 1937 году в Испании Африка де Лас Эрас начала сотрудничать с советской внешней разведкой, выполняла ее специальные задания в различных странах. Именно тогда в оперативной переписке ее стали называть «Патрия». Африка входила в состав резидентуры Александра Орлова, руководившего сотрудниками советской внешней разведки в Испании. До сих пор операции, в которых она принимала участие, носят гриф секретности. Можно лишь констатировать, что информация, которую Африка передавала в Москву, являлась исключительно важной.

В июле 1938 года Александр Орлов из-за боязни быть ликвидированным в ходе обрушившихся на органы внешней разведки репрессий стал невозвращенцем. Опасаясь разоблачения Африки, которую Орлов хорошо знал, Центр принял решение отозвать ее в Москву. Через некоторое время Африка была нелегально выведена в Советский Союз, получила советское гражданство и стала работать в текстильной промышленности.

С первых же дней Великой Отечественной войны Африка начала добиваться, чтобы ее отправили на фронт. Сначала она попала в специальное медицинское подразделение Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД. Затем училась на ускоренных курсах радистов, которые окончила в мае 1942 года, и была направлена в формировавшийся разведывательно-диверсионный отряд «Победители» под командованием будущего Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева.

Что же произошло дальше? Приведем некоторые отрывки из воспоминаний самой Африки де Лас Эрас.

«Через несколько дней после окончания курсов меня вызвал командир и сказал: «Хочешь сражаться на фронте? Зайди в соседнюю комнату, там тебя ждут».

Когда я открыла дверь, там меня уже ждали товарищ Медведев и еще два неизвестных мне человека. Меня спросили:

— Умеешь стрелять?

— Да, у меня есть значок «Ворошиловский стрелок».

— Умеешь плавать?

— Да, я плавала лучше всех в своей деревне.

— Прыгала с парашютом?

— Нет, но я готова сделать это в любое время.

— Хорошо. Завтра тебя представят комиссару отряда товарищу Стехову, и ты перейдешь к нам.

С большим трудом я смогла сдержать желание прыгать от радости и кричать во весь голос: «Я еду на фронт! Я самый счастливый человек в мире!»

На следующий день ранним утром я пришла в отряд. Меня представили товарищу Стехову. А вскоре, уже с вещами и санитарной сумкой через плечо, я входила в казарму. Там я встретила товарищей, вместе с которыми сражалась потом в тылу врага более двух лет.

Началась подготовка. Маршброски с полной выкладкой, многокилометровые кроссы, стрельба, спецподготовка. Отдыхать было некогда, да об отдыхе никто и не думал.

Через некоторое время я дала клятву радиста. Я торжественно поклялась, что живой врагу не сдамся и, прежде чем погибну, подорву гранатами передатчик, кварцы, шифры... Мне вручили две гранаты, пистолет, финский нож. С этого момента все это снаряжение я постоянно носила с собой.

В ночь на 16 июня 1942 года наша группа была выброшена на парашютах близ станции Толстый Лес в Западной Украине.

Наша борьба в тылу врага — это время, полное печальных и радостных событий, время неустанного труда. В отряде было девять радистов. Мы принимали телеграммы от тридцати боевых групп. Шифровка, передача, прием, расшифровка... У нас почти не оставалось времени для сна. В нашем отряде была железная дисциплина, а между собой мы были спаяны дружбой, как настоящие братья и сестры.

Для связи с Москвой из лагеря выходили сразу три радиста. Шли в разных направлениях километров 15—20 в сопровождении бойцов. Работу начинали все одновременно на разных волнах. Одна из нас вела настоящую передачу, а две другие — для дезориентирования противника, так как нас постоянно преследовали немецкие пеленгаторы. Затем мы возвращались в лагерь и, если не было переходов, снова принимались за работу. Задачей нашей группы было поддержание постоянной связи с Центром, поэтому рация была нашим основным оружием. В отряде Медведева ни разу не прерывалась связь с Москвой. В течение полутора месяцев мы поддерживали также связь с отрядом Ковпака во время его перехода в Карпаты».

Позже, в своей книге «Сильные духом», командир отряда Д. Медведев так рассказывал о работе своих радистов в тылу врага:

«Радистов и радиоаппаратуру мы охраняли как зеницу ока. Во время переходов каждому радисту для личной охраны придавались по два автоматчика, которые помогали также нести аппаратуру... Ежедневно, в точно установленный час, мы связывались с Москвой. Если отряд находился на марше и останавливать его было нельзя, мы оставляли радиста и с ним человек двадцать охраны в том месте, где заставал радиочас».

Не раз приходилось Африке участвовать в боевых операциях отряда «Победители», проявлять смелость и отвагу при выполнении заданий командования. За ней прочно закрепилась репутация одной из лучших радисток отряда.

За выполнение боевых задач и активное участие в партизанском движении в годы войны Африка была награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, а также медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Летом 1944 года Африка вновь оказалась в Москве. В справке, которую ей выдали по возвращении в Москву и которую подписал комиссар специального партизанского отряда С. Т. Стехов, в частности, говорилось:

«Дана настоящая справка партизанке де Лас Эрас Африке в том, что она с июня 1942 года по апрель 1944 года находилась в специальном партизанском отряде. Вначале она была радистом и за отличную работу была назначена помкомвзвода. Находясь на этой должности, де Лас Эрас показала себя как умелый командир и хороший радист. Ее радиоаппаратура всегда находилась в образцовом состоянии, этого же она требовала и от подчиненных».

Африке было сделано предложение перейти на работу в нелегальное подразделение внешней разведки, и она дала твердое согласие. С этого времени ей пришлось оборвать все прежние связи с испанскими товарищами по борьбе. Больше она их не увидит никогда, ничего не будет знать о судьбе сестры, других родственников и знакомых. В свою очередь, и для них она также навсегда уйдет в небытие. Таковы были жесткие правила игры, в которую она вступила.

Помимо родного испанского Африка в совершенстве владела французским и русским языками. Началась специальная подготовка, приобретение необходимых навыков для ведения разведки с нелегальных позиций. И вновь, теперь уже в мирное время, Африка — «Патрия» на активной боевой работе. Война, закончившаяся, кажется,

еще вчера, для нее продолжилась. Изменились лишь методы борьбы: теперь ей предстояло действовать не просто в тылу противника, но и в постоянном соприкосновении с ним, с ежедневным риском быть им разоблаченной.

Знаменитый советский разведчик Джордж Блейк как-то подчеркнул, что сотрудник разведки — это человек, который ставит интересы своей страны выше личных. Эти слова можно полностью отнести к «Патрии». Интересы новой родины стали основой ее деятельности в советской разведке.

22 года продолжалась спецкомандировка «Патрии», во время которой она выполняла важные и ответственные задания. И ни разу за этот период она не усомнилась в необходимости и важности своей работы.

В январе первого послевоенного года «Патрия» на автомашине была переброшена из Берлина в Париж, где вскоре сумела надежно обосноваться, выдавая себя за беженку, в конце 1945 года перешедшую испано-французскую границу.

В 1947 году Центр принял решение направить «Патрию» для разведывательной работы в Западное полушарие — в одну из стран Латинской Америки. А уже в декабре 1948 года она завершила свою подготовку во Франции и выехала в страну назначения, в которой ей суждено было осесть на долгие 20 лет. Все это время разведчица успешно выполняла ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. Ей удалось первой в данном регионе установить и поддерживать постоянную двустороннюю радиосвязь с Центром.

За достигнутые результаты в работе, проявленные при этом инициативу и настойчивость «Патрия» была награждена вторым орденом Красной Звезды и второй медалью «За отвагу».

...В мае 1956 года «Патрия» получила радиограмму, в которой говорилось, что к ней в качестве резидента направляют «итальянского товарища». В конце мая она выехала в столицу соседнего государства. В течение не-

скольких дней «Патрия» прогуливалась по центральному проспекту города, разглядывая витрины магазинов и всегда держа в левой руке книгу в желтой обложке. На правом плече висела маленькая белая сумочка, из которой выглядывал платок. Это были опознавательные признаки, по которым ее должен был узнать прибывающий руководитель. В начале июня произошла встреча «Патрии» с «Марко». Вскоре, согласно выработанной в Москве оперативной легенде-биографии, они стали мужем и женой.

Наша справка

Джованни Антонио Бертони (оперативный псевдоним — «Марко») родился 27 апреля 1906 года в небольшом городке Фаэнца, что в провинции Эмилия на севере Италии, в рабочей семье. В 1921 году, после окончания начальной школы и технического училища, поступил на работу в мастерскую фирмы «Фиат». В 1922 году вступил в итальянский комсомол, на следующий год — в коммунистическую партию Италии. Являлся секретарем молодежной организации провинции Равенна, боевиком антифашистского движения. Трижды арестовывался. В апреле 1925 года убил начальника штурмового отряда и фашистской милиции Равенны, после чего был вынужден перейти на нелегальное положение, а затем покинуть Италию и выехать в СССР.

В конце 1927 года итальянский фашистский суд заочно приговорил Бертони к 25 годам тюремного заключения за вооруженное сопротивление при попытке его ареста.

В Москве Бертони являлся сотрудником аппарата Исполкома Коминтерна, а затем был принят на работу в советскую внешнюю разведку. В начале Великой Отечественной войны выполнял задания в тылу у немцев.

В 1943 году руководство внешней разведки приняло решение направить Бертони на нелегальную работу за границу. В характеристике за тот период, подписанной начальником Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР генералом Фитиным, говорилось:

«Является политически грамотным, волевым и решительным человеком. Имеет богатый жизненный опыт. Знаком с нелегальной закордонной работой. Инициативен и находчив».

В июне 1944 года «Марко» был сброшен на парашюте в Югославию, а затем перебрался в Северную Италию. Перед ним было поставлено задание создать там нелегальную разведывательную сеть. Все складывалось удачно: в Риме «Марко» устроился на работу в исключительно важное с разведывательной точки зрения государственное учреждение и приступил к выполнению стоявших перед ним задач. Однако в начале 1949 года он попал под подозрение местной контрразведки и был вынужден вновь покинуть родину.

Позже «Марко» находился на нелегальной разведывательной работе в одной из латиноамериканских стран, а затем возглавил нелегальную резидентуру, в которой трудилась «Патрия». В страну он был направлен специально для того, чтобы руководить работой женщины, с которой, по замыслу руководства разведки, он должен был сочетаться узами брака. И это несмотря на то, что раньше «Патрия» и «Марко» друг друга не знали.

Подобная ситуация, безусловно, не относится к регулярно повторяющимся в деятельности разведчиков-нелегалов, но и не является чем-то неординарным для ее сотрудников. Сама «Патрия» ничего из ряда вон выходящего в этом решении Центра не видела, поскольку интересы дела всегда стояли у нее на первом месте. Не задумываясь, она согласилась с поступившим от руководства предложением и заключила брак с незнакомым человеком.

За годы совместной работы разведчиков-нелегалов эффективность разведывательной деятельности резидентуры существенно повысилась. Уже в середине 1958 года, оценивая работу резидентуры, Центр писал:

«Мы считаем, что Вы с «Патрией» за эти два года проделали серьезную работу: осели и закрепились в стране; наладили двустороннюю радиосвязь; организовали надежное прикрытие; выполнили ряд важных заданий Центра (поездки в другие страны, добыча информации по конкретным вопросам); приобрели полезные для нашей работы связи...»

Хотя «Патрия» и «Марко» создали семейную пару по воле Москвы, чтобы способствовать выполнению поставленных перед ними важных разведывательных задач, их брачный союз оказался счастливым. Они прожили в полном согласии восемь лет. Вспоминая о своем муже, «Патрия» неизменно отзывалась о нем как о хорошем друге и настоящем человеке.

1 сентября 1964 года «Марко» скоропостижно скончался. Так при исполнении служебных обязанностей закончил свой жизненный и боевой путь советский разведчик полковник Джованни Бертони.

«Патрия» глубоко переживала смерть «Марко», бывшего ей другом, руководителем, боевым товарищем. В письме в Центр она писала:

«В связи с неожиданной смертью «Марко» и моей чрезмерной нагрузкой в последний месяц его жизни я очень устала и испытываю упадок сил... Врач находит у меня сильный невроз сердца, а все остальное без каких-либо изменений, и не рекомендует мне интенсивно работать. Оформление наследства (антикварный магазин «Марко» и его автомашина) не должны вызывать каких-либо осложнений, поскольку я единственная наследница по закону. Прошу сообщить мне данные на человека, которому можно было бы передать дом как наследнику или администратору. Убедительно прошу организовать мне встречу с представителем Центра для обсуждения и решения всех возникающих теперь вопросов».

И все же потеря не сломила разведчицу. Похоронив мужа на чужбине, «Патрия» продолжала активно работать еще три года. Уже в ноябре 1964 года она писала в Центр:

«В стране сейчас крайне напряженное положение и неизбежен военный переворот. У меня имеются возможности развивать прежние

интересные связи. Считаю, что могу и далее продолжать разведывательную работу на Американском континенте, в Европе или Центре. Настроение у меня боевое».

Осенью 1967 года Африка де Лас Эрас покинула страну, где прожила почти 20 лет, и вновь вступила на московскую землю. Но с возвращением в Москву работа в нелегальной разведке для нее не закончилась. Еще трижды ей пришлось выезжать в заграникомандировки для выполнения важных заданий, которые Центр не мог поручить никому другому.

С 1971 года Африка активно участвовала в воспитании молодого поколения разведчиков-нелегалов, передавая им свой поистине бесценный опыт. Ей разрешили встречаться с ветеранами разведывательно-диверсионного отряда «Победители». Эти встречи были очень важны для нее, одинокой женщины, отдавшей всю себя без остатка делу служения безопасности своей второй родины.

В марте 1976 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги перед Родиной Африка де Лас Эрас была награждена орденом Ленина, а в мае 1985 года в связи с 40-летием Победы — орденом Отечественной войны 2-й степени. Вышла в отставку только в 1985 году. Было ей... 76 лет. Однако связи с разведкой не теряла до последнего дня.

Незадолго до смерти Африка писала:

«Моя Родина — Советский Союз. Это укоренилось в моем сознании, в моем сердце. Вся моя жизнь связана с Советским Союзом. Я верю в революционные принципы, в избранный мною путь. Ни годы, ни трудности борьбы не поколебали моей веры. Напротив, трудности всегда были стимулом, источником энергии в дальнейшей борьбе. Они дают мне право жить с высоко поднятой головой и спокойной душой, и никто и ничто не сможет отнять у меня этой веры, даже смерть».

Африка де Лас Эрас пользовалась неизменным уважением мужчин-сослуживцев. И секрет такого уважения был прост: вся ее жизнь с памятного для нее 1937-го была посвящена службе в советских органах государственной безопасности и разведке. Свыше 45 лет в строю! Бесспорно, сделать в разведке — а особенно в нелегальной — даже малую часть того, что сделала Африка, можно, лишь служа великой идее.

Скончалась Африка 8 марта 1988 года. В этот день руководители разведки должны были вручить ей нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности». На могильном камне на Хованском кладбище в Москве выбиты слова: «Полковник Африка де Лас Эрас, почетный сотрудник госбезопасности».

РАДИСТКА КЭТ ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ

Основатель и в течение многих лет бессменный руководитель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» сокрушался по поводу того, что американское секретное ведомство не имеет таких разведчиков, как Рудольф Абель (Вильям Генрихович Фишер): «Все, что Абель делал, он совершал по убеждению, а не за деньги. Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четыре человек, таких как Абель, в Москве». А Санш де Грамон, американский писатель, автор книги «Тайная война», добавлял: «Абель — редкий тип личности... Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, что такой удивительный человек вышел не из рядов разведки Соединенных Штатов».

Советская разведка, к счастью, располагала целой плеядой разведчиков класса Абеля — скромных, незаметных людей, которые в тяжелейших условиях глубокого подполья трудились в Западном полушарии.

Жизнь разведчика-нелегала — это особая судьба. Одно дело, когда ты «легально» работаешь при посольстве, культурном или торговом представительстве, когда у тебя в кармане лежит паспорт Родины и ты защищен дипломатической неприкосновенностью. И совсем другое — когда ты должен скрываться под чужим именем, перевоплощаться в человека иного языка и культуры и можешь рассчитывать лишь на свои силы. Советские разведчики-нелегалы времен «холодной войны» навсегда войдут в историю как истинные герои. И достойное место среди них

занимают супруги Филоненко, чья судьба пересеклась с судьбой легендарного Абея.

Мало кто знает и о том, что знаменитый и любимый всеми нами многосерийный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны» родился во многом с их помощью: Анна Филоненко стала прообразом радистки Кэт, а игравший Штирлица Тихонов многое позаимствовал у Михаила Филоненко.

Анну Камаеву, которая потом примет фамилию мужа — Филоненко, можно считать типичной представительницей первого поколения сталинской молодежи. Она родилась в суровом 1918 году в подмосковной деревушке Татищево в многодетной крестьянской семье. Как миллионы ее сверстниц, окончила школу-семилетку. Детство, с его желанной порой летнего отдыха в родительском доме, пионерскими кострами, сенокосами, работой на огороде, вечерними посиделками с подругами, кончилось вместе с окончанием школы. Затем последовала учеба в фабрично-заводском училище, где Аня постигала тайны ткацкого мастерства.

В 1935 году 16-летняя девушка поступает на работу ткачихой на московскую ткацкую фабрику «Красная Роза», выпускавшую шелковые ткани. По стране гремят имена знаменитых ткачих Марии и Евдокии Виноградовых, призвавших своих подруг активно включаться в стахановское движение. Вскоре и Аня Камаева становится передовиком производства, стахановкой, обслуживает сразу дюжину станков.

Перед ней открывалась дорога в жизнь, о которой рассказывалось в популярном кинофильме того времени «Светлый путь»: коллектив ткацкой фабрики «Красная Роза» выдвинул Анну Камаеву кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, ее прочили на руководящую работу. Однако судьба распорядилась по-иному. Избирком отвел ее кандидатуру, поскольку Аннушке не исполнилось еще 18 лет, и она продолжила работать ткачихой на своей же фабрике.

Крутой перелом в жизни Анны произошел в конце 1938 года, когда по комсомольской путевке 20-летняя де-

вушка была направлена на работу в Иностранный отдел (внешнюю разведку) НКВД СССР.

То было трудное время: за время массовых репрессий 1930-х годов сильно пострадала и советская внешняя разведка. К 1938 году примерно половина ее личного состава была репрессирована: десятки сотрудников центрального и периферийного аппаратов ИНО были арестованы и расстреляны. В результате внешняя разведка органов госбезопасности была крайне ослаблена, в некоторых ее резидентурах оставалось всего один-два оперработника, другие резидентуры вообще закрылись. Репрессиями была перечеркнута большая организационная работа со созданием за границей нелегального аппарата.

В 1938 году Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос об улучшении работы Иностранного отдела НКВД. Чтобы в кратчайшие сроки восстановить мощь внешней разведки, было принято решение об укреплении и расширении ее штатов. Учитывая острую нехватку кадров в разведке, было решено создать Школу особого назначения (ШОН) НКВД для централизованной подготовки разведывательных кадров.

Так в октябре 1938 года Анна Камаева стала слушателем ШОН. График подготовки был плотным и напряженным: она постигала радиodelo, тренировалась в стрельбе из всех видов легкого оружия вплоть до пулемета, усиленно изучала иностранные языки — финский, испанский, польский.

После окончания ШОН в 1939 году молодая выпускница была зачислена в центральный аппарат внешней разведки органов госбезопасности. Она вела оперативные дела разведчиков-нелегалов, действовавших в Европе. Однако проработала на этом участке не так уж долго — пока не грянула гроза 1941 года...

С первых дней Великой Отечественной войны Анну Камаеву включили в состав Группы особых заданий — сверхсекретной структуры, подчинявшейся непосредственно наркому внутренних дел Берии и фактически яв-

лявшейся параллельной разведывательному управлению госбезопасности разведкой.

Группой особых заданий попеременно руководили Яков Серебрянский, Сергей Шпигельглас и Наум Эйтингон. Для выполнения заданий руководства страны и органов госбезопасности группой было создано за рубежом двенадцать нелегальных резидентур. В 1940 году эта «разведка в разведке» под руководством Эйтингона осуществила, в частности, операцию «Утка» по физическому устранению Льва Троцкого.

Следует отметить, что у всех руководителей Группы особых заданий судьба оказалась трагической.

Так, в 1938 году был арестован и приговорен к расстрелу Серебрянский. Только с началом Великой Отечественной войны он по ходатайству начальника 4-го управления НКВД Павла Судоплатова был освобожден из камеры смертников и восстановлен в прежней должности. В августе 1953 года после расстрела Берии Серебрянский был вновь арестован и умер на допросе в прокуратуре.

В ноябре того же 1938 года был арестован, а в январе 1941 года расстрелян первый руководитель Группы особых заданий Шпигельглас.

Эйтингон, руководивший операцией «Утка», а в период Великой Отечественной войны являвшийся заместителем генерала Судоплатова, был арестован в 1951 году как участник «сионистского заговора в МГБ». Затем его выпустили на свободу, а в 1953 году вновь арестовали, на этот раз — по делу Берии. Из тюрьмы он вышел только в 1964 году и стал работать старшим редактором одного из московских издательств...

Однако вернемся к началу Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года обстановка на фронте была критической. В ноябре танки Гудериана вплотную подошли к Москве. Началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев, в столице было введено осадное положение. Захватчики уже готовились вступить в город, в германских войсках повсюду раздавали приглашения на участие в триумфальном параде на Красной площади, принимать который должен был сам Гитлер.

Но советский народ сдаваться не собирался. Это французы объявили Париж открытым городом сразу же при приближении немецких танково-механизированных колонн. Руководство же нашей страны распорядилось готовить диверсионное подполье, чтобы продолжать борьбу даже в захваченной врагом Москве.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия города гитлеровскими войсками. Где Гитлер и другие нацистские бонзы могут устроить торжества по случаю падения советской столицы? Либо в Кремле, либо в Большом театре. Значит, рассудили в ведомстве Берии, надо готовить взрывы этих объектов. При этом в НКВД исходили из того, что Гитлер и другие руководители третьего рейха, прежде чем реализовать угрозу «сровнять Москву с землей», непременно примут личное участие в намеченных торжественных мероприятиях.

Сотрудникам Группы особых заданий предстояло вести тайную войну на своей земле. Анна Камаева оказалась в самом центре этих оперативных приготовлений. Практической боевой подготовкой чекистов руководил Яков Серебрянский. В условиях абсолютной секретности создавались диверсионные группы. Часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение непосредственно в Москве. Сотрудники госбезопасности минировали малоизвестные штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части города, израсходовав на это несколько вагонов взрывчатки. Мины были заложены в Кремле и под Большим театром. Одно-го нажатия кнопки минером из НКВД было достаточно, чтобы за несколько секунд превратить эти московские достопримечательности в груды развалин.

Анне Камаевой по личному указанию Лаврентия Берии отводилась ключевая роль — осуществить покушение на... самого Гитлера. Отрабатывались различные варианты выполнения задания, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы не имелось. Давая такое задание, глава НКВД посылал девушку на верную смерть, но зато был уверен: Камаева приказ выполнит.

К счастью, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла под натиском вермахта. Войскам Западного фронта под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сот километров от столицы.

В битве за Москву Анна Камаева снова оказалась в самой гуще событий. Ее забросили в тыл немецких войск в ее родном Подмоскovie для проведения диверсионных операций — уже по линии 4-го управления НКВД, которое возглавлял знаменитый Павел Судоплатов. Для активизации партизанской борьбы за линией фронта руководство НКВД создало тогда в рамках 4-го управления Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), на базе которой формировались разведывательно-диверсионные группы. Анна являлась радистом одной из таких групп, действовавшей в тылу врага.

Как отмечалось в рапорте командира ОМСБОН полковника Гриднева, «Камаева принимала непосредственное участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве».

В январе 1942 года Анна Камаева была приглашена в штаб командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова для получения награды. В приемной она встретила со своим будущим мужем Михаилом Филоненко. Здесь он находился, чтобы получить из рук полководца орден за руководство разведывательно-диверсионным отрядом, совершившим беспрецедентный по своей дерзости рейд по тылам врага в Подмоскovie. Думаем, что читателям будет интересно узнать некоторые подробности этого рейда.

Из военного дневника старшего лейтенанта госбезопасности М. И. Филоненко, командира разведывательно-диверсионного отряда «Москва», рейд которого по Подмоскovie продолжался 44 дня:

«День первый — 3 декабря 1941 года. Среда. Температура минус 25—30 градусов. Метель, ветер северный.

Утром построил отряд: пятьдесят воинов-чекистов. Больше половины из них фашистов еще в глаза не виде-

ли. Напомнили с комиссаром Анатолием Ермолаевым, что рейд тяжелый и опасный, есть возможность отказаться. Никто не вышел из строя.

— Если кто стесняется товарищей, — сказал я, — то после индивидуальных бесед будет полное построение. Неуверенные в себе в строй могут не становиться.

Через час построились все пятьдесят. Я еще пробовал отговаривать восемнадцатилетнюю медсестру Тамару Малыгину, которая пришла добровольцем в отряд. Впрочем, здесь все добровольцы. Тамара отличная спортсменка-лыжница, прекрасно владеет автоматом, пистолетом. Но не женское ведь дело в снежной лесной чаще устраивать ночлег, быть в холоде и голоде. Тамара сказала твердо:

— Я выносливая. За меня вам краснеть не придется.

Подали три автомашины, и мы выехали в Останкино. Здесь получили и подогнали на всех лыжи. В двенадцать часов выехали в Апрелевку, оттуда в Рогачево.

Поздно вечером отряд миновал боевые порядки танковой дивизии полковника Ротмистрова, перешел линию фронта и растворился в снежных лесах.

Шли всю ночь. Утром начался сильный снегопад, наши следы замело пургой.

День второй — 4 декабря. Минус 25. Пасмурно, сплошная облачность, метель.

Утром, когда гасили костры, прибежал Федор Сафонов с двумя своими разведчиками:

— Идет немецкий обоз в десять подвод. Фрицы закутаны с ног до головы. По-моему, сопротивления особого не окажут.

Я принял решение: дать внезапный скоротечный бой. Старшине Сафонову с группой захвата приказал взять одного-двух офицеров в плен, остальных уничтожить.

Гитлеровцы даже не успели поднять оружие, как двенадцать из них полегли на месте, двух офицеров взяли в плен. Отряд на трофейных подводах углубился в лес.

Убито 14 фашистов, из них 4 офицера и 3 унтер-офицера. Захвачено 18 автоматов, 3 винтовки, 4 пистолета, 5000 патронов, 16 карманных часов, 10000 рублей, пять ящиков боеприпасов, десять ящиков гранат, много про-

довольствия. Наших потерь нет. Раненых и обмороженных тоже нет.

Ночевали в лесу. Разгребли метровый снег до земли, наломали хвойных веток, настелили на землю, накрыли плащ-палаткой. Ложились по пять—десять человек, прижимались друг к другу, накрывались второй плащ-палаткой, затем снова ветками и снегом. Минут через тридцать в таком снежном «шалаше» становилось тепло. Но через каждый час дежурные будили людей и переворачивали на другой бок, чтобы не замерзли. Часовые менялись через час, на каждом посту — двое. Подходы к месту ночлега заминировали.

День третий — 5 декабря. Минус 22, ночью — 28—30 градусов мороза. Пасмурно, метель, ветер умеренный.

С комиссаром и комсоргом отряда поздравили всех с Днем советской Конституции, пожелали удачного рейда и быстрейшего изгнания фашистов с нашей земли.

У населенного пункта Ахматово Сафонов вместе с Михаилом Задковым и Иваном Грачевым вышли в поиск. На окраине села без шума захватили повозку с унтер-офицером. Пленный дал хорошие сведения: их рота находится на отдыхе, половина личного состава обмороженные и больные. Указал, в каких домах они разместились.

К Ахматово отряд вышел внезапно, с трех сторон. Сняли часовых, перерезали провода связи, забросали гранатами дома, где располагались фашисты. Весь гарнизон был уничтожен. Водрузили красный флаг над школой, разбросали листовки: «Возмездие фашистов всюду достигнет, и под Москвой им осталось быть считанные дни. Смерть немецким оккупантам!» Собрали документы, оружие у врага и ушли так же быстро, как и появились.

Убито фашистов — 68. Из них 10 офицеров. Захватили 70 автоматов и пистолетов, несколько тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Наших потерь нет.

День четвертый — 6 декабря. Минус 23 днем, ночью — 28 градусов. Пасмурно, тихо, снегопад.

Нас разбудила мощная канонада. Били по обороне фашистов тяжелые орудия, минометы, а затем поднялись десятки краснозвездных самолетов и стали бомбить врага.

Началось, видимо, наше контрнаступление. Гитлеровцы бегут в панике, в одних рубахах, некоторые падают в снег и замерзают и уже никто не знает, как поется в песне, «где могилка моя...».

Весь день мы вели наблюдение за отступающими войсками и перегруппировкой живой силы и техники. По железной дороге под охраной бронепоездов шли эшелоны — подвозили свежие силы, чтобы закрепить образующуюся брешь в обороне.

В 22 часа 30 минут заминировали мост и железную дорогу. В 23 часа мост под вражеским эшелонem с солдатами и техникой взорвался. Вместе с мостом погибло около сотни фашистов, в реку слетели 10 танков и 21 орудие, три цистерны с бензином. Часовых у моста снимал Федя Сафонов с группой захвата. Минировали мост и подступы к нему пиротехники Феди Кувшинова. Храбрые ребята!

Почти всю ночь уходили на лыжах в глубь леса. И только утром, в тридцати километрах от места диверсии, сделали большой привал.

День пятый — 7 декабря. Минус 18, ночью — 22 градуса. Тихо, слабый снегопад.

На соснах, елках образовались огромные белые шапки снега, многие деревья напоминают сказочных витязей. Сегодня дал отдых всему отряду. Нашли спрятанные в лесу запасы продовольствия из обоза фашистов, разогрели на костре тушенку. По плану мы должны разведать город Верею, по возможности парализовать движение войск через реку Протва — взорвать мост и дать знать местному населению, что советская власть — штука прочная: она в состоянии разгромить фашистские полчища.

День шестой — 8 декабря. Минус 15—18, снегопад, метель во второй половине дня, ветер сильный.

Три разведчика обморозили себе кончики носов. Это первое обморожение. На привале под присмотром Тамары Малыгиной оттирала «троица» щеки и носы снегом, Тамара смазала их мазью, еще раз подробно проинструктировала всех, как уберечься от обморожения.

У Вереи полно фашистов. Движение непонятное: одни колонны идут в город, другие из него. Вызываю стар-

шину Сафонова, даю задание группе захвата: достать «языка», желательно офицера. Прошло не более двух часов, как Федя привел двух связанных гитлеровских офицеров. Один с рыцарским крестом — оберст, то есть полковник.

Пленные сказали, что в Верее находятся остатки разбитой пехотной дивизии, которая за три дня боев потеряла более восьмидесяти процентов своего состава и всю технику: вместо разбитой дивизии прибывают свежие части, пытаются сдержать наступление русских.

— Ваша проклятая зима нарушила все планы! Но придет весна, и мы свободно займем Москву, дойдем до Урала, — с гонором заявил полковник.

Я приказал Сафонову расстрелять гитлеровцев. Всему отряду объявил тревогу. Надо срочно замечать следы: этих «видных» фашистов немедленно начнут искать.

Более трех часов были в пути. Идти по лесу очень тяжело: снег по пояс, лыжи то и дело слетают с ног, рвутся крепления — они полужесткие. Приходится использовать бинты, ремни, тесемки. Расположились на ночлег. Заминировали подходы, развели костер.

Разработали план, как вывести из строя железнодорожную ветку. Надо срочно помогать своим частям бить фашистов в хвост и в гриву. Бить беспощадно, жестоко, с ненавистью, так, чтобы запомнили на всю жизнь и наказали своим детям...

День седьмой — 9 декабря. Минус 24—27, метель, ветер северный.

Группа разведчиков ушла к населенному пункту Афанасьеву. В селе был слышен лай собак, крики. Сафонов со своими людьми незаметно подошел к крайнему дому, вызвал хозяина. Фашисты прибыли неделю назад: злые, избитые, обмороженные. День и ночь пьянствуют, гуляют, насилюют женщин, убивают мужчин, вешают захваченных партизан.

— Сколько немцев в селе? — спросил Сафонов.

— Да примерно взвода три. Ждут танки и подкрепление, — ответил крестьянин Михаил Савельев. — А офицеры вон в том доме, что со ставнями, где свет горит. На

ночь они ставни закрывают — боятся партизан — и еще двух часовых у дома ставят. Очень трусят! Им сообщили, что в одном гарнизоне партизаны уничтожили всех.

Из калитки соседнего дома вышли два пьяных и перевязанных гитлеровца, направились к избе Савельева. Разведчики в сених разоружили и скрутили их. Оказалось: унтер-офицер и ефрейтор. Через час «языки» были доставлены в отряд. Они подтвердили все, что сказал Савельев.

Медлить не стали. Отряд был разбит на пять групп: три по десять человек делают налет на село сразу с трех сторон. Первую группу возглавляет старший лейтенант Казанков, вторую — комиссар отряда Ермолаев, третью — старшина Кувшинов. Группой прикрытия командует сержант Задков, которому сказано, чтобы следил за ходом боя и прикрыл отряд, когда он будет отходить в сторону Шустикова. Разведчики, само собой, идут впереди всех и я с ними.

Операцию решено начать в 23.40, закончить в 0.25. Пароль — «Москва», отзыв — «Штык». Числовой пропуск — 17. Всем быть в масках — это основное различие «свой — чужой».

Бесшумно подошли к селу. Разведчики первым долгом взорвали дом, где находились офицеры, предварительно сняв часовых. Взрыв был сигналом к атаке.

В селе поднялось нечто невообразимое. Жители быстро сообразили, что к чему: выскакивали из домов с вилами, топорами и добивали фашистов. Гарнизон был полностью уничтожен. Сельчане просились к нам в отряд. Но взять мы их не могли, а посоветовали, как организовать партизанский отряд.

Убито фашистов — 52, из них 5 офицеров. Более сотни единиц оружия роздано населению. Потерь нет. Обмороженных — двое.

День восьмой — 10 декабря. Минус 27—30, ночью до 45, ветер слабый, лес заиндевелый.

Ночь шли в Шустиково. Очень морозно. Выставили охрану, решили отдохнуть и согреться в пустой сторожке. После обеда и отдыха совершили переход в Борисово.

Шли медленно. Впереди и по бокам — охранение. Встретили крестьян, прятавшихся от фашистов. Сказали, что в Борисове зверствуют гитлеровцы и полиция.

День девятый — 11 декабря. Минус 26—29, снегопад, тихо. Весь день двигались в направлении Дорохово — Можайск. Всюду немцы. Их столько, что забиты все дороги. Сотни, тысячи убитых, замерзших.

День десятый — 12 декабря. Минус 28.

На дороге встретили три повозки фашистов, они везли продовольствие и боеприпасы. Уничтожили трех фашистов и одного полицая. Боеприпасы взорвали, продовольствие спрятали в лесу.

День одиннадцатый — 13 декабря. Минус 23—25, малый снегопад.

Совершили переход в Бородино. Встретили легковую машину в сопровождении автоматчиков. Две удачно брошенные противотанковые гранаты — и стрелять было не в кого. Забрали документы и оружие. В машине, где был фашистский полковник, кроме документов, взяли портфель с золотыми и серебряными изделиями, награбленными в нашей стране.

Быстро изменили маршрут и направились в Храброво.

День двенадцатый — 14 декабря. Минус 18—20, сильный снегопад.

Совершили переход в Губино. Встретили колонну фашистских танков. Они стояли на заправке. В бой не вступали, удалились в направлении Юрлово.

День тринадцатый — 15 декабря. Минус 17, метель, ветер.

Прибыли в Выселово. Немцы привезли в село много раненых и обмороженных. Бить их не стали, они и так из строя выведены. Вышли в Афанасьево. Разрушили линию связи противника — более трех километров. Сделали засаду, стали ждать немецких связистов. Те прибыли с охраной: шесть автоматчиков. Уничтожили 8 фашистов. Забрали документы и оружие. Направились к Верее.

День четырнадцатый — 16 декабря. Минус 15, ветер сильный.

В километре от Верей три полицая и четвертый в стороне от них преследовали неизвестного человека без

верхней одежды. Они в него стреляли, а он все бежал в лес. Трех полицаяв и четвертого, который оказался старостой, схватили. Выяснили, что преследовали они приговоренного к смерти партизана.

Фашистских прихвостней тут же, на месте, уничтожили, а партизану выдали немецкую одежду и отправили в лес. Он очень просился к нам в отряд, но неизвестных людей брать категорически запрещено.

День пятнадцатый — 17 декабря. Минус 25—30, снегопад, ветер умеренный, метель.

Вышли в Симбухово. Изрубили 300 метров кабельной связи врага.

День шестнадцатый — 18 декабря. Минус 24—27, ветер слабый, метель.

Прибыли в Назарьево. Ночью взорвали склад с боеприпасами и сожгли бензохранилище.

Всю ночь шли в Таширово.

День семнадцатый — 19 декабря. Минус 26—29, ветер северо-восточный, метель.

Колесим по лесу. Метель, даже маленькая, нас здорово выручает.

Встретили немецкий обоз в 50 подвод. Его сопровождали три танка и три бронетранспортера. В бой не вступили — не было возможности.

День восемнадцатый — 20 декабря. Минус 30—33, ветер умеренный, метель.

Мерзли сильно. В районе Дорохово — Шаликино пытались совершить железнодорожную диверсию. Не получилось: убили трех гитлеровцев, но подоспело подкрепление. Ушли в лес, заминировали за собой дорогу, ждали преследования. Фашисты очень скоро пытались догнать нас, но подорвались на минах и прекратили преследование.

По пути в Петрищево Федя Сафонов со своей группой захвата добыл «языка», офицера штаба пехотной дивизии. От него узнали, что наши войска освободили Волоколамск и что разбиты полностью самые отборные гитлеровские армии под Москвой. Он все время повторял: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

В Петрищево узнали о казни 29 ноября 1941 года партизанки «Тани». Дали клятву мстить беспощадно за нашу юную разведчицу, за кровь многих тысяч ни в чем не повинных советских людей. Каждый рвался в бой...

День девятнадцатый — 21 декабря. Минус 27—30, снегопад, метель.

Утром все продрогли до костей, но на душе было радостно: сегодня день рождения товарища Сталина. Миша Задков говорит:

— Надо бы за здоровье Верховного и выпить...

Пришлось разрешить по двести граммов шнапса для обогрева и в знак уважения своего вождя. В бой не вступали.

День двадцатый — 22 декабря. Минус 25—27.

При переходе в Колодкино — Петрищево в лесу встретили фашистский обоз. Атаковали внезапно. Убили 7 фашистов, двух взяли в плен. Заполучили десять подвод с продовольствием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью.

День двадцать первый — 23 декабря. Минус 18—21, метель, ветер.

Совершили переход в Борисово. Произвели рекогносцировку местности. В бой не вступали.

День двадцать второй — 24 декабря. Минус 20—23, ночью — до 25.

При переходе к Верее встретили колонну автомашин с бочками бензина, они шли для заправки танков и бронетранспортеров. Все восемь автозаправщиков сожгли, сгорели и фашисты. Потерь нет. Отличились в бою Сафонов Федор, Задков Михаил, Грачев Иван, Правдин Виктор, Сосулькин Александр, Маркин Павел, Дубенский Богдан, Бахметьев Лев и другие. Красивый фейерверк устроили в лесу!..

День двадцать третий — 25 декабря. Минус 21—24, ветер слабый.

Вели рекогносцировку местности в районе Афанасьев. Откопали спрятанное продовольствие, отбитое у фашистов две недели назад. В бой не вступали.

День двадцать четвертый — 26 декабря. Минус 20—23, снегопад, ветер слабый, метель.

В бой не вступали.

День двадцать пятый — 27 декабря. Минус 21—24.

Совершили переход в Шустиково. На дороге убили трех фашистов.

День двадцать шестой — 28 декабря. Минус 22—24, метель. В бой не вступали.

День двадцать седьмой — 29 декабря. Минус 21—23, ветер сильный.

Сожгли два бронетранспортера в лесу. При них одиннадцать фашистов — оказали сопротивление. Были уничтожены. Своих потерь нет.

День двадцать восьмой — 30 декабря. Минус 20—24, слабый снегопад, ветер слабый.

Немцы решили под Новый год помыться и попариться в бане. И мы решили поддать им жару. Баню взорвали, а выскочивших голых немцев перестреляли.

День двадцать девятый — 31 декабря. Минус 15—17, сильный снегопад, тихо.

Мы с комиссаром собрали весь личный состав и после завтрака подвели итоги за весь «наш» 1941-й год. Что мы, как добровольцы, коммунисты и комсомольцы, смогли сделать, как приблизили день Победы над врагом? Все подсчитали. И мы внесли вклад в разгром фашистских оккупантов. Но впереди еще тяжелые и опасные километры.

День тридцатый — 1 января 1942 года. Минус 23—25, во второй половине дня — сильный снегопад.

Вот уже месяц, как мы совершаем рейд по тылам фашистов. Утром мы вместе с комиссаром Анатолием Ермолаевым поздравили весь личный состав с Новым годом, с новым счастьем. Пожелали еще крепче бить фашистов, быть здоровыми и вернуться на Большую землю с победой!

Потерь в отряде по-прежнему нет. Хотя у половины изломались лыжи, маневренность отряда стала ниже. Несколько человек обморозили пальцы ног, рук... Принимаем меры защиты от мороза. По-прежнему в населенные пункты на ночлег не заходим — все ночи проводим в снежной «постели».

День тридцать первый — 2 января. Минус 21—24, ночью до 28.

Целый день находились в районе Колодкино и Крюково. Вели наблюдение за войсками противника, за их передвижением. Вечером взяли одного «языка». Он сообщил, что прибыло подкрепление в зимней одежде и что командование отдало приказ перейти к обороне. Двинулись в Таширово.

День тридцать второй — 3 января. Минус 22, снегопад, ветер западный, слабый.

В Таширово много фашистов. Приближаться опасно. Послал разведку. Через час старшина Сафонов доложил, что немцы выставили КПП и проверяют всех, кто входит в село и выходит из него.

Взяли курс снова в Крюково. Двое разведчиков обморозили пальцы ног, пришлось оттирать снегом и бинтовать. Люди очень устали. Перегрузки страшные. Холод.

День тридцать третий — 4 января. Минус 18—20, ветер сильный.

У Крюково мы в декабре спрятали продовольствие после разгрома вражеского обоза, убили несколько лошадей и засыпали снегом — это был наш НЗ. Продукты, которые несли с собой, на исходе. Отыскали НЗ и устроили пир горой: конина, тушенка, шпик, даже сохранился шнапс для обогрева.

День тридцать четвертый — 5 января. Минус 16—23, сильная метель.

Прибыли снова к Верее, разведали подходы, захватили двух пьяных фашистов. Они показали, что в Верее прибыл полк СС для борьбы с партизанами: командующий группой «Центр» фельдмаршал фон Бок вызвал еще карательный батальон белофиннов из-под Ленинграда для более эффективной борьбы с партизанами.

День тридцать пятый — 6 января. Минус 20—23, слабый снегопад.

Встретили на дороге по пути в Афанасьево две немецкие повозки с грузом. Фашисты оказали сопротивление. Пятерых солдат и офицера уничтожили. Пошли к Вышгороду.

День тридцать шестой — 7 января. Минус 23—25, метель.

Боевых действий не предпринимали. Нашли запасы одежды, боеприпасы, взрывчатые вещества — то, что требовало пополнения.

День тридцать седьмой — 8 января. Минус 25—27, метель.

Разрушили телефонную линию связи противника, уничтожили две повозки. В завязавшейся перестрелке убито пять солдат и два офицера. Наших потерь нет.

День тридцать восьмой — 9 января. Минус 26—29, снегопад.

Из засады застрелили шестерых немецких солдат и офицера, патрулировавших на дороге.

День тридцать девятый — 10 января. Минус 22—25, метель.

Вели разведку. Пополнили боеприпасы и продовольствие. Подошли к Борисово.

День сороковой — 11 января. Минус 22—24, метель, ветер сильный.

Атаковали вражеский обоз в 100 подвод. Огнем из автоматов и винтовок убили 45 фашистов. Подожгли два фургона с боеприпасами. Наших потерь нет.

Впервые за весь рейд некоторым фашистам удалось бежать. Надо ожидать преследования.

День сорок первый — 12 января. Минус 21—24, снег, метель.

Вырезали два пролета кабельной связи, в другом месте разрушили линию связи на протяжении 600 метров. Убили трех немецких солдат и офицера. Заминировали несколько участков дороги.

Работать приходится все труднее. После диверсии ушли в лес. Подступы к лагерю заминировали, начали ужинать. В это время раздался взрыв — взорвались наши мины.

Сафонов с ребятами обнаружили два трупа гитлеровцев, остальные бежали.

Итак, за нами идут по следу. Но пока фашисты боятся входить глубже в лес.

Вечером направились в Ахматово. Переход трудный. У восьмидесяти процентов состава лыжи изломаны. Завтра возвращаемся на Большую землю. Потерь пока нет.

День сорок второй — 13 января. Минус 23—25, метель.

Встали рано — готовились к переходу через линию фронта. Я построил отряд, коротко поставил задачу — вырваться из тыла противника. В это время прибежал наблюдатель: немцы идут по лесу на лыжах.

Даю команду: «К бою!» Решили мы их подпустить на 50—60 метров и ударить прицельным залповым огнем. Разглядели карателей: отряд белофиннов и несколько немцев. Более десятка их подорвались сразу на минах, расставленных накануне. Залповым огнем уложили еще более трех десятков. Остальные бежали.

Наскоро собрав документы и оружие, мы поспешно стали отходить.

Не прошли и двух километров, как снова стали нас настигать карательные отряды фашистов. Опять бой. Уничтожили несколько десятков врагов. Но было ясно: надо оставлять прикрытие и отходить — иначе весь отряд погибнет и пропадут все добытые нами сведения.

Комиссар отряда Анатолий Ермолаев, старшина Федор Сафонов, Федор Кувшинов, старший лейтенант Андрей Казанков добровольно решили прикрыть отряд. Мы распрощались у деревни Ахматово. Я передал им все патроны для пулеметов, автоматов, гранаты. Себе оставил лишь две гранаты и по одному магазину с патронами к автомату и пистолету.

Каждый понимал: прикрывать нас — значит пойти на верную смерть. Силы карателей превышали наши в десятки раз. Натренированные белофинны на лыжах чувствовали себя в лесу как дома. Наши же разведчики измучены и без лыж. Ни малого отдыха не могла нам дать обстановка, после которого мы снова могли бы успешно бить врага.

Мы отходили, а позади были слышны короткие очереди пулеметов, автоматная трескотня, взрывы гранат. Меня ранило в плечо, от потери крови мутилось сознание, но надо было собрать последние силы, сделать рывок и выводить отряд. Каратели бросились на горстку наших оставшихся товарищей.

День сорок третий — 14 января. Минус 21—23, снегопад, метель, ветер сильный.

Шли весь день и почти всю ночь. Измотались в доску. Питание кончилось, боеприпасы — по одной гранате, по 10—12 патронов. Я угодил в большую яму в лесу, она была засыпана снегом. Сам бы я не выбрался — сил не было. Хорошо, Миша Задков заметил. Он отстегнул ремень автомата, кинул один конец мне, и они вместе с Ваней Грачевым вытащили меня. Лежать бы мне в снежной могиле в прямом смысле слова.

Ночью в лесу заметили костры. Посмотрели по карте: эта территория занята гитлеровцами. Послали группу из трех человек разведать, что за люди. Оказалось, наши части заняли уже здесь оборону.

День сорок четвертый — 15 января 1942 года. Минус 20—23.

В три часа ночи нам разрешили подойти к кострам наших войск, а затем направили в штаб дивизии, армии и фронта.

Многие старшие военачальники в штабе фронта не поверили, что возможен был такой рейд. Но у нас были вещественные доказательства: принесли полный вещмешок жетонов, снятых с убитых фашистов, мешок офицерских и солдатских документов, мешок советских и немецких денег, около 300 металлических и золотых наручных, карманных и других часов, вещмешок золотых и серебряных изделий, отобранных у гитлеровских захватчиков. Вот только после этого нам поверили.

Наши потери: погибли четверо отважных разведчиков и четверо были ранены в последнем бою. Смертью храбрых погибли: комиссар отряда Анатолий Ермолаев, начальник разведки отряда коммунист Андрей Казанков, заместитель командира отряда по военной разведке комсомолец старшина Федор Сафонов, командир взвода пиротехников коммунист старшина Федор Кувшинов».

Необходимо сказать, что все погибшие из отряда М. Филоненко впоследствии были похоронены с воинскими почестями в Москве, рядом с Героями Советского Союза В. В. Талалихиным и Л. М. Доватором.

Рейд отряда «Москва» оказался наиболее результативным по сравнению с рейдами других разведывательно-диверсионных отрядов ОМСБОН, совершенными зимой 1941/42 года. Командир отряда старший лейтенант госбезопасности Михаил Филоненко получил из рук генерала армии Г. К. Жукова орден Красного Знамени.

Когда Михаил, раскрасневшийся от гордости и смущения, вышел из кабинета Георгия Жукова, то поймал на себе любопытный взгляд Анны, сидевшей в приемной на большом кожаном диване. Разглядев петлицы на ее гимнастерке, Михаил подумал: «Какая хорошенькая! И работаем мы в одном наркомате. Надо будет поближе с ней познакомиться». Тогда он и не предполагал, что видит перед собой будущую жену.

Еще во время учебы в школе, а затем и в институте преподаватели предсказывали Михаилу Филоненко, что свое истинное призвание он найдет на поприще точных наук. А известные шахматисты не сомневались, что он станет гроссмейстером с мировым именем. Однако судьба распорядилась иначе: после института он пошел во внешнюю разведку органов госбезопасности. Во время войны Михаил, как и Анна, служил в 4-м управлении НКВД, которое, как мы уже отмечали, занималось организацией и проведением разведывательно-диверсионных операций в тылу противника.

В приемной генерала Жукова состоялось первое свидание Михаила Филоненко с Анной Камаевой. Но их дороги тут же разошлись на долгие месяцы. Анна продолжила службу радисткой в одном из партизанских отрядов, действовавшем в Подмоскovie, а Михаила назначили комиссаром в партизанский отряд, который сражался в глубоким тылу врага.

Воевал Михаил на Украине. В оккупированном нацистами Киеве руководил разведывательно-диверсионной группой спецрезидентуры «Олимп» 4-го управления НКВД. Благодаря добытым Михаилом сведениям об обстановке на правом берегу Днепра, командованию Красной Армии удалось подыскать оптимальные участки для форсирования реки нашими частями в ноябре 1943 года.

Михаила хорошо знали в партизанских отрядах Ковпака, Федорова и Медведева. При выполнении диверсионной операции в Польше Михаил был тяжело ранен. Врачам удалось спасти жизнь отважного разведчика, однако он стал инвалидом второй группы. Из военного госпиталя разведчик вышел с тросточкой, с которой уже не расставался всю жизнь.

С Анной он вновь встретился только после войны. А пока она воевала в партизанском отряде. Когда непосредственная угроза захвата Москвы миновала, Анна была отозвана в столицу и стала вновь работать в центральном аппарате 4-го управления НКВД. С июля по декабрь 1942 года девушка училась в Свердловской школе НКВД, а затем была направлена на курсы иностранных языков при Высшей школе НКВД СССР в Москве. Здесь она совершенствовала знания испанского, изучала португальский и чешский языки. Руководство разведки планировало использовать ее на нелегальной работе за рубежом.

В октябре 1944 года Анна была направлена в нелегальную резидентуру в Мексику, где вместе с другими советскими разведчиками готовилась к проведению дерзкой операции по освобождению из тюрьмы Рамона Меркадера, участвовавшего в ликвидации Льва Троцкого и приговоренного мексиканским судом к 20 годам тюремного заключения. Вместе с товарищами по нелегальной резидентуре она разрабатывала план нападения на тюрьму. Однако в последний момент операция была отменена. В 1946 году Анна возвратилась в Москву. (Рамон Меркадер вышел из мексиканской тюрьмы 6 мая 1960 года, 31 мая ему было присвоено звание Героя Советского Союза.)

После войны Анна и Михаил поженились. Вскоре у них родился сын Павлик. Но спокойной семейной жизни у четы Филоненко уже не было...

Руководство решило направить их на учебу в Высшую разведывательную школу (или, как ее еще называли, Школу № 101), готовившую кадры для внешней разведки. В течение трех лет продолжалась напряженная подготовка будущих нелегалов к работе в Латинской Америке.

А затем с октября 1948 по август 1951 года они совершали регулярные поездки в различные страны этого региона под видом иностранных граждан. Одновременно чешскому и испанскому языкам обучался и их малолетний сын Павлик. По решению руководства нелегальной разведки он должен был выехать за рубеж вместе с родителями, чтобы обеспечить подтверждение одного из пунктов специально разработанной для них легенды-биографии.

«Обкатка» разведчиков-нелегалов до их направления в долгосрочную командировку проходила в сложных условиях. Перед переброской в Латинскую Америку они для начала должны были, выдавая себя за «беженцев из Чехословакии», легализоваться в Шанхае, где после войны осело много европейцев. Советско-китайскую границу в ноябре 1951 года супругам Филоненко с четырехлетним сыном пришлось переходить нелегально, через специально подготовленное для них «окно», ночью, в пургу, по пояс в снегу. В то время Анна была беременна. Впрочем, до Харбина, где прошел первый и наиболее опасный этап их легализации, они добрались вполне благополучно. Здесь у них родилась дочь. По легенде «беженцы из Чехословакии» были ревностными католиками, поэтому, в соответствии с традициями Европы, новорожденную окрестили в местном католическом соборе.

Путь в Латинскую Америку занял несколько лет. Из Харбина супруги перебрались в крупнейший портовый и промышленный центр Китая — Шанхай. Здесь с давних пор обосновалась обширная европейская колония, насчитывавшая до миллиона человек. Европейцы проживали в отдельных кварталах, называемых сеттлментами. Эти кварталы пользовались экстерриториальностью и управлялись иностранными консулами — британским, французским, португальским и американским. С победой народной революции в Китае все привилегии иностранцев в этой стране были аннулированы. Начался отток европейцев из материкового Китая. Вместе с ними покинула Китай и семья Филоненко. На календаре был январь 1955 года.

...Накануне отъезда из Москвы в промежуточную командировку, которая должна была стать испытанием прочности их легенды, надежности документов, супругов Филоненко принял министр иностранных дел В. М. Молотов, который в то время одновременно возглавлял и Комитет информации, объединивший под своей крышей военную и политическую разведки.

«Мы, советское руководство, придаем исключительную важность вашей предстоящей миссии», — сказал министр, напутствуя разведчиков, и добавил, что проникновение в высшие правительственные и военные эшелоны власти ряда ведущих латиноамериканских стран должно стать трамплином для организации масштабной агентурно-оперативной работы нелегалов на территории Соединенных Штатов.

Такое напутствие министра не было, разумеется, случайным. После окончания Второй мировой войны пути бывших союзников по антигитлеровской коалиции кардинально разошлись. США, применившие в 1945 году атомную бомбу против уже поверженной Японии, стали считать себя хозяевами мира и открыто готовили ядерную войну против СССР. Курс на военную конфронтацию с СССР был откровенно провозглашен в знаменитой речи отставного премьер-министра Англии У. Черчилля, с которой он выступил в американском городке Фултон 5 марта 1946 года. Запад отгородился от СССР и других стран народной демократии «железным занавесом», ввел ограничения на свободное перемещение дипломатов с Востока, обмен учеными, спортсменами, профсоюзными делегациями.

Кроме того, в результате предательства агента-групповода резидентуры советской разведки в США Элизабет Бентли работа в этой стране в послевоенный период была осложнена. В 1948 году были закрыты советские консульства и другие официальные представительства СССР в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и Нью-Йорке. В сентябре 1950 года в США был принят закон о внутренней безопасности (закон Маккарена—Вуда), по которому срок тюремного заключения за шпионаж в мирное время

был увеличен до десяти лет. Началась «охота на ведьм» — репрессии против тех американцев, кто симпатизировал СССР и левым политическим течениям. В соответствии с законом Маккарена—Вуда десять миллионов американцев — государственных чиновников и сотрудников частных фирм — подверглись проверке на лояльность. В конгрессе США была создана пресловутая комиссия сенатора Маккарти по расследованию антиамериканской деятельности, жертвами которой стали более ста тысяч человек.

Антисоветская истерия еще больше усилилась после того, как 29 августа 1949 года в Советском Союзе было проведено испытание атомной бомбы. Власти США были настолько напуганы наступившим концом своей монополии на это смертоносное оружие, что объявили об этом событии только спустя две недели, инспирировав предварительно специальный запрос журналистов. В результате проведенного расследования ФБР США пришлось к выводу, что американские атомные секреты Советскому Союзу выдал английский ученый-пацифист Клаус Фукс. Он был передан британским властям и осужден на 14 лет тюремного заключения.

В результате предательства Элизабет Бентли советская агентурная сеть в США была разрушена и ее пришлось создавать заново. Для решения этой задачи в конце 1948 года в США прибыл разведчик-нелегал Вильям Фишер, ставший впоследствии известным как Рудольф Абель. Нелегалам Филоненко было поручено работать параллельно с ним в Латинской Америке.

Совершив предварительно из Шанхая несколько поездок в ряд латиноамериканских стран с целью закрепления легенды-биографии и проверки документов, в январе 1955 года разведчики выехали в Бразилию, где Михаилу Ивановичу, выдававшему себя за бизнесмена, предстояло заниматься коммерческой деятельностью. На плечи Анны Федоровны легли заботы по выполнению оперативно-технических задач: обеспечение сохранности секретных документов, «страховка» мужа при его выходах на встречи в городе. Поначалу все вроде бы шло неплохо, однако

первая попытка Михаила стать бизнесменом провалилась. Созданная им коммерческая фирма разорилась: сказала неопытность в делах подобного рода.

Впрочем, для Бразилии того времени это не было чем-то необычным: годы благополучной экономической конъюнктуры сменились годами затяжной депрессии. Ежедневно в стране разорялось несколько десятков больших и малых компаний. «Было время, когда не на что было жить, опускались руки, казалось, что лучше все бросить, — вспоминала позже Анна Федоровна. — Чтобы не впасть в отчаяние, мы собирали волю в кулак и продолжали трудиться, хотя на душе было тяжело и тоскливо». Но даже первый печальный опыт предпринимательства принес разведчикам пользу. Михаилу несколько раз удалось удачно сыграть на бирже, заработанных денег с лихвой хватило, чтобы открыть новую фирму и начать коммерческую деятельность с чистого листа. Постепенно бизнес Михаила стал приносить ощутимые дивиденды, и коммерческие дела резко пошли в гору.

Через год Михаил уже завоевал репутацию серьезного и преуспевающего бизнесмена, которого принимали в самых влиятельных домах Аргентины, Парагвая, Мексики, Бразилии, Уругвая, Колумбии, Чили. Он часто ездил по континенту, заводил связи среди крупных чиновников, представителей военной и аристократической элиты, в деловых кругах Латинской Америки.

Когда легализация в Новом Свете закончилась, супруги Филоненко приступили к выполнению разведывательных заданий Центра. Главной задачей разведчиков было выявление реальных планов США в отношении нашей страны, особенно — военно-политических. В Латинской Америке получить такую информацию было легче, чем в самих Соединенных Штатах: Вашингтон делился с партнерами из Западного полушария своими планами, имея в виду их возможное использование в будущей войне против СССР.

А сейчас вернемся на десять лет назад. 4 сентября 1945 года, когда Вторая мировая война еще продолжалась на Дальнем Востоке, Объединенный разведывательный

комитет Объединенного комитета начальников штабов США составил меморандум для президента Г. Трумэна, в котором в предполагаемой войне против СССР намечалось двадцать целей для нанесения атомных ударов. Этот план не был реализован, поскольку тогда Соединенные Штаты к крупномасштабной войне против нашей страны еще не были готовы. В 1946 году разрабатывается новый план, получивший кодовое наименование «Пинчер». В 1947 году его заменил уточненный план «Бройлер». А в 1948 году на свет появилась сразу целая серия планов войны против СССР: «Габбер», «Эразер», «Даблстар», «Лафмин», «Интермеццо», «Флитвуд», «Сиззл». Следующий, 1949 год ознаменовался принятием новых планов тотального уничтожения нашей страны: «Дропшот» и «Офф-тэкл». Так Вашингтон реагировал на появление атомного оружия в СССР. Планам ядерного нападения США на СССР и страны народной демократии специально давались бессмысленные наименования, дабы «вести противника в заблуждение». И каждый план, каждая разработка сценария мировой катастрофы увеличивали число целей для ядерных бомбардировок. Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что мир был спасен от ядерной катастрофы только потому, что СССР, еще не оправившись от страшных разрушений войны, смог мобилизовать все свои силы и создать собственное атомное оружие, а в 1970-е годы — достичь ядерного паритета с США.

Благодаря связям разведчиков-нелегалов среди латиноамериканской аристократии, планы ядерных атак на СССР были получены Москвой.

Важное место в деятельности супругов Филоненко занимало также освещение политики США и их западных союзников на международной арене. Накануне каждой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций на стол советской делегации ложились документы, содержавшие подробную информацию о позиции основных стран Запада. И советское руководство несколько раз делало удачные ходы на заседаниях Генассамблеи благодаря информации, которую добывали разведчики-нелегалы.

Филоненко подготовили несколько агентов для длительного оседания в США и с помощью Центра обеспечили им надежное документальное прикрытие.

Анна Федоровна была надежным другом и помощницей мужа. Во время частого осложнения обстановки в стране, в которой военные перевороты не были редкостью, она проявляла выдержку и самообладание. Этому способствовало и прочное положение нелегалов на континенте. Михаилу Ивановичу удалось проникнуть в окружение президента Бразилии Жуселино Кубичека де Оливейро, завязать знакомства со многими министрами правительства страны, которых он часто приглашал на обеды к себе на виллу.

Михаил подружился даже с парагвайским диктатором Альфредо Стресснером, наводнившим свою страну бывшими гитлеровцами. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрелкового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел в стрелковом клубе, как метко стреляет из винтовок и пистолетов элегантный коммерсант, и пришел в неопишуемый восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться вместе на крокодилов. В беседах с разведчиком «дядюшка Альфредо» был предельно откровенен. Подобной «честью» удостаивались лишь избранные.

Шли годы. В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов регулярно поступала важная политическая информация. Обстановка вокруг разведчиков была спокойной. Вскоре в семье родился еще один ребенок — сын Ванечка.

Но конечно, не всегда все шло гладко. Будучи уже в Москве, разведчики вспоминали такой случай. На помощь супругам, воспитывавшим троих детей, Центр решил прислать молодого сотрудника. Встреча с ним состоялась в небольшом ресторанчике. Не успев еще сообщить Михаилу Ивановичу указания Центра, этот работник принялся активно поглощать горячительные напитки, затем заказал оркестру популярную танцевальную мелодию и, подпевая, стал отплясывать на танцевальной площадке, привлекая внимание окружающих.

Такое поведение недопустимо для нелегального работника. По легенде Михаил Иванович должен был познакомиться в ресторане с молодым перспективным бизнесменом и установить с ним в дальнейшем партнерские отношения. Видя, что поведение посланца Центра выходит за все установленные для разведки рамки и грозит расшифровкой, Михаил Иванович поспешил доставить парня в гостиницу, в которой тот остановился, и направил в Центр телеграмму с просьбой срочно отозвать гуляку в Москву.

Между тем работать становилось все сложнее. В 1957 году в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер (назвавшийся при аресте Рудольфом Абелем), параллельно с которым работали супруги Филоненко. Чтобы избежать их расшифровку и сохранить созданную ими агентурную сеть, имевшую выходы на США, Центр принял решение изменить условия связи с разведчиками-нелегалами. Любые контакты с ними через тайники и связных были прекращены. Связь с Центром поддерживалась теперь только по радио. Разведчикам передали новейшую коротковолновую быстродействующую радиостанцию, «выстреливавшую» сообщение в эфир сжатым «пакетом», за несколько секунд. Анне Федоровне пришлось вспомнить свою военную специальность радистки.

В те годы спутниковой связи еще не существовало. Поэтому в составе советской китобойной флотилии, ведущей промысел в водах Антарктики, под видом китобойного судна находился специальный корабль. Его мощный узел связи использовался в качестве усилителя и ретранслятора радиосигналов, поступающих от нелегалов. Это были годы «холодной войны», и информация, передаваемая разведчиками, носила тревожный характер: в Вашингтоне всюду гремели военные барабаны.

В жизни разведчиков-нелегалов были и драматические моменты. Однажды Михаил Иванович отправился в деловую поездку по континенту. Вскоре по радио сооб-

шили, что самолет, на котором он должен был лететь, потерпел катастрофу. Можно представить себе состояние Анны Федоровны, когда до нее дошел смысл этого сообщения: вдова нелегала с тремя малолетними детьми на руках в чужой стране! К счастью, Михаил Иванович опоздал на злополучный рейс: до вылета самолета он проводил важную встречу со своим источником информации и задержался.

Постоянные стрессовые ситуации, которых у разведчиков было немало, сказались на здоровье Михаила Филоненко. В начале 1960 года он перенес обширный инфаркт и работать с прежней нагрузкой уже не мог. В июле того же года Центр принял решение отозвать супругов-нелегалов на Родину. Домой они ехали с целым чемоданом денег. Это были партийные взносы, которые они аккуратно откладывали за границей, чтобы сдать в партийную кассу по возвращении в Москву. Агентурная сеть, созданная их усилиями, была передана на связь другому сотруднику нелегальной разведки и продолжала действовать еще много лет.

Путь на Родину занял много времени. Супруги с детьми переезжали из одной страны в другую, чтобы скрыть от контрразведки противника свой истинный маршрут. Наконец они добрались до Европы, а оттуда — на поезде пересекли советскую границу. Они не могли скрыть слез радости и запели: «Широка страна моя родная...» А дети с изумлением слушали незнакомую им русскую речь. Ведь двое из них родились на чужбине и никогда не слышали иного языка, кроме португальского, чешского или испанского. В этот момент они, наверное, подумали, что их родители сошли с ума. Тогда старший сын Павел закричал: «Я все понял! Ведь вы — русские шпионы!» Видимо, в его памяти отложилось, как в не столь далеком 1951 году он с родителями пересекал китайскую границу, бредя по пояс в снегу. Впоследствии дети долго привыкали к новому дому, русскому языку и даже к своей настоящей фамилии.

Уехав на нелегальную работу еще из сталинской империи, супруги Филоненко вернулись в совсем иную эпо-

ху. Они уходили на задание сотрудниками НКВД СССР, а приехали назад сотрудниками КГБ.

После лечения и отдыха разведчики вернулись в строй. Их заслуги были отмечены высокими наградами Родины. Полковник Михаил Иванович Филоненко стал заместителем начальника отдела в Управлении нелегальной разведки. В этом же отделе трудилась и Анна Федорова, майор госбезопасности.

За годы работы в разведке Анна Филоненко была удостоена ордена Красной Звезды, награждена двумя медалями «За боевые заслуги», многими другими наградами, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности». Ее деятельность в годы войны была также отмечена несколькими орденами и медалями.

В 1963 году супруги Филоненко вышли в отставку.

В начале 70-х годов режиссер Татьяна Лиознова приступила к съемкам знаменитого телесериала «Семнадцать мгновений весны». Для съемок требовались опытные консультанты. Руководство тогдашнего КГБ выделило ей в помощь Анну и Михаила. Иногда Татьяна Лиознова, замороженная историями нелегалов, засиживалась у них дома далеко за полночь. Ее интересовали переживания разведчиков, психология западного обывателя, малейшие детали быта. Так что многие эпизоды этого замечательного фильма были подсказаны супругами Филоненко. Например, сюжет с рождением ребенка. Правда, Анна, в отличие от радистки Кэт, рожая дочь в Харбине, по-русски все же не кричала. Режиссер ввела этот эпизод для усиления драматичности сюжета.

С нелегалами подружился и Вячеслав Тихонов, сыгравший в телесериале роль полковника Штирлица. Эта дружба продолжалась вплоть до кончины разведчиков. Хотя прототипами Штирлица были известный предвоенный агент внешней разведки Вилли Леман, он же «Брайтенбах», Александр Коротков и ряд других сотрудников внешней разведки, артист, создавший убедительный об-

раз советского разведчика, многое позаимствовал у Михаила Ивановича.

Завеса тайны окутывала разведчиков-нелегалов Филоненко до самого конца их жизни. Михаил Иванович ушел из жизни в 1982-м, еще во времена советской супердержавы. А вот Анна Федоровна, ставшая прототипом радистки Кэт, пережила мужа на шестнадцать лет, увидела гибель СССР и все «прелести» 1990-х годов. Она скончалась 18 июня 1998 года.

Но подвиг семьи Филоненко не будет забыт. Пока есть Россия — будет жить и ее разведка. Приходят новые поколения офицеров тайных служб, и пример легендарных нелегалов становится для них путеводной звездой. Богатый опыт советских разведчиков будет служить им еще очень долго.

После смерти супругов Филоненко Служба внешней разведки рассекретила их имена. В российской прессе появились публикации, раскрывающие некоторые эпизоды их боевой биографии. Однако о многих конкретных делах этих сотрудников внешней разведки рассказывать время пока еще не пришло.

НЕЛЕГАЛ ЖАННА

В один из морозных зимних дней начала 1970-х годов в московском аэропорту Шереметьево приземлился самолет иностранной авиакомпании. Ничем не выделявшуюся среди прилетевших среднего возраста супружескую пару встречал сдержанный молодой человек. Обменявшись приветствиями и рукопожатиями, они сели в автомобиль, и черная «Волга» с пассажирами понеслась к столице. Объятия и поцелуи, улыбки и дружеское застолье ждали их впереди. После 15 лет работы в особых условиях за границей в Центр возвратились разведчики-нелегалы супруги Михаил и Галина Федоровы.

Все началось со встречи Галины и Михаила в уже далеком 1947 году. Но сначала расскажем немного о жизненном пути каждого из наших героев до этого знаменательного момента.

Михаил Владимирович Федоров родился 1 января 1916 года в городе Колпино под Петроградом в семье питерского рабочего. Отец его трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, а мать занималась домашним хозяйством. В 1922 году, когда отец вернулся со службы в Красной Армии, семья переехала на жительство в город Ямбург, переименованный вскоре в Кингисепп.

В Кингисеппе прошли детские и юношеские годы Михаила. В школе он увлекался спортом и в 1935 году, после окончания десятилетки, поступил на учебу в Ленинградский институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта.

По окончании института 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Михаил был зачислен на службу в 5-е управление РККА, как в то время называлась советская военная разведка. А уже в начале октября того же года направлен для прохождения разведывательной подготовки в индивидуальном порядке в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа в город Белосток. Подготовка включала в себя изучение двух иностранных языков, радио- и фотодела, шифров. Заниматься приходилось ежедневно, с утра до позднего вечера, практически без выходных. Программа подготовки была рассчитана на восемнадцать месяцев. Планировалось, что в конце июня 1941 года он должен был нелегально уйти в Польшу, а затем, обзаведясь там польскими документами, попытаться осесть в Германии. Однако планам руководства не суждено было реализоваться. Когда подготовка разведчика была практически завершена, началась Великая Отечественная война.

Застигнутый вторжением немецких войск в Белостоке, Михаил вместе с другими сотрудниками разведотделения выходил из окружения, прорывался к своим...

В конце июля 1941 года Михаил был направлен в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня.

В качестве заместителя командира группы разведчиков он до декабря 1941 года находился за линией фронта — в Великих Луках и Невеле. Члены группы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей Родины.

В начале сентября 1942 года Михаил в составе разведывательно-диверсионного отряда специального назначения был выброшен на парашюте в районе города Барановичи Брестской области. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды.

В общей сложности в тылу врага Михаил Федоров провел более 27 месяцев. Научился ориентироваться в сложной обстановке, в совершенстве овладел радиоделом, приобрел навыки конспирации, усовершенствовал

немецкий и польский языки. Опыт военных лет очень помог ему в последующей разведывательной работе.

После возвращения в Москву из-за линии фронта в августе 1944 года М. Федоров был откомандирован в распоряжение Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Он прошел необходимую подготовку и в августе 1945 года был направлен на нелегальную работу в Англию. Работал там в дипломатическом представительстве одной из зарубежных стран. Передавал в Центр важную информацию военно-политического характера.

Однако спустя полтора года из-за нелепой случайности разведчику пришлось прекратить командировку. А произошло вот что. В один из дней Михаил шел по коридору учреждения, в котором работал, и вдруг увидел свою знакомую — бывшую преподавательницу из Белостока, у которой брал уроки иностранного языка. Непосредственного контакта удалось избежать, однако Михаил не был уверен, что женщина его не заметила. На другой день он выяснил, что преподавательница находилась в Англии в командировке и посетила посольство по своим личным делам. В Москву ушла радиограмма о случившемся. Центр решил не рисковать разведчиком...

Уже будучи в Москве, в середине 1947 года М. Федоров переводится из военной разведки на работу в Комитет информации при Совете Министров СССР (так в то время называлась внешняя разведка госбезопасности) и начинает напряженно готовиться к выполнению нового задания за границей. Но в планы подготовки вновь вмешался случай.

Галина Ивановна Маркина (в замужестве — Федорова) родилась 17 февраля 1920 года в городе Саратове, в рабочей семье. Отец был электромонтером-самоучкой. Позднее, после прохождения профессиональной подготовки, он получил должность директора мельницы, где работала и мать Галины. Сразу после революции вступил в партию большевиков. Последние годы жизни находился на партийной работе.

После смерти отца в 1932 году матери стало очень трудно воспитывать четверых детей: старшей сестре Гали было в то время четырнадцать лет, младшим братьям — менее десяти.

С двенадцати лет Галина воспитывалась у тети — сестры отца, которая проживала в Москве. В 1937 году девушка окончила школу-десятилетку. Стала работать на технической должности в Наркомфине СССР и одновременно учиться на вечернем факультете Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола Галина пришла в органы государственной безопасности. Вначале работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий.

В годы Великой Отечественной войны Галина находилась в распоряжении Группы особого назначения 4-го главного управления НКВД, занимавшейся подготовкой кадров для работы в подполье в тылу врага. Во время войны ей приходилось выполнять тяжелые и ответственные задания. Довелось также и ухаживать за ранеными бойцами в подшефном военном госпитале, который в ту пору находился на 3-й Мещанской улице. Ночные дежурства, подмена санитарок, чтение газет и личных писем раненым — все это в выкраиваемые часы от основной работы, за счет отдыха. Война закалила Галину как будущего нелегального разведчика.

В 1946 году Галина окончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности СССР. Ей предложили перейти на работу во внешнюю разведку, в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций. Беседовал с ней начальник нелегальной разведки полковник Александр Михайлович Коротков.

Рассказывает Галина Ивановна:

«С необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки. Из-за большого стола в глубине кабинета

энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом, с доброжелательностью и знанием дела. Крепко пожав мою руку, он представил меня находившемуся в кабинете сотруднику. Втроем разместились за маленьким столиком, стоявшим перпендикулярно к большому.

Беседа была обстоятельной и очень дружелюбной. На меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор.

После беседы, когда вопрос в принципе был решен, Александр Михайлович пошутил:

— Глядя на нее, никто не подумает, что она может заниматься разведкой.

Это был камушек в мой огород. Причиной, видимо, являлся мой невысокий рост, неброский, скромный внешний вид».

Что привело молодую девушку в разведку? Об этом Галина Ивановна рассказывает в своих воспоминаниях:

«Мое представление о такого рода деятельности, как и у многих, было весьма скудным. Слышала, что туда отбирают особо способных сотрудников, что подготовка длится очень долго, что сама работа растягивается на годы и годы. Кроме того, требуется глубокое знание иностранных языков. Тут я имела плюс: языки мне давались легко, я много читала, переводила даже просто так, для себя. Ну и, конечно, волновало, подойду ли для такой службы? По-

сле обстоятельной и очень дружелюбной беседы с начальником нелегальной разведки полковником Александром Михайловичем Коротковым вопрос был решен.

На работу в разведку я пошла сознательно, с полным пониманием значения этой службы для государства и той ответственности, которую приняла на себя. Ни в то время, ни в последующем у меня не возникало ни малейших колебаний или запоздалых сомнений в правильности избранного в молодости пути. Я счастлива от того, что разведка стала делом всей моей жизни.

Вскоре произошли приятные изменения в личном плане. Как подарок судьбы появился он — Михаил. Сильный, добрый, чуткий, верный и надежный друг. С первых дней знакомства возникло ощущение, как будто мы знали друг друга сотню лет...»

Молодые люди решили пожениться, а сотрудники Центра... вынуждены были изменить планы подготовки Михаила и начали разрабатывать вариант их совместной поездки на нелегальную разведывательную работу.

Среди сотрудников внешней разведки выражение «нелегалами не рождаются, ими становятся» воспринимается как истина, не требующая доказательств. Просто в какой-то момент разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, профессиональной ориентацией и необходимым жизненным опытом для того, чтобы направить его на работу в конкретный регион земного шара. Для Федоровых таким регионом была Австралия.

Перед Сепом и Жанной (такими были оперативные псевдонимы Михаила и Галины Федоровых) была поставлена задача прочно обосноваться в Австралии, найти подходящую работу и закрепиться там на «постоян-

ное» жительство. Начался напряженный период подготовки к выезду за кордон: разведчики вживались в свои новые биографии, изучали шифры, тайнопись, радиodelo, совершенствовались иностранные языки. И когда все уже было готово, планы вновь изменились. Один из сотрудников резидентуры внешней разведки в Австралии, который мог знать Сепу, перешел на сторону американцев...

Сепу и Жанну направили в промежуточную страну — Польшу. На акклиматизацию в ней им отводилось полгода. Предстояло не только вжиться в образ поляков, но и понять их психологию, изучить историю и географию Польши, современное польское искусство, культуру, узнать новинки кино и литературы, посмотреть крупные костелы, магазины, почерпнуть из народной лексики шутки, прибаутки и анекдоты.

Ровно через шесть месяцев в Варшаву прибыл представитель Центра и сообщил новое задание: выехать на нелегальную работу в одну из стран Западной Европы, на территории которой находились важные объекты Североатлантического блока НАТО. Сепу и Жанне предстояло создать в этой стране региональный пункт нелегальной связи с Москвой, который в случае военных действий против Советского Союза должен перейти на боевой режим работы.

Глубокое оседание... Сейчас, по прошествии многих лет, можно сказать, что длительное пребывание разведчиков-нелегалов за границей было успешным и прошло практически без проблем благодаря их высокому профессионализму. Но тогда, в середине 1950-х, все только начиналось, и перед Сепом и Жанной простиралась неизвестность. Им практически пришлось начинать жизнь с нуля.

В страну они приехали якобы после долгих лет эмиграции. Война оставила их без родных и близких. На первых порах Сеп работал слесарем в автомастерской, Жанна — секретарем на одной из местных фирм.

Пришлось разведчикам выдержать и серьезный длительный интерес со стороны местных спецслужб. Дело

заклучалось в том, что местные власти и их спецслужбы с недоверием относились к репатриантам из социалистической Польши. И супругов взяли в проверочную разработку. Местная контрразведка подводила к разведчикам своих осведомителей из числа их знакомых, организовывала внезапные посещения их дома под надуманными предложениями,ставляла за ними наружное наблюдение. Одному из наиболее острых приемов проверки — «с русским текстом» — подверглась Жанна, когда один из ее знакомых подsunул ей записку, написанную по-русски. Жанна хладнокровно реагировала на эту провокацию: повертела листок, выразив полное равнодушие и недоумение.

По каждому факту маневров контрразведки нелегалы подробно информировали Центр. Напряжение нарастало. В Москве возникла обоснованная тревога за судьбу разведчиков, следствием которой явилась телеграмма:

«С учетом интенсивности работы спецслужб, продолжительности проводимых мероприятий и принимая во внимание сложную агентурно-оперативную обстановку в стране, полагаем целесообразным рассмотреть возможность вашего возвращения на родину. Оперативные связи просим законсервировать. Рекомендую маршрут следования...»

В связи с этой телеграммой было бы интересно привести небольшой отрывок из воспоминаний генерала В. Г. Павлова, бывшего в то время одним из руководителей советской нелегальной разведки:

«Будучи к этому времени заместителем начальника нелегальной службы, я подробно обсуждал проблему безопасности созданной резидентуры региональной связи и с руководством отдела связи. Первоначальный проект указания содержал категорическое предписание выезжать нелегалам домой, так как создавалась реальная угроза их ареста. Но я знал,

что Сеп уже прошел хорошую школу нелегальной работы в Англии, был опытным партизаном и разведчиком во время войны и, очевидно, был способен сам определить, когда возникнет срочная необходимость их исчезновения из страны. Поэтому, докладывая начальнику службы, предложил смягчить указание, сохраняя возможность иного решения. С моим мнением Александр Михайлович Коротков согласился, тем более что он лично знал и Сепу, и Жанну и сохранил о них самое положительное мнение. Он разделил мое доверие к Сепу и мою уверенность в выдержке Жанны».

По сути дела, окончательное решение — продолжить или прервать работу с нелегальных позиций — было передано на усмотрение разведчиков, которые лучше, чем Центр, чувствовали обстановку вокруг себя. И они приняли решение:

«Реально оценив обстановку как в стране, так и вокруг нас, докладываем, что легализация в принципе прошла успешно, положение на работе в известной вам фирме прочное. Проявленное со стороны спецслужб внимание считаем профилактическим, вызванным общим нагнетанием кампании шпиономании. В связи с этим считаем возможным продолжить наше пребывание здесь для решения поставленных задач. Просим вашего согласия».

Тщательно изучив ситуацию, Центр дал согласие на продолжение работы. Кончился период, когда местные спецслужбы более трех лет держали разведчиков «под колпаком». Навязанный им контрразведкой серьезный профессиональный экзамен был успешно выдержан. «В Москве было однозначно определено, — отмечает в своих воспоминаниях В. Г. Павлов, — что Сеп и Жанна

своей выдержкой, правильным поведением и реакцией на мероприятия спецслужб рассеяли их подозрения и, проявив тонкое понимание замыслов, переиграли спецслужбы. Было констатировано, что теперь ничто не мешало выполнению основного задания». И в последующие десять лет разведчики результативно проводили самые сложные операции, не чувствуя за спиной азартного дыхания контрразведки.

Переиграв контрразведку, Сеп и Жанна продолжили упорно вживаться в окружающую среду, привыкали ко всему и приспосабливались к новой жизни. Первые оперативные задания, которые Центр поставил перед резидентурой, касались розыска в европейских странах агентов внешней разведки, связь с которыми прервалась с началом войны. Разведчикам пришлось совершить многочисленные поездки по странам Европы. В первую очередь это касалось Испании и Португалии, где советская внешняя разведка не располагала в то время какими-либо позициями.

Рассказывает Жанна:

«В жизни разведчика, находящегося в зарубежной командировке, как в калейдоскопе одно событие сменяется другим, успехи чередуются с неудачами, радости с огорчениями. Увы, постоянной остается лишь опасность, подстерегающая его на каждом шагу. Отличительная черта разведчика-нелегала — жесткий самоконтроль, час за часом, день за днем, бодрствует он или спит. Малейшая ошибка или опрометчивый шаг могут обернуться непоправимыми последствиями. И еще, что отличает разведчика, — это почти нечеловеческая выдержка и невероятное долготерпение».

Прошло достаточно времени, прежде чем разведчики стали владельцами собственной фирмы, приобрели небольшую виллу, удобную для осуществления радиосвязи с Москвой. Денежные суммы, которые были им ассигно-

ваны Центром и которые они задекларировали в местных финансовых органах, позволяли поддерживать репутацию состоятельных людей. Вскоре удалось установить и опробовать линию радиосвязи с Центром. Можно было приступать к выполнению конкретных оперативных заданий.

За долгие годы нелегальной работы Сепу и Жанне удалось многое сделать. Они обеспечивали бесперебойную связь с Москвой, подбирали места для тайников и проводили операции по закладке и изъятию материалов, изучали людей и осуществляли вербовочные мероприятия, занимались восстановлением связи с агентурой в различных странах Западной Европы, осуществляли сбор информации по широкому спектру проблем, проводили встречи с ценной агентурой и передавали информацию от нее в Центр. Приведем некоторые цифры, свидетельствующие о напряженном ритме работы разведчиков: проведено более 300 конспиративных встреч, состоялось более 200 радиосеансов с Москвой, по другим каналам в Центр передано более 400 важных секретных материалов.

Проходившая через руки разведчиков информация в основном касалась различных сторон деятельности Североатлантического блока, в частности его военной организации, штаб-квартира которой размещалась в небольшом бельгийском городке Монсе близ юго-западной границы с Францией. В те годы это была исключительно важная военно-политическая проблема, непосредственно связанная с безопасностью нашей страны.

В Монсе разрабатывались планы превентивного использования ядерного оружия против СССР, определялись способы его доставки к конкретным целям на советской территории, проводились штабные войсковые учения НАТО с максимальной приближенностью к боевой обстановке. Сеп и Жанна своевременно информировали Центр об оперативных планах натовских генералов.

В начале 1959 года разведчики приняли на связь исключительно ценного источника — высокопоставленного сотрудника НАТО (назовем его «Бриг»). От «Брига» регулярно поступала важная информация о создании, перево-

оружии и модернизации бундесвера ФРГ, документы Комитета планирования НАТО о задачах отдельных воинских соединений, их боевой оснащённости, о системе управления войсками, их стратегии и тактике, а также по другим военным вопросам, связанным с наступательными действиями этого блока в Европе.

В информационном потоке немало места занимали подробнейшие сведения на лиц из числа руководящего состава различных натовских структур. Именно от «Брига» впервые поступила исключительно ценная информация о создании в рамках блока разведывательных и контрразведывательных подразделений, входящих в самостоятельную спецслужбу, автономную от соответствующих национальных структур и имеющую наднациональный статус.

Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН источник передавал конфиденциальную информацию о предстоящей позиции ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня. Вполне понятно, что эти сведения являлись весьма полезными для советских делегаций, выезжавших в Нью-Йорк.

Исключительно важная информация поступала от «Брига» и во время Карибского кризиса, когда между СССР и США сложились исключительно напряжённые отношения. Оперативная работа резидентуры Сепы и Жанны в этот период была поставлена «на военные рельсы»:

«По данным военного командования НАТО (источник «Бриг»), Белый дом располагает разведывательной информацией о строительстве на Кубе 24 стартовых площадок для ракет малого и 16 — среднего радиуса действия, из числа последнего типа 42 ракеты находятся на острове. По оценке Пентагона и ЦРУ, личный состав советских специалистов насчитывает 5000 человек. Конечное число ракет, намеченных к развертыванию, определяется в 64 единицы».

«Бриг» информировал, что в США подняты по тревоге 40 тысяч военных моряков, а также 5 тысяч военнослужащих, находившихся на военной базе Гуантанамо, что приведены в повышенную боевую готовность 82-я сухопутная и 101-я военно-воздушная дивизии, мобилизованы 14 тысяч резервистов, что общая численность войск, развернутых во Флориде для броска на Кубу, приблизилась к 100 тысячам человек. Вся эта информация немедленно передавалась в Центр. И в том, что в конечном итоге победил здравый смысл, была, безусловно, заслуга и «Брига», и нашей резидентуры.

...Вокруг разведчиков-нелегалов нередко возникают различные, как говорят космонавты, «нештатные ситуации», предусмотреть которые заранее просто невозможно. Они могут случиться и в ходе проведения разведывательной операции, и во время невинной прогулки, и в связи со случайным совпадением каких-то факторов.

Умение хладнокровно взвесить степень реальной угрозы, как для себя лично, так и для дела в целом, и в зависимости от этого действовать по обстановке является показателем уровня подготовки разведчика, его профессионализма.

Рассказывает Жанна:

«Понятно, что русский разведчик-нелегал, находящийся на работе за границей, во всех случаях тамошней жизни должен использовать только иностранный, местный язык, на нем он должен и думать. Это аксиома, проверить которую мне пришлось на себе.

Однажды у меня неожиданно появилась боль в правом боку. Врач поставил диагноз — воспаление аппендикса и настаивал на немедленной операции, которая должна проходить под общим наркозом. Как быть? Проблема не в хирургическом вмешательстве — врачи там опытные, сколько в моем возможном поведе-

нии при выходе из наркоза: не заговорю ли я в полузабытии на русском языке? Всеми силами внушала, убеждала себя, что мой мозг уже полностью перестроился, мыслю я на местном языке.

Наступил назначенный день, меня повезли в операционную... Просыпаться я стала от легких хлопков медсестры по щекам, и первое, что произнесла, находясь еще в полубессознательном состоянии: «Где мои очки? Без них я плохо вижу». Медсестра подала мне очки и тепло улыбнулась. Значит, я действительно говорила как положено».

...Из аэропорта Шереметьево разведчиков привезли на «промежуточную» квартиру. За празднично накрытым столом подняли бокалы шампанского за благополучное возвращение. Во время оживленной беседы один из товарищей в шутку спросил:

— Чего бы вам сейчас больше всего хотелось?

Немного подумав, Михаил воскликнул:

— Мне бы хотелось прежде всего попариться в московских «Сандунах»!

Все весело рассмеялись.

— А я бы хотела позвонить тете, которая меня с детства воспитывала, и порадовать ее своим возвращением, — с трудом подбирая слова, произнесла Галина.

Однако таким простым желаниям разведчиков суждено было осуществиться значительно позже. Около двух недель им пришлось гулять по Москве, прислушиваясь к живой речи москвичей и обретая утерянные навыки разговора на подзабытом ими русском языке.

Наш рассказ о жизни и работе пары разведчиков-нелегалов был бы неполным, если бы мы опустили очень важный и, несомненно, многих интересующий вопрос о создании семьи в период длительного пребывания в стране назначения. Ведь разведчики работают за рубежом в лучшие, молодые годы своей жизни, именно тогда, когда обычно в семье появляются дети.

Рассказывает Галина Федорова:

«Этот вопрос стоял перед нами практически постоянно в нашу бытность за границей. В принципе Центр не возражает против того, чтобы нелегалы обзаводились детьми, и мы знаем случаи, когда разведчики возвращались из заграничной командировки домой, имея даже двоих детей. Однако в своем сознании мы не могли объединить в одно целое два понятия: с одной стороны, нашу работу, ради которой мы прибыли в страну назначения, с другой — рождение детей, наличие и воспитание которых несомненно создали бы нам множество дополнительных разноплановых трудностей, что сильно ограничило бы нашу оперативную деятельность. Кроме того, возникал определенный риск в соблюдении конспирации. Ведь дети известные «почемучки». Мы прекрасно понимали позитивную сторону наличия детей: в глазах западного окружения создается положительный образ семьи и тем самым снижается уровень подозрительности. И все же в своих рассуждениях мы поставили на первое место чувство долга, стремление быть максимально полезными и поэтому всецело отдавались порученному делу, своей нервной и напряженной работе. Желание принести большую пользу Родине всегда брало верх, поэтому создание полноценной семьи отложили до возвращения домой. Однако судьба распорядилась иначе: мы вернулись в возрасте, в котором обычно воспитывают уже внуков».

После возвращения из командировки служба Галины и Михаила Федоровых в разведке продолжилась. Когда возникала необходимость, они выезжали за рубеж для решения конкретных разведывательных задач. В общей

сложности разведчики пробыли за кордоном около четверти века.

Заслуги перед Родиной почетного сотрудника госбезопасности полковника Михаила Владимировича Федорова отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Дружбы народов, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, в том числе — медалью «За отвагу», нагрудным знаком «За службу в разведке».

Почетный сотрудник госбезопасности полковник Галина Ивановна Федорова награждена орденами Отечественной войны и Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «За службу в разведке».

Наступило время, и Федоровы по возрасту — Михаил Владимирович в 66 лет, а Галина Ивановна в 55 лет — вышли в отставку.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«При оформлении пенсии в районном сбербанке служащая, просматривая дело Галины, вдруг нахмурила брови и с сожалением произнесла:

— Вот неудача! В данные вашей выслуги лет вкралась ошибка. К сожалению, я должна вернуть дело в пенсионный отдел для внесения поправки. А вам придется зайти к нам еще раз.

— И что же это за ошибка? — поинтересовалась Галина.

— Видите ли, в графе «выслуга лет» указано 50 лет. Так не может быть, ибо самой пенсионерке всего лишь 55 лет, — ответила она.

— Почему не может быть, — возразила Галина и тут же добавила: — Я очень долго работала... в Магадане, а там рабочий стаж считается год за два. Вот и набралось столько лет (по существующему во внешней разведке положению, год пребывания разведчика на нелегальной работе за границей засчитывается в выслугу лет за два года. — *Примеч. авт.*).

Служащая оставалась некоторое время в нерешительности. Затем после раздумья попросила Галину подождать, а сама ушла куда-то проконсультироваться. Отсутствовала довольно долго. Возвратившись, извинилась за задержку и должным образом оформила пенсионные документы».

Уйдя на заслуженный отдых, Федоровы не порвали связи со Службой: они вели большую общественную работу, занимались с молодежью, приходящей в разведку на смену ветеранам, делились своим бесценным опытом работы в нелегальных условиях, помогали молодым сотрудникам осваивать «технология» нелегкой профессии разведчика.

В апреле 2004 года Михаила Владимировича Федорова не стало.

Разведчики-нелегалы Федоровы написали две интереснейшие книги: «Будни разведки» (1994 г.) и «Вся жизнь конспирация. История семьи нелегалов» (2002 г.), в которых рассказали о своей деятельности за рубежом.

ВЛЮБЛЕННАЯ В ИТАЛИЮ

Она была страстно влюблена в Италию, в Рим, во все, что было связано с этой страной. Коллекционировала репродукции картин итальянских художников, пластинки с записями произведений итальянских композиторов. Усиленно постигала итальянский язык, чтобы в подлиннике читать произведения великих Петрарки и Данте.

Студентка Московского института иностранных языков красавица Лена Чебурашкина мечтала посвятить Италии всю свою жизнь. Но в послевоенные годы эта страна продолжала оставаться для Советского Союза противником, хотя и побежденным. Неожиданно для Лены ее почти несбыточная мечта стала реальностью.

Выдержка из личного дела оперработника:

«Чебурашкина Елена Николаевна, сотрудник МИД СССР, она же — оперативный работник внешней разведки КГБ СССР Надежда.

Год рождения — 1927.

Образование: Институт иностранных языков и Высшие курсы КГБ СССР. Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Воинское звание — подполковник.

Более 15 лет выполняла задания особой государственной важности в Италии».

Елена родилась 15 апреля 1927 года в семье бывшего чекиста. Ее отец Николай Игнатьевич Чебурашкин был

большевиком с дореволюционным стажем, вступившим в партию в 16 лет. Принимал активное участие в революционном движении в Москве: во время московского восстания его отряд брал городскую почту. Уже в 19 лет являлся сотрудником по особым поручениям при Ф. Э. Дзержинском. Проработав в органах госбезопасности с десятков лет, он попросился на учебу и был направлен в Промакадемию. Видимо, это впоследствии и спасло ему жизнь: в 1937—1938 годах большинство его коллег по бывшей работе и соседей по «чекистскому» дому на улице Мархлевского были арестованы и расстреляны. После завершения учебы в Промакадемии Н. И. Чебурашкин находился на руководящих должностях в советской промышленности.

Окончив среднюю школу, Елена поступила в Московский институт иностранных языков. Училась она блестяще, в совершенстве овладела тремя иностранными языками. В 1949 году, получив диплом с отличием, намеревалась продолжить обучение в аспирантуре. Однако ее пригласили на Лубянку и сказали, что очень нуждаются в ее знаниях. Так Елена попала в разведку.

Молодую сотрудницу определили в информационное подразделение внешней разведки. Она занималась переводами и обработкой важных документов, которые поступали в Центр от ценных источников, и готовила их для доклада руководству страны.

Через несколько лет ее обширные знания и уже накопленный опыт потребовались в другом месте. В 1955 году Елену перевели в «географическое» подразделение разведки, и она стала готовиться к командировке в Италию.

В начале 1956 года Надежда (оперативный псевдоним разведчицы) оказалась в Вечном городе. Правда, с въездной визой для нее возникли проблемы: страна была квотной, а штат советского посольства оказался полностью укомплектован. Необходимо было получить визу сверх квоты. Выручил посол Богомолов. Через свои связи он обратился лично к президенту Италии с просьбой посодействовать в приезде нужной ему сотрудницы. И прези-

дент дал указание выдать «внеплановую» визу. Лишь немногие в посольстве знали об истинных целях приезда Надежды в Италию.

В резидентуре она была единственной женщиной-оперработником. Резидент внешней разведки Павел Николаевич Елисеев сразу же ей сказал: «Ты нам очень нужна. Будешь заниматься оперативной работой, встречаться с нашими помощниками-женщинами».

Первое указание резидента было вполне конкретным: изучить досконально город. В этой связи посещение достопримечательностей Рима стало для Надежды оперативной обязанностью. Все свободное от работы в посольстве время она с наслаждением бродила по городу, стала завсегдатаем музеев и выставок. Изучая живописные римские кварталы, она подыскивала наиболее удобные места для проведения тайниковых операций или встреч с источниками. Вскоре Надежда уже знала итальянскую столицу гораздо лучше, чем Москву.

Но для того чтобы заниматься политической разведкой, одних только знаний города, литературы и искусства страны пребывания разведчику недостаточно. И Надежда углубленно изучает различные политические документы, выступления итальянских руководителей, смотрит кинохронику довоенного и военного периодов, пытается понять, почему Италия во время войны оказалась самым верным союзником фашистской Германии, каковы национальные особенности ее внешней политики, в чем причины ее активного партнерства с США в рамках НАТО.

Приезд разведчицы на Апеннинский полуостров совпал с началом «холодной войны». В 1949 году Италия одной из первых объявила о готовности вступить в Организацию Североатлантического договора (НАТО). Ее территория превратилась в один из ключевых плацдармов для развертывания американской военной мощи в Западной Европе. Именно Италии отводил Пентагон основную роль при реализации широкомасштабных планов нанесения превентивных ядерных ударов по Советскому Союзу.

Следует напомнить, что еще 4 сентября 1945 года объединенный разведывательный комитет США в своем меморандуме № 329 постановил «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и контролируемой им территории». После создания 4 апреля 1949 года военного союза НАТО составленный в том же году план «Дропшот» предусматривал уничтожение уже 100 наших городов. Затем последовали и другие «перспективные» планы...

«Нас Италия интересовала прежде всего как страна — член НАТО, — рассказывает Елена Николаевна. — Основной задачей нашей разведки было попытаться снизить постоянно нараставшее распространение влияния США в этом регионе, особенно на Апеннинах. Безусловно, мы были заинтересованы в получении достоверной информации и о внутривнутриполитической обстановке в стране, о перспективах развития отношений с Советским Союзом. Ведь в то время между нашими странами стали активно расширяться политические и особенно экономические связи».

Спустя некоторое время после приезда в Италию, Надежда приступила к работе с одним из наиболее ценных агентов римской резидентуры. Рассказывает разведчица:

«Агент этот представлял для нас в то время действительно большую ценность. В ее адрес (а агент была женщиной и имела многочисленных родственников, которые жили во многих странах) поступала обширная корреспонденция из-за границы: письма, газеты, журналы. И в этой почте приходили послания советских разведчиков-нелегалов из различных стран. В тот период такой способ организации связи нелегалов с Центром применялся нередко. Как только в адрес агента поступало специальное послание, она давала условный сигнал, и я выходила на встречу с ней».

Встречи происходили днем, в часы, когда итальянки обычно отправляются за покупками, в больших универсальных магазинах, причем каждый раз места встреч менялись. Сначала устанавливался визуальный контакт в каком-либо обусловленном заранее отделе, а затем при подъеме на другой этаж на эскалаторе незаметно для окружающих производился обмен фирменными пакетами данного магазина. В пакете Надежды всегда был какой-нибудь сувенир, купленный в магазине, а в пакете итальянки — почта. Затем они сразу же расходились в разные стороны. За свою скрытность и быстротечность такие контакты на профессиональном языке разведчиков называются «моментальной передачей», или просто «моменталкой».

Не прошло и года пребывания Надежды в Риме, а ее уже можно было принять за настоящую итальянку. У нее, как у атташе по культуре посольства, появилась масса знакомых среди итальянцев. Разведчица становится постоянной клиенткой самых престижных магазинов итальянской столицы, совершает частые выходы на театральные постановки и модные дефиле.

«В силу своей работы, — рассказывает Елена Николаевна, — мне необходимо было должным образом одеваться, не отличаться от местных женщин. Итальянцы прекрасно разбираются, во что вы одеты: купили ли вы, например, платье в дешевом магазине или в престижном бутике. Кроме того, я была единственной женщиной-дипломатом в советском посольстве. Поэтому и там не должна была пренебрегать своим внешним видом. Необходимо было иметь соответствующие туалеты для приемов, походов в театры, визитов в гости к иностранцам, а также для повседневной оперативной работы в городе».

Надежда работала в политической группе резидентуры, занималась в основном информационными вопросами: обработка политической и другой поступавшей информации, инструктаж оперативных сотрудников к предстоящим встречам в городе, постановка задач в информационном плане, исходя из потребностей Центра и возможностей того или иного источника информации.

Предоставим слово разведчице:

«Перед резидентурой была поставлена задача по сбору информации относительно дислокации на Апеннинском полуострове военных баз США и НАТО и их нацеленности на нашу страну. Мы получили сведения о том, что на побережье Италии разворачивается строительство нескольких военных баз НАТО. Из Центра поступило указание перепроверить и, по возможности, конкретизировать эту информацию, собрав наиболее полные сведения об этих базах. В этой связи резидентура разработала план по привлечению к сотрудничеству местной сотрудницы посольства одной из ведущих стран НАТО, от которой предполагалось получить необходимые данные. Через некоторое время план был полностью реализован: мы получили доступ к тщательно охраняемым секретным военным сведениям. Поставленное Центром задание было успешно выполнено».

Это задание имело непосредственное отношение к предстоявшему визиту Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. На вопрос госсекретаря США Дж. Фостера Даллеса о планах реформирования советских вооруженных сил Никита Сергеевич ответил, что ему известно о размещении американских военных баз, в частности в Италии, и о деятельности 6-го флота США, штаб-квартира которого располагается неподалеку от Неаполя. Позже, в ходе встречи с глазу на глаз, он заявил помрачневшему Даллесу, что в ответ Советский Союз намерен увеличить количество своих ядерных ракет в Восточной Европе.

До сих пор Елена Николаевна хорошо помнит и другого источника ценной информации, с которым ей пришлось долгое время работать:

«Мне ее передали на связь. Агент-женщина, одинокий, больной человек, от которой мы получали исключительно ценную докумен-

тальную информацию. Ее имя и по сей день держится в тайне. А меня она знала как Анну. Она проработала на советскую разведку более 15 лет. Скромная машинистка закрытого военно-технического учреждения, созданного американцами в Италии, передавала на встречах копии важных документов, нередко это были копии, которые она подкладывала под основной лист, печатая секретные документы. Потом, как выяснилось, только одни эти копии позволили ученым советской оборонной промышленности сэкономить многие сотни тысяч долларов».

В 1972 году в ходе первого визита в Советский Союз президента США Ричарда Никсона был осуществлен значительный прорыв в деле разрядки международной напряженности. Достигнутые в ходе переговоров договоренности относительно ограничения стратегических наступательных вооружений на многие годы определили политику мирного сосуществования СССР и США в условиях биполярного мира. Свою лепту в это внесла и скромный информационный и оперативный работник внешней разведки Надежда.

Елена Николаевна Чебурашкина находилась в трех долгосрочных командировках в Италии, проработав там «под крышей» посольства в общей сложности более 15 лет, что даже для разведчика-мужчины выглядит солидным сроком. После возвращения из своей последней командировки она продолжила службу в одном из самых закрытых подразделений внешней разведки. Ну а всего она проработала в разведке 40 лет.

На службе она всегда была в центре внимания. Сослуживцы-мужчины относились к ней с большим уважением и даже с некоторым трепетом. «Елена Чебурашкина — человек стальной воли, железной дисциплины и невероятного самоконтроля», — сказал нам один из ее бывших руководителей. Другой коллега разведчицы, проработавший с ней многие годы, подчеркнул: «Елена Николаев-

на — удивительная женщина. Она обладает энциклопедическими знаниями, особым складом ума, умением воспринять проблему во всей ее совокупности и вычленить главное. Из массы заданий она всегда выделит то, которое наиболее приоритетно для данного момента и успешно его решит».

Ну а как же личная жизнь? Ведь она все-таки все это время оставалась женщиной, причем очень красивой женщиной и... одинокой.

«По молодости об этом мало думалось, настолько была интенсивная трудовая жизнь, — говорит Елена Николаевна. — Я все время приходила домой с кипой книг, газет, материалов. Я должна была постоянно пополнять свои знания, ведь постоянно возникали новые проблемы. Необходимо было все время быть в форме: «из леса» (так сотрудники внешней разведки между собой называют свою штаб-квартиру в Ясеневе. — *Примеч. авт.*) звонили порой и в выходные дни, и глубокой ночью. Тяжелая, мужская работа. Но ей надо было отдавать всю себя, чтобы не испытывать комплекса неполноценности. В целом же, можно сказать, я не встретила такого человека, ради которого смогла бы пожертвовать своей работой в разведке...»

Елена Николаевна Чебурашкина и сегодня остается во внешней разведке одним из лучших специалистов по Италии. К ней часто обращаются за помощью и консультациями и молодые, и уже опытные сотрудники. В уютную квартирку на Фрунзенской набережной часто звонят и приходят коллеги-«итальянцы», с которыми она работала долгие годы в «поле» и в центральном аппарате. Она и по сей день остается сильным и волевым человеком, в жизни которого была чистая и искренняя любовь — любовь к Италии.

РЯДОВАЯ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

В июле 1937 года Марина Кирина, молодая девушка из самарского села, заканчивавшая Московский педагогический институт иностранных языков, сдавала государственные экзамены. Ей было уже объявлено распределение в одну из средних школ Свердловска преподавателем немецкого языка. Однако через два дня после сдачи последнего экзамена ее неожиданно пригласили в отдел кадров института, где, как сказали Марине, с ней намеревался побеседовать «один ответственный товарищ». В кабинете начальника с девушкой встретился человек в гимнастерке с синими петлицами. Он сказал, что комсомол института рекомендует ее на работу в НКВД, где нужны люди с безупречным знанием немецкого языка. В известное всей Москве серое здание на площади Дзержинского Марина пришла в старой юбке и потертой на рукавах кофте, которые, впрочем, она вскоре сменила на форменную габардиновую одежду. С тех дней вся ее дальнейшая жизнь была связана с деятельностью органов государственной безопасности.

Марина Ивановна Кирина родилась 21 февраля 1913 года в селе Кинель-Черкассы Самарской губернии в бедной крестьянской семье. Вскоре началась Первая мировая война. Взрослые мужчины и молодые безусые парни были призваны на фронт сражаться «за веру, царя и Отечество», среди новобранцев был и отец Марины, молодой солдат Иван Кирина. В 1915 году в село пришло сообщение о его гибели. Марина осталась без отца.

Вскоре ее мать, молодая и красивая женщина, которую на селе так и звали «Сашка красивая», была просватана своими родителями за вдовца с детьми. Марина попала в чужую многодетную голодную семью, в которой через несколько лет у нее появилось еще двое сестреночек. Росла она сама по себе и, как и положено сироте, стала рано взрослеть. Как-то, играя с соседскими ребятами, она забрела в старую, покосившуюся избу сельской школы. Марина стояла перед сельской учительницей босиком, в старом заплатавшем платье. Обратившись к учительнице, она сказала, что хочет учиться.

— Ты ведь еще мала, — ласково ответила учительница. — Рано тебе к нам, девочка. Тебе небось еще и шести лет не исполнилось. И чья же ты будешь?

— Да это Ивана Кирина дочь, сирота, — ответил за нее школьный сторож. — Примите ее, Анна Ивановна. Пусть уж со всеми ходит. Здесь хоть под присмотром будет. Авось и ума-разума наберется. В жизни сгодится.

Марина была принята в школу, хотя ей не исполнилось еще положенных семи лет. Училась она хорошо, схватывала все на лету. Полюбила читать, зачитывала до дыр тонкие книжечки небогатой школьной библиотеки. Как-то у деда в доме нашла за темной иконой старинную книгу, завернутую в тряпицу. Долго разбирала старопечатный шрифт, внимательно изучала картинки. За этим занятием застал ее набожный дед и в наказание за то, что взяла книгу без спроса, запер Марину на полдня в темный чулан. Как потом оказалось, это была книга А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Девочка почти ничего в ней не поняла, однако интереса к чтению не потеряла.

Учение легко давалось Марине почти по всем предметам: она любила литературу, математику, историю, географию, по которым получала почти одни «пятерки». А вот немецкий язык у девочки не пошел. И дело было не в преподавателях. Как раз наоборот: в семилетней школе немецкому языку она обучалась у поволжского немца. Легко читала, переводила, быстро запоминала слова и целые фразы. Но с произношением были боль-

шие проблемы. И вообще Марина считала, что немецкий язык ей не нужен. Однако жизнь распорядилась по-иному.

В 1929 году Марина окончила среднюю школу-девятилетку и поступила в педагогический техникум в Бугуруслане. В техникуме была принята в комсомол. Однако уже через год она стала работать в сельской школе: молодой Стране Советов, успешно ликвидировавшей неграмотность, не хватало сельских учителей. В деревне Трудовая Солянка Марина учила грамоте детей, организовывала курсы ликбеза для взрослых, помогала создавать первые в Поволжье колхозы и первые комсомольские ячейки на селе. Вместе с другими учителями ставила спектакли, в которых играла главные женские роли, выступала на сельских сходках, агитировала за колхозы, а потом до полуночи сидела за ученическими тетрадками.

Однажды на пленуме райкома комсомола секретарь сказал ей:

— Ты, Марина, не засиживайся долго у окна. А то вот в соседнем селе кулаки убили учительницу из обреза. Такую же молодую, как ты...

Слова секретаря райкома она приняла к сведению, перестала сидеть вечерами у окна. Однако активную агитацию за колхозы продолжала, и однажды верные люди предупредили, что кулаки грозятся ее пристрелить. Несколько дней подряд Марина ночевала в другом месте. К счастью, все обошлось.

Директор сельской школы, в которой она работала, посоветовал девушке продолжать учебу. В 1932 году дядю Марины по отцовской линии направили на учебу в Москву, и он взял с собой племянницу. Марина была зачислена сначала на подготовительные курсы Московского педагогического института иностранных языков, а на следующий год переведена на первый курс, где начала изучать немецкий язык.

Первое время, обучаясь на подготовительных курсах института, Марина жила у дяди, в выделенной ему крошечной комнатухе, в которой ютились пять человек, и ей приходилось спать под столом на разостланной рогож-

ке. Мать не могла помогать Марине, и она подрабатывала где могла.

В 1933 году Марина была зачислена на первый курс Института иностранных языков и получила комнату в общежитии на Стромынке. Прожить на студенческую стипендию было нелегко, одновременно с учебой приходилось подрабатывать, и Марина вместе с однокурсниками разгружала вагоны. Однако все трудности затмевала радость учебы и жизни в Москве: московские театры, катки, выставки, концерты.

Но самое главное, Марина полюбила немецкий язык, нашла в нем мелодичную струну. В Московском педагогическом институте иностранных языков изучение немецкого превратилось для нее в удовольствие. Марине повезло: ее учителем стал Фриц Платтен, выдающийся деятель международного рабочего движения.

В институте Марина подружилась с секретарем комсомольской организации Ольгой Чететкиной, о которой впоследствии вспоминала всегда светло и радостно. Студенты института любили своего боевого комсорга за неприятие мещанства и ханжества.

— Девчата, на самом-то деле! Что вы как чухонки какие-то, ей-богу! Ведь вы же красивые советские девчата. А посмотрите на себя... Я считаю так: красить губы можно, на высоких каблуках ходить можно, платье с вырезом тоже можно носить. Никакого преступления в этом я не вижу. Только надо знать, где, как и сколько... — энергично доказывала она с трибуны комсомольского собрания.

Даже самые рьяные комсомолки-активистки не могли устоять против ее доводов. Эту черту Ольги Чететкиной — умение убеждать, видимо, заметили «наверху» и даже выдвинули ее на ответственную работу в ЦК комсомола. Со временем она стала известной журналисткой-международницей.

Что же касается Марины, то она о таких высотах в ту пору и не мечтала, готовясь стать скромным учителем немецкого языка где-нибудь в сельской глубинке. Но на

третьем курсе института Ольга Четчикина пригласила Марину Кирину в ЦК ВЛКСМ, где ей предложили работать пионервожатой в школе для детей политэмигрантов. Там она не только по-настоящему выучила немецкий язык, но и глубоко постигла немецкий менталитет, что в дальнейшем ей весьма пригодилось в разведывательной работе. Там же она познакомилась с выдающимися немецкими писателями-антифашистами, членами Коминтерна В. Бределем, Э. Вайпертом, Ф. Вольфом.

Был в ее отряде один прилежный мальчик из Германии по имени Маркус Вольф — сын известного драматурга Фридриха Вольфа, коммуниста, члена КПП с 1928 года. Его перу принадлежит знаменитая антифашистская пьеса «Профессор Мамлок», ряд других драматургических произведений, среди которых известная историческая трагедия «Томас Мюнцер». С приходом Гитлера к власти Фридрих Вольф был вынужден эмигрировать из Германии и получил политическое убежище в Советском Союзе вместе с тысячами других антифашистов. Его сын, Миша Вольф, как звали мальчика в отряде, отличался упорством в учебе и был душой коллектива. Все его очень любили, в том числе и Марина. Пройдут годы. Марина и Маркус станут друзьями на всю жизнь. Позднее выяснится, что они, оказывается, не просто друзья, но и коллеги по работе. Но это случится только после войны.

В августе 1937 года Марина Кирина по комсомольскому набору была направлена на работу в Московское управление НКВД. После кровавой вакханалии «борьбы с врагами народа», развязанной по указанию Сталина наркомом внутренних дел Н. Ежовым, органы государственной безопасности были обескровлены и нуждались в пополнении грамотными кадрами. Одновременно с 24-летней Мариной Кириной в органы госбезопасности тогда пришли сотни молодых людей, имевших высшее образование. Марина прекрасно владела немецким языком и первоначально занималась переводом и анализом секретных материалов германского посольства в Москве.

Позже последовали более сложные задания: встречи с агентурой, получение информации, анализ и обработка агентурных донесений... Одним словом, повседневная чекистская работа. Однако Марина была счастлива. Новая работа ей нравилась. Она с детства привыкла к самостоятельности, а чекистская деятельность среди многих других человеческих качеств требует как раз этого. Кроме того, она привыкла рассчитывать только на себя, а не полагаться на кого-то. Поэтому ей доверяли важные дела, и это приносило удовлетворение.

Но по мере того как молодая разведчица вникала в оперативные дела, в ее душу вкрадывалась пока еще неясная тревога. Получаемая информация явно свидетельствовала о приближающейся войне... Но об этом тогда нельзя было говорить вслух: «наверху» сами все знают и видят.

Однажды задолго до рассвета Марину вызвали в управление. Накануне она закончила работу далеко за полночь, едва успела прилечь, и вот снова вызов. В кабинете у начальника Московского управления НКВД уже собрался почти весь оперативный состав. Начальник кратко объявил: Германия напала на Советский Союз, началась война.

Все в то время рвались в действующую армию, в том числе и Марина. Но на фронт ее не пустили. «Ты нужна в Москве», — сказали ей.

И действительно, она пригодилась в Москве.

Вскоре Марина увидела первого в своей жизни нациста. Это был гитлеровский летчик, сбитый нашими зенитчиками в небе над Москвой. Причем не простой летчик, а племянник командующего германским люфтваффе Г. Геринга. Поскольку в управлении немецкий язык хорошо знала лишь Марина, ей было поручено допросить германского аса. На допросе пленный фашист вел себя вызывающе, на все вопросы отвечал презрительной ухмылкой. В первые дни войны гитлеровцы верили в свою скорую победу, их авиация господствовала в воздухе. Летчик так ничего и не сказал. Марина Ивановна до сих пор помнит, что во время допроса германского летчика ноч-

ное небо Москвы содрогалось от гула немецких самолетов, а в различных районах города были слышны мощные взрывы авиабомб.

Осенью 1941 года положение советской столицы стало угрожающим. Враг подошел к стенам Москвы, и Гитлер даже назначил парад на Красной площади на 7 ноября. Москва перешла на осадное положение. Не исключалось, что фашистам удастся взять город. Повсеместно чекистами создавались оперативные группы для выполнения особо важных заданий командования в Москве на случай ее оккупации, а также в тылу врага. Марина Кирина была назначена связной в одну из таких групп, которой предстояло действовать в Калуге. Руководил группой ее товарищ по работе Павел Астахов. Из всей группы она знала в лицо только Астахова, с которым поддерживала связь.

Но немецкий план взятия Москвы провалился. Под ударами Красной Армии гитлеровские войки стали поспешно отступать, бросая вооружение и боевую технику и оставляя на подмосковных дорогах тысячи мерзлых трупов. Войска под командованием генерала армии Г. Жукова захватили множество военнопленных. С отдельными из них Марине довелось работать. Теперь они вели себя не так вызывающе, как племянник Геринга. Конечно, многие из них все еще верили в победу Германии, однако находились и такие, кто разочаровался в «гениальности» бесноватого фюрера. Часть этих немцев перешла на сторону Красной Армии. Вместе с другими чекистами Марина отбирала тех, кто мог выполнять задания разведки за линией фронта. Она также участвовала в подготовке и засылке агентов-немцев непосредственно в Германию и оккупированные ею страны.

В феврале 1943 года завершилась Сталинградская битва, положившая начало окончательному изгнанию нацистских войск с территории нашей страны. В стальное кольцо Красной Армии под городом на Волге попала вражеская группировка в составе 220 тысяч человек под командованием фельдмаршала Паулюса. Остатки его 6-й армии, всего около 90 тысяч солдат и офицеров, сдались

в плен. В Москву доставили множество германских генералов и старших офицеров, и работы для Марины прибавилось.

Весной 1943 года по заданию руководства управления Марина Кирина вместе с группой оперативных работников НКГБ выехала в спецлагерь для военнопленных. Он размещался в бывшем санатории железнодорожников недалеко от города Иваново, у деревни Войково. Помимо Ф. Паулюса и еще 23 немецких генералов в спецлагере содержался плененный высший генералитет гитлеровских союзников: итальянцы, румыны, мадьяры.

Кирина работала одним из переводчиков генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, бывшего первого обер-квартирмейстера главного штаба сухопутных сил Германии. В интересах Советского командования было склонить фельдмаршала на нашу сторону с тем, чтобы он выступил с обращением к солдатам вермахта. Кириной довелось много беседовать с Ф. Паулюсом, рассказывать ему о нашей стране, ее культуре, к чему немец проявлял большой интерес.

Марина Ивановна вспоминала, что это был высокий, худощавый, слегка сутулящийся генерал, совсем не похожий на надменного прусского офицера, каким он был до своего пленения. Как и все пленники, Ф. Паулюс двигался и говорил медленно, тщательно обдумывая каждый шаг, взвешивая каждое слово. Он напоминал генерала, вышедшего в отставку, которому некуда спешить и который старается осмыслить пройденный жизненный путь. В свободные от бесед с советскими представителями часы Паулюс любил покопаться в саду. Ухаживал за клумбами, окучивал грядки, аккуратно обрезал засохшие ветки.

В большой комнате пленного фельдмаршала стоял старинный рояль. В свободное от допросов и бесед время он музицировал. Иногда вечерами Ф. Паулюс перечитывал русскую классику: Достоевского, Толстого, Чехова. Из современных писателей любил читать книги Алексея Толстого, автора знаменитого рассказа «Русский характер». Что это: попытка понять через произведения русских классиков характер народа, не склонившего головы

перед захватчиками? Перед войной министерство оккупированных территорий Альфреда Розенберга выпустило в свет массовым тиражом произведения Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, М. Зощенко, А. Толстого и других. В комментариях к ним много говорилось о покорности русских, доказывалась их «расовая неполноценность». Но война опровергла умозрительные построения «отца расовой теории», и вот теперь Ф. Паулюс пытался самостоятельно разобраться в «загадочной русской душе».

Вместе с Мариной Кириной с Ф. Паулюсом работал знаменитый советский разведчик Федор Парпаров, прошедший долгие годы на нелегальной работе в Германии. Упорная работа Ф. К. Парпарова, М. И. Кириной, а также других советских разведчиков с гитлеровским генерал-фельдмаршалом привела к тому, что уже летом 1943 года он стал членом Национального комитета «Свободная Германия» — политического и организационного центра немецких антифашистов, созданного на территории Советского Союза по инициативе компартии Германии. В 1944 году Ф. Паулюс одним из первых германских генералов подписал воззвание к немецкому народу с призывом не доводить страну до катастрофы.

В 1946 году, во время работы Нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками, мировой сенсацией стало согласие советской стороны вызвать Ф. Паулюса в качестве свидетеля обвинения. На Западе считали, что он погиб в «сибирских лагерях». Федор Карпович Парпаров сопровождал немецкого фельдмаршала в Нюрнберг и был его переводчиком. Ф. Паулюс оставался в плену в Советском Союзе до 1953 года. Затем он возвратился в Германскую Демократическую Республику, где жил до своей кончины в 1957 году.

Закончилась война. Перед внешней разведкой органов государственной безопасности стояла задача разобраться с агентурным аппаратом в поверженной Германии и аннексированной ею Австрии. Еще весной 1945 года для решения этой задачи в Берлин выехал известный развед-

чик-нелегал Александр Коротков. Германский отдел внешней разведки остро нуждался в опытных чекистских кадрах, свободно владевших немецким языком. Марина Кирина идеально соответствовала этим критериям: она имела достаточный опыт чекистской работы и знала немецкий язык как родной. Легкий акцент и славянская внешность заставляли думать ее собеседников-немцев, что она родом из Судетской области Германии. На это и обратили внимание представители внешней разведки. К тому же после войны Московское управление НКГБ уже не испытывало столь острой нужды в сотрудниках, владевших немецким языком, и согласилось с переводом Кириной на другую работу.

Вскоре начальник Московского управления вызвал к себе Кирину и заявил ей:

— Ты в общем-то неплохо справляешься со своими служебными обязанностями. Единственный твой недостаток в том, что ты женщина. Мы думаем перевести тебя в другое подразделение.

Он ничего не сказал о будущем назначении. Марине, сработавшейся с дружным чекистским коллективом Московского управления, было жаль уходить из него. Однако в органах госбезопасности не принято задавать лишних вопросов, а в то время — и подавно. Вскоре все выяснилось: в середине 1945 года Марина Ивановна Кирина была переведена на работу в управление нелегальной разведки.

В 1946 году она выехала в свою первую служебную командировку в Австрию. Выбор пал на нее совершенно обоснованно. Славянский акцент позволял разведчице выдавать себя за беженку из Судетской области Чехословакии: в соответствии с потсдамскими договоренностями, из этого района Чехословакии переселялись в Германию проживавшие там до войны два миллиона немцев. Многие из них оказались на положении беженцев, и среди них было нетрудно раствориться советским разведчикам. Эти-то соображения и побудили руководство внешней разведки направить Марину Кирину в Австрию.

В соответствии с послевоенным устройством мира в Европе Австрия, как и Германия, была разделена на четыре

оккупационные зоны. Соответственно была разделена и столица государства Вена. Разведчица Кирина работала под прикрытием сотрудницы Аппарата политического советника при Советской военной администрации в Австрии. На берегах голубого Дуная она провела более пяти лет.

Ее командировка в Австрию диктовалась еще и следующими обстоятельствами: среди военнопленных, с которыми Марина работала во время войны, у нее осталось немало искренних друзей. Многие из них сразу же после окончания войны возвратились в Австрию. Перед разведчицей была поставлена задача разыскать наиболее перспективных людей и выяснить возможность использования их в интересах разведки.

В Вену прибыла элегантная молодая женщина, блестяще владевшая немецким языком. Стройная, симпатичная, невысокого роста, в строгом костюме и очень модной шляпке, Марина невольно привлекала к себе восхищенные взгляды мужчин. Скромное очарование молодой разведчицы являлось немаловажным фактором, который учитывало руководство нелегальной разведки, направляя ее в Вену. Так «недостаток», о котором говорил Марине ее бывший начальник, руководивший Московским управлением НКГБ, превратился в существенное достоинство разведчицы. И надо сказать, она умело использовала его в интересах дела.

В Вене Марина познакомилась с другой знаменитой советской разведчицей — Зоей Ивановной Воскресенской-Рыбкиной, находившейся там в краткосрочной командировке. Познакомилась и подружилась на всю жизнь. Поскольку Марина впервые выехала в служебную командировку за рубеж, а Зоя Ивановна большую часть своей жизни провела за границей и являлась опытной разведчицей, ее советы были весьма ценными и деловыми. Именно Зоя Ивановна убедила Марину в том, что она как женщина обладает некоторым преимуществом перед мужчинами с точки зрения ведения разведки, научила ее вести себя так, чтобы ни у кого не возникло даже мысли о том, что она имеет какое-то отношение к разведывательной службе.

Марина Ивановна часто вспоминала одно из своих первых и исключительно важных разведывательных заданий. Рядом с английскими казармами в австрийской столице жил наш агент. Его срочно нужно было предупредить об опасности. Времени оставалось в обрез, а впереди ночь. Город разделен на зоны оккупации, вскоре наступит комендантский час, в британскую зону без соответствующего пропуска не пробраться. Да и получать его — значит привлечь к себе внимание английской контрразведки. Резидент поручил Кириной предупредить агента. «Она пройдет», — уверенно сказал он своему заместителю.

Прикинувшись «романтической туристкой», Марина кромешной ночью шла по мосту через Дунай. Благополучно миновала американскую зону оккупации. Здесь было множество ночных баров, кабаре, публичных домов, в которых американские солдаты искали легких приключений. Однако никто из них не посмел приставать к элегантно одетой женщине. Только под утро она разыскала нужную улицу, дом и квартиру. Задание было успешно выполнено. И когда контрразведка противника попыталась арестовать нашего человека, оказалось, что его уже нет в городе.

Много таких опасных случаев было во время работы Марины Кириной в Вене. Однажды она должна была встретиться с агентом на одной из улиц в центре города. В соответствии с требованиями конспирации разведчица заранее прибыла на место встречи, чтобы убедиться в его безопасности. Но, на беду, здесь временно обосновались «жрицы любви», которые кулаками пытались отстоять свои «законные права» на территорию. Выручил агент. Подъехав к месту встречи на своем автомобиле, он подобрал разведчицу и умчал ее в более безопасный район.

«По молодости ничего не страшно, — рассказывала Марина Ивановна. — Там, где появление мужчины вызвало бы подозрения, посылали меня. Шла я бесстрашно, повторяя про себя: раз надо, значит, сделаю любой ценой. Вернусь или нет — неважно, ведь это тоже война, здесь мой фронт». А иногда эта молодая элегантная женщина преображалась в молочницу. Белый кружевной передник, эмалированный бидон, мерная кружка... Кто бы

заподозрил в ней грозного «агента МГБ»? «Мильх, мильх!» — раздавался в каменных колодцах венских дворов звонкий голос Марины. Распахивались окна, и разведчицу приглашали в квартиры. Так она, например, выяснила, в каком именно доме и в какой квартире проживает дочь машинистки, работавшей в одном из западных посольств. А уж через машинистку выйти на то лицо, которым интересовалась разведка, было, как говорится, делом техники.

Но бесстрашная разведчица всегда оставалась обаятельной женщиной. Марина Ивановна любила музыку, прекрасно танцевала, хорошо пела. Она искала и находила друзей нашей страны, от которых затем поступала важная информация. «Плох тот разведчик, который не приобретает для своей страны новых друзей» — таким был ее девиз. И действительно, в Австрии, куда она затем вернется в начале 1960-х годов и даже будет работать с Валентиной Терешковой во время ее поездки в эту страну в 1963 году, у нее останется много верных и искренних друзей.

После завершения служебной командировки в Австрию Марина Ивановна некоторое время работала в центральном аппарате разведки, в ее немецком отделе, который возглавляла Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина. Под ее руководством Кирина приобрела дополнительный опыт решения практических разведывательных задач.

И вот новая командировка — на этот раз в представительство КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР. В Карлсхорсте, где располагалось представительство, М. И. Кирина проработала долгих шесть лет. Не раз оперативные дела приводили разведчицу в Западный Берлин, где она встречалась с ценной агентурой, которая по своему положению не имела возможности посещать столицу Германской Демократической Республики. Кирина принимала личное участие в мероприятиях по организации нелегальной разведки в ФРГ и через нее в других западных странах.

Один из руководителей советской внешней разведки генерал В. Г. Павлов, хорошо знавший М. И. Кирину, следующим образом оценил ее работу в ГДР:

«Хорошее знание Германии, немецкой истории и культуры, приобретенное еще в институте, обогащенное в военное время общением с немецкими военнопленными, в том числе с Паулюсом, а затем в Австрии, помогало Марине Ивановне высококачественно проводить мероприятия по подготовке разведчиков и агентов, внедрявшихся за рубеж. В ГДР, общаясь с немецкими коллегами, она имела много неожиданных встреч с интересными людьми. В том числе она познакомилась с бывшим радистом Рихарда Зорге Максом Клаузенем и его женой — разведчицей Анной».

После возвращения из ГДР Марина Ивановна некоторое время вновь трудилась в центральном аппарате ПГУ КГБ. В 1965 году ее направили в третью, исключительно сложную заграникомандировку, в которой разведчица проработала до 1971 года. Группа, в которую она входила, обеспечивала деятельность разведчиков-нелегалов в странах Западной Европы и США...

Летом 1967 года в Берлин в качестве личного гостя министра государственной безопасности ГДР Эриха Мильке прибыл легендарный советский разведчик Рудольф Иванович Абель. У трапа самолета его встречал заместитель министра, руководитель разведки ГДР Маркус Вольф. Среди советских представителей, встречавших Р. Абеля, была и Марина Кирина. На банкете в честь советского разведчика она долго разговаривала с Мишей Вольфом: вспоминали предвоенную Москву, пионерское детство генерал-полковника и все, что было связано с тем периодом. В дальнейшем Марина Ивановна бережно хранила книгу воспоминаний руководителя разведки ГДР — знаменитой «Штази» с дарственной надписью.

Эрих Мильке устроил небольшой сюрприз для выдающегося советского разведчика. Марина Ивановна обратила внимание на то, что на товарищеском ужине, организованном в честь легендарного гостя, место слева от Р. Абеля было свободным. Через некоторое время в бан-

кетный зал вошел начальник одного из управлений «Штази» генерал-лейтенант Кляйнюнг и не спеша направился к советскому разведчику. Абель взглянул в лицо вошедшего, заулыбался, поднялся с места и обнял его. Оказалось, что в годы гражданской войны в Испании он готовил Кляйнюнга в качестве радиста для разведывательной работы в этой стране.

Рудольф Иванович хорошо знал Марину Кирину и даже оставил ей свой автограф на память. А в 1969 году ей довелось выступить на приеме, устроенном по случаю присвоения Рудольфу Ивановичу Абелю почетного звания доктора юридических наук Академии наук ГДР. Разумеется, Марина Ивановна нашла что сказать о своем знаменитом товарище по разведывательной работе. Умолчала она лишь о своей принадлежности к советской нелегальной разведке.

По долгу службы Марине Ивановне довелось выезжать во многие европейские страны, выполнять ответственные задания разведки. В 1972 году полковник Кирина вышла в отставку. Ее работа в органах государственной безопасности была отмечена высокими наградами. Среди них — ордена Красной Звезды и «Знак Почета», медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и многие другие, нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

В начале 1990 года тогдашний Председатель Комитета государственной безопасности СССР В. А. Крючков был приглашен на встречу с членами международного женского клуба «33+1». В ходе своего выступления перед собравшимися он рассказал о некоторых женщинах, которые работали в подразделениях разведки и контрразведки. Благодаря политике некоторой открытости, наметившейся в те годы в деятельности самой секретной организации страны (была создана пресс-служба КГБ, его руководители начали встречаться с журналистами, с представителями общественности, выступать в трудовых коллективах), участницы встречи впервые услышали о скромной труженице, рядовой сотруднице советской

внешней разведки Марине Ивановне Кириной, чья жизнь и работа оставались до того дня за семью печатями секретности. Однако и сегодня, несмотря на то, что ее имя рассекречено, пока еще рано рассказывать в деталях о ее деятельности в подразделении нелегальной разведки нашей страны.

Выйдя на заслуженный отдых, Марина Ивановна долгое время принимала непосредственное участие в подготовке молодых разведчиков-нелегалов, являлась активным членом региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки».

В декабре 2002 года Марина Ивановна Кирина скончалась.

Африка
де Лас Эрас.
Москва, 1944 г.

Справка,
выданная Африке
в специальном
партизанском
отряде

СССР
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

4. января 1944 г.

СПРАВКА

Целью настоящей справки партизанке ЛЕЛАСЕРАС АФРИКЕ в том, что она с июля 1942 года находилась в специальном партизанском отряде. Вначале она была радиотехом и за отличную работу была назначена помощником вожака. Находясь на этой должности, ЛЕЛАСЕРАС показала себя как умелый коммандир и хороший радист.

Ее радиопередача всегда находилась в образцовом состоянии, этого же она требовала и от подчиненных.

За образцовую работу тов. ЛЕЛАСЕРАС награждена орденом Красной Звезды и Партизанской медалью I степени, а так же представлена к награждению Орденом Отечественной войны II степени.

Командир
Специального
Партизанского Отряда

Разведчица-нелегал «Патрия»

Джованни Антонио Бертони

«Патрия» перед оперативной встречей

Анна Камаева.
Мексика, 1944 г.

Анна и Михаил
Филоненко.
Москва, 1950 г.

Анна Федоровна
 Филоненко с детьми.
 Бразилия,
 конец 1950-х годов

Анна Федоровна
 Камаева-Филоненко.
 Москва, 1970-е годы

Разведчица-нелегал
Жанна

Разведчик-нелегал Сем

Жанна на месте тайника.

Галина Ивановна и Михаил Владимирович Федоровы.
Начало 1990-х годов

Надежда.
Середина
1950-х годов

Елена Чебурашкина
в саду посольства.
Рим, 1956 г.

Е. Н. Чебурашкина
(справа) на приеме
в советском
посольстве в Риме

Елена Николаевна
Чебурашкина.
Наши дни

Марина Кирина.
1943 г.

Марина Ивановна
Кирина.
Конец 1990-х годов

Киноактриса
Ирина Алимова.
Конец 1930-х годов

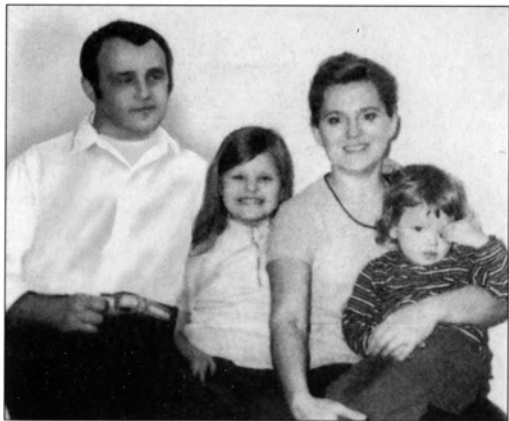

Супруги
Энвер (Халеф)
и Хатыча (Бир)
Садык

Лариса Майорова
(Веста)

Лариса Васильевна
и Вадим Михайлович
Майоровы
с детьми
после бегства от ЦРУ.
Январь 1972 г.

Зинаида Батраева
(Татьяна).
Париж, 1952 г.

Борис Батраев
(Тим).
Париж, 1952 г.

З. Н. Батраева.
Исламабад, 1978 г.

Зинаида Николаевна
и Борис Никодимович
Батраевы.
София, 1986 г.

Елена Косова
(Анна).
1949 г.

Елена
Александровна
Косова.
Наши дни

1. Нагрудный знак «5 лет ВЧК — ГПУ»
2. Юбилейный жетон «ОГПУ.1917 — 1927»
3. Нагрудный знак «15 лет ВЧК — ОГПУ»
4. Нагрудный знак «Заслуженный работник НКВД»
5. Нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности»
6. Нагрудный знак «За службу в разведке»

1. Нагрудный знак «70 лет ИНО — ПГУ»
2. Нагрудный знак «75 лет ИНО — ПГУ — СВР»
3. Нагрудный знак «80 лет ИНО — ПГУ — СВР»
4. Нагрудный знак «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки»
5. Медаль «За отличие в военной службе»
6. Медаль «За заслуги»

В СТРАНЕ ЦВЕТУЩИХ ХРИЗАНТЕМ

Ее путь в Японию пролегал через третью страну, где разведчица прожила много месяцев. Там она по легенде являлась дочерью богатого уйгура, который вместе с семьей эмигрировал из России еще до революции. В свидетельстве о рождении, выданном местным муллой, арабской вязью было написано, что она родилась в Китайском Туркестане.

После «акклиматизации» она вылетела в соседнюю страну, где ее ожидал жених. Через четыре месяца они зарегистрировали брак. Молодожены постепенно перебирались поближе к Японии, в которой им предстояло работать в годы «холодной войны». В Стране цветущих хризантем Бир и Халеф (такими были оперативные псевдонимы разведчиков-нелегалов) провели почти четырнадцать лет...

Она готовилась стать актрисой. Туркменская девочка Бибиран (Ирина) Алимова, родившаяся в июне 1920 года в городе Мары, училась на втором курсе рабфака в Ашхабаде, когда ей неожиданно предложили сниматься в кино. И не просто сниматься в массовых сценах, а стать профессиональной киноактрисой.

Отец Ирины, Карим Алимов, воевал на фронтах Гражданской войны. После ее окончания поселился в родном городе Мары, в глинобитной мазанке, оставшейся от родителей. Вскоре он обзавелся семьей, у него родились трое детей. Карим-ага стал часовщиком и одновременно занимался изготовлением ювелирных изделий. Слава о его мастерстве вышла далеко за пределы Мары,

и в 1928 году в дом к скромному часовщику, чья семья едва сводила концы с концами, пожаловали гости из персидского консульства. Они посулили Кариму хорошую работу и предложили переехать в Тегеран. Однако он отказался. Позже Карим вместе с семейством переехал в Ашхабад, где Ирина пошла в школу. Красивая девочка охотно участвовала в художественной самодеятельности и уже со школьных лет думала о том, чтобы посвятить себя сцене.

Но после окончания школы Ирина поступила на рабфак при сельхозинституте, решив стать ветеринаром-хирургом. Здесь-то на нее и обратили внимание работники студии «Туркменфильм» и пригласили сниматься в кинофильме «Умбар». Этот фильм вышел на экраны за несколько лет до войны, Ирина сыграла в нем роль возлюбленной Умбара. К ней пришла слава: молодую актрису узнавали на улице, многочисленные поклонники писали ей письма.

После дебюта в кино Ирину Каримову направили учиться актерскому мастерству в Ленинград, в мастерскую знаменитого режиссера Г. Козинцева.

Позже Ирина Каримовна вспоминала:

«В Ленинграде я встретилась со многими известными советскими артистами: Тамарой Макаровой, Яниной Жеймо, Зоей Федоровой, Яковом Свердлиным, Петром Алейниковым и видными режиссерами: Хейфицем, Зархи, Траубергом, Роммом, Герасимовым. Они хвалили и одобряли меня, говорили, что у меня есть хорошие перспективы стать настоящей актрисой».

В 1939 году Алимова закончила обучение и по распределению была направлена в Ташкент, на киностудию «Узбекфильм», где ей была обещана главная роль в новом узбекском кинофильме. Перед Ириной, которой было всего девятнадцать лет, открывалась блестящая карьера киноактрисы. Однако судьба распорядилась по-иному.

Грянула Великая Отечественная война, и Ирина, подобно тысячам других молодых людей, пошла в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Эта просьба была удовлетворена. Правда, Ирину направили не на фронт, а в военную цензуру. Так осенью 1941 года она стала сотрудником органов государственной безопасности. В военной цензуре Ирина прослужила всю войну, вместе с действующей армией прошагала по военным дорогам Украины и Польши. В Кракове встретила Победу, затем служила в Чехословакии и Австрии. После демобилизации возвратилась в Ашхабад, однако продолжить довоенную карьеру киноактрисы ей не пришлось. Семья бедствовала, и Ирина решила временно поработать в местной контрразведке, в подразделении наружного наблюдения. Здесь она приобрела опыт конспиративного наблюдения за объектами, выявления слежки и ухода от нее, что ей пригодилось в дальнейшем при работе за рубежом разведчиком-нелегалом.

В начале 1947 года Ирину вдруг вызвали в Москву, на Лубянку. В Ашхабаде ее предупредили не говорить никому ни слова об этом вызове. По дороге в известное всей Москве серое здание на площади Дзержинского Ирина размышляла о причинах столь необычного вызова. В бюро пропусков на Кузнецком мосту ее встретил сотрудник отдела, в котором предстояло работать будущей нелегальной разведчице. Вручив ей пропуск, он проводил Ирину в просторный кабинет. Хозяин кабинета Александр Коротков, сам бывший разведчик-нелегал, предложил ей сесть и сказал:

— Как вы смотрите на то, чтобы перейти на работу во внешнюю разведку? Я имею в виду, что вам предстоит вести разведку за рубежом с нелегальных позиций, под чужим именем и в качестве иностранки. Мы понимаем, что дело это далеко не женское, выполнение заданий Центра порой связано с немалым риском для жизни. Вы знаете, какая сейчас международная обстановка: американцы открыто грозят Советскому Союзу новой войной, на сей раз атомной. Мы должны знать планы США и нуждаемся в кадрах для нелегальной работы, чтобы быть

в курсе замыслов потенциального противника. По своим данным вы подходите для работы в нелегальной разведке. Впрочем, вы можете отказаться от нашего предложения. Обдумайте все хорошенько, время у вас есть.

Ирина согласилась без колебаний.

Она прекрасно понимала, что просто так подобные предложения не делаются. Видимо, «наверху» хорошо изучили ее дело, навели соответствующие справки. Это и тревожило (что они там накопили?), и одновременно наполняло гордостью. Помолчав несколько секунд, Ирина вдруг спросила:

— Я слышала, что, когда наши разведчики возвращаются домой, их уничтожают. Это правда?

Александр Коротков и куратор Ирины переглянулись.

— Что за ерунда? Кто вам сказал такую глупость? — Затем, обращаясь к сотруднику своего отдела, не то одобрительно, не то с осуждением Александр Михайлович сказал: — Гляди, какая смелая...

Полковник не покривил душой, назвав ерундой подобные утверждения. В послевоенный период репрессии против сотрудников внешней разведки, успешно выполнившей свой долг в годы военного лихолетья, прекратились. Однако подобные высказывания в разведке не поощрялись и могли доставить неприятности. К счастью, для Ирины этот разговор не имел негативных последствий.

Много лет спустя, когда уже завершилась заграничная командировка Ирины Каримовны, она с большой теплотой вспоминала начальника Управления нелегальной разведки Александра Михайловича Короткова.

После беседы у начальника Управления для Ирины началась кропотливая подготовка к работе за рубежом: изучение иностранных языков с персональными преподавателями, вживание в образ эмигрантки, отработка легенды-биографии. Достаточно сказать, что Ирина Каримовна за годы учебы овладела турецким, уйгурским, фарси, английским и немецким языками. Все эти языки, особенно турецкий, ей весьмагодились в будущей нелегальной работе.

Выбор Ирины Алимовой в качестве разведчика-неле-

гала не был, разумеется, случайным. Большую роль в этом сыграла... ее профессия актрисы.

Известный американский разведчик и контрразведчик Чарльз Россель, выступая с курсом лекций в далеком 1924 году в Нью-Йорке перед офицерами запаса армии США — сотрудниками спецслужб, уже в то время подчеркивал: «Хороший разведчик должен быть превосходным актером. От того, как вы играете свою роль, зависит не только успех вашего дела, но также и жизнь многих товарищей. Вы должны не только владеть вашими чувствами, но и мимикой. Никогда не допускайте, чтобы язык говорил одно, а глаза другое. Будьте бдительны, не забывайте о своей роли».

Эти наставления актуальны и по сей день. Хорошо известно, что любому разведчику, особенно нелегальному, в жизни приходится играть множество ролей. Подготовка Ирины в качестве разведчика-нелегала длилась несколько лет. Приставленные к ней персональные преподаватели — носители языков, которыми ей предстояло овладеть, «натаскивали» будущую разведчицу по десять — двенадцать часов в день.

Сначала она активно изучала немецкий язык, поскольку ее готовили для работы в Австрии. Для углубленного изучения языка будущую разведчицу отправили в Германскую Демократическую Республику. В соответствии с легендой, она, турчанка по национальности, часто выезжала в Лейпциг, где якобы разыскивала своих родственников. Для подтверждения этой легенды она изучала также турецкий и персидский языки. Однако вскоре легенда Ирины вновь изменилась. Ее стали готовить для работы в Японии. Изменилась и система ее подготовки.

Ирине предстояло овладеть не просто, предположим, английским языком, но именно тем его диалектом, на котором говорят жители «ее родины». Но Ирина училась не только языкам. Ей необходимо было вжиться в роль, усвоить, как общаются люди в стране, из которой она якобы происходила, что и как едят, как ведут себя за столом, во что одеваются представители ее круга, какие вза-

имоотношения существуют в различных социальных слоях. При подготовке учитывалась ее легенда. В соответствии с ней, Ирина происходила из семьи уйгуров, эмигрировавших до революции из России в Китайский Туркестан. Семья постоянно проживала в Кашгаре. Поэтому ей необходимо было вжиться именно в роль дочери уйгуров-эмигрантов. Только после того, как легенда Ирины была полностью отработана, было принято решение отправить ее в Японию.

Такое решение не было спонтанным. Обстоятельства сложились так, что к 1953 году в этой стране не было резидентуры нашей внешней разведки, а советское руководство нуждалось в достоверной информации о происходящих в ней процессах, об отношениях Японии с другими странами. Однако отсутствие дипломатических отношений с Японией не позволяло создать там «легальную» резидентуру. Дело в том, что 26 июля 1945 года конференция «Большой тройки» в Потсдаме опубликовала специальную декларацию о Японии, в которой содержалось требование к Токио о безоговорочной капитуляции. В документе говорилось, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, и ликвидирован «безответственный милитаризм». В декларации подтверждалось, что «должны быть выполнены» условия Каирской декларации об ограничении японского суверенитета над островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и над теми менее крупными, «которые мы укажем».

В декларации отмечалось, что для достижения указанных целей необходимо оккупировать Японию, но «оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет утверждено мирно настроенное ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа». Заметим, что эти цели были достигнуты союзниками еще в 50-х годах двадцатого столетия, однако до наших дней продолжается американская оккупация Японии.

8 августа 1945 года Советский Союз, верный обязательствам, принятым на Потсдамской конференции, объявил войну милитаристской Японии. 9 августа Красная Армия начала боевые действия в Маньчжурии против Квантунской армии. Через пять дней, 14 августа, эта армия капитулировала. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» японская делегация подписала акт о безоговорочной капитуляции. Советскую сторону при подписании акта представлял генерал-лейтенант Деревянко.

На конференции в Сан-Франциско были определены параметры послевоенного устройства Японии. Эта страна была оккупирована американскими войсками под командованием генерала Макартура. Согласно достигнутому в декабре 1945 года в Лондоне соглашению, контролировать выполнение Японией условий капитуляции должны были Союзнический совет и Дальневосточная комиссия. Однако фактическая власть в стране принадлежала командующему американским оккупационным корпусом генералу Макартуру. Советская внешняя разведка работала в Японии под прикрытием советской части Союзнического совета и Дальневосточной комиссии, однако в 1950 году, в связи с войной в Корее, деятельность советской части этих организаций прекратилась и разведка лишилась легального прикрытия. Центр принял решение о работе в Японии с нелегальных позиций.

Одними из таких разведчиков-нелегалов и предстояло стать Шамилю Абдуллазяновичу Хамзину и Ирине Каримовне Алимовой.

Из оперативной справки на Ш. А. Хамзина:

«Родился в 1915 году в Архангельске, в татарской семье. В 1923 году семья переехала в Казань, где Хамзин учился в средней школе. После окончания школы он поступил в Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина) на факультет приборостроения. Тема дипломной работы: «Управление с самолета торпедными катерами

по радио». Перед самым началом Великой Отечественной войны получил диплом инженера-электрика. Работал на военном заводе в Москве, где был принят в партию. В 1946 году Хамзину предложили перейти на работу в НКГБ, в одно из подразделений внешней разведки. Окончил специальную разведывательную школу. В совершенстве знает уйгурский, турецкий, арабский, английский и румынский языки, не считая родного татарского и русского».

Профессиональный разведчик Халеф (таким стал оперативный псевдоним Шамиля Хамзина) свободно владел арабским языком и легко мог выдавать себя за араба. Именно поэтому, сразу же после соответствующей подготовки, он начал активно работать с нелегальных позиций на Ближнем Востоке. Однако вскоре Центр принял решение постепенно вывести разведчика в Японию, где он должен был организовать и возглавить работу нелегальной резидентуры.

В 1952 году Халеф под видом уйгура Энвера Садыка приехал в китайскую провинцию Тяньцзинь. Он быстро вошел в местную мусульманскую общину, стал одним из ее руководителей и даже помощником муллы. В дальнейшем к Халефу в Китае должна была присоединиться Ирина Алимова, которой предстояло выдать себя за его невесту. В Японии им необходимо было обосноваться в качестве добропорядочной супружеской пары эмигрантов.

...Дорога в Страну цветущих хризантем началась для Ирины в 1953 году с поездки в Европу. Разведывательных заданий перед ней в ходе той поездки не ставилось: Ирина должна была лишь проверить надежность своих новых документов, вжиться в облик иностранки. Осенью того же года, успешно справившись с поставленными перед нею задачами, Ирина возвратилась в Москву. Ей дали кратковременный отпуск для посещения родных, прожи-

вавших в Ашхабаде. А в самом начале 1955 года молодая разведчица, которой был присвоен оперативный псевдоним Бир, выехала в свою основную командировку.

Путь в Японию был непрост. Сначала нужно было въехать в третью страну, где предстояло прожить несколько месяцев под именем Гюзель. Только убедившись, что ее пребывание там не привлекает внимания местных спецслужб, Бир следовало сменить документы и под соответствующей легендой выехать на восток Китая якобы для встречи с женихом, также «сыном эмигрантов из России», который занимался небольшим бизнесом в Монголии. К нему Бир и ехала, чтобы сочетаться браком.

Прибыв в Турцию, Бир находилась там несколько месяцев, чтобы немного освоиться. После того как стало ясно, что обстановка вокруг нее остается нормальной, Бир самолетом вылетела в китайский город Урумчи, где компактно проживали местные мусульмане. Здесь Бир окончательно доработала свою легенду, согласно которой она являлась дочерью богатого торговца-уйгура и собиралась выйти замуж за уроженца своего родного города Энвера Садыка, с которым была помолвлена.

Убедившись в том, что легенда «срабатывает», а обстановка вокруг нее остается спокойной, Бир в соответствии с планом, разработанным в Центре, поездом отправилась к жениху, которого знала только по фотографии. Их встреча должна была состояться на вокзале портового китайского города Тяньцзинь. Будущий супруг Бир несколько дней подряд приезжал на вокзал, чтобы встретить ее, однако напрасно. В день прибытия «невесты» он также приехал на вокзал, но в справочном бюро ему сообщили, что поезда из Пекина не будет, и он уехал. На самом деле пекинский поезд сильно опоздал, и разведчики не смогли встретиться.

В два часа ночи Бир оказалась одна на перроне вокзала незнакомого города. Убедившись, что ее никто не встречает, разведчица решила отправиться в отель, но тут почувствовала на себе пристальный взгляд полицейского. Неподалеку на площади находился рикша с повозкой, ожидавший пассажиров. Бир подозвала его жестом руки.

Полицейский также тронулся в ее сторону. Когда страж порядка приблизился, Бир сказала по-уйгурски:

— Что-то здесь темно. Не мешало бы улучшить освещение площади.

Услышав знакомую речь, полицейский, оказавшийся тоже уйгуром, улыбнулся и козырнул. А Ирина протянула вещи рикше и небрежно сказала:

— В центральную гостиницу.

В гостинице ей удалось без проблем получить отдельный номер, если так можно назвать комнату, двери которой не имели запоров. Бир, не раздеваясь, села на кровать и стала терпеливо ждать рассвета. Из соседних номеров доносились громкие голоса, выкрики, пение: видимо, подвыпившая компания праздновала какое-то событие.

В пять утра в номер вошел какой-то человек в нижнем белье. Он молча направился к печке в углу комнаты и стал ее растапливать. Сделав свое дело, он так же молча удалился. Бир не произнесла ни слова. Позднее она узнала, что ее поведение было правильным: это истопник гостиницы по очереди затапливал печи в номерах, и всякие разговоры с ним были бы неуместны.

На следующий день Бир по запасному варианту встретила с «женихом» в городе, возле универмага. Через четыре месяца они сыграли свадьбу. Каждый из новобрачных оставил свою фамилию, хотя для окружающих они были Энвер и Хатыча Садык.

Следует подчеркнуть, что уже при первой встрече Бир и Халеф понравились друг другу, а забегая вперед, отметим, что весь долгий срок пребывания в Японии они, став супругами по воле Центра, жили дружно и счастливо, их семейный союз продолжался и после выхода в отставку.

Теперь разведчикам предстоял наиболее трудный этап выполнения задания Центра — они должны были отправиться в Японию, где им предстояло работать. Однако после войны Япония находилась под фактической оккупацией США, и получить разрешение на постоянное проживание там для иностранцев было чрезвычайно трудно.

Новоявленная супружеская пара показала себя радушными и гостеприимными хозяевами. Их большой дом в голландском сэттельменте Тяньцзиня всегда был полон эмигрантами-мусульманами (не забудем, что Халеф был в свое время помощником муллы). Гостеприимство и благожелательность создали супружеской паре прекрасную репутацию. Одна хорошая знакомая, владевшая в Японии маленьким участком земли, предложила супругам Садык купить ее участок. Это обстоятельство значительно упростило разведчикам переезд в Японию. Помогли и запасенные заранее рекомендательные письма — от ряда японских общественных деятелей, с которыми они успели познакомиться, и от религиозных организаций. Сделка по приобретению участка земли в Японии состоялась, и супруги выехали в Гонконг.

Здесь они обратились в американскую миссию Красного Креста с просьбой помочь перебраться в Японию, где у них имеется земельная собственность. Сотрудники миссии, наведя справки, дали супругам рекомендации, они обратились в генконсульство Японии, предъявив рекомендательные письма и документы на земельный участок. Это давало им право получить временный вид на жительство, который следовало продлевать каждый год.

Обосновавшись в Гонконге, являвшемся в то время британской колонией, Бир и Халеф сняли двухэтажный домик и открыли в нем галантерейный магазин. Поначалу дела «коммерсантов» шли не очень успешно: сказывался недостаток опыта. Однако Бир занялась вышиванием и наладила изготовление воротничков, которые были в моде и пользовались спросом. Чтобы завести полезные знакомства, разведчики-нелегалы регулярно посещали местный американский клуб, Бир записалась также в женский клуб.

Через полтора года разведчики, используя появившиеся связи, получили, как уйгуры-беженцы из Китая, гражданство Тайваня и паспорта, с которыми можно было ездить по всему миру.

Все складывалось довольно удачно. Однако вскоре Бир и Халеф заметили пристальное внимание к себе со сторо-

ны британской контрразведки. Ее агенты появлялись в различное время суток возле дома нелегалов, под надуманными предложениями заходили в дом в отсутствие хозяев, опрашивали прислугу об их образе жизни, привычках, знакомых. Это серьезно встревожило разведчиков, они терялись в догадках относительно повышенного внимания к ним со стороны местных спецслужб. Однако довольно быстро выяснилось, что один из эмигрантов из России, человек с темным прошлым, невзлюбил их и стал открыто говорить в клубе, что они — не те люди, за которых себя выдают. Узнав об этом, Бир пошла в посольство Тайваня и попросила защитить ее семью от оскорблений эмигранта-белогвардейца. Этот шаг принес результаты: слежка за ними заметно ослабла, а вскоре и вовсе прекратилась.

Осенью 1954 года Бир и Халеф под видом торговцев продуктами питания выехали из Гонконга в Японию. Они следовали через японский порт Кобе, расположенный на западном побережье страны. При пересечении границы разведчики использовали тайваньские паспорта.

До 1945 года Тайвань был колонией Японии. В результате безоговорочной капитуляции японской военщины в сентябре 1945 года колониальный статус этого острова был отменен. Однако вне Японии остались тысячи людей, которые имели японские и тайваньские паспорта и намеревались возвратиться в «страну Ямадо». Для них был установлен более либеральный въездной режим по сравнению с гражданами других стран. Этим и воспользовались Бир и Халеф.

Перед отъездом в страну своей разведывательной деятельности нелегалы встретились с представителем Центра, который, дав им последние инструкции и наставления, сказал: «Мы потеряли в Японии связь со всей агентурой. Информация по проблемам данной страны не поступает в Москву вот уже несколько лет. Некоторое время вы будете там единственными источниками информации. На вас возлагаются большие надежды».

Прибыв в Японию, супруги Садык обосновались на некоторое время в портовом городе Кобе. Они продали за приличную сумму участок принадлежавшей им земли и

на вырученные деньги приобрели небольшой двухэтажный дом. Первый этаж они заняли сами, а второй сдали двум американцам.

Пройдя «период акклиматизации», Халеф и Бир переехали в Токио, где стали компаньонами в одной из экспортно-импортных фирм. Они купили двухэтажный дом и открыли на первом этаже собственный магазин. Фирма и магазин являлись для супругов надежным прикрытием в их разведывательной деятельности.

Перед нелегалами были поставлены следующие основные разведывательные задачи: собирать информацию относительно перевооружения Японии, наблюдать за процессом формирования японских сил самообороны и развитием двусторонних связей с США в военной области. В одной из шифровок Центра они были конкретизированы следующим образом:

«Предметом особой заинтересованности на ближайшее время должны стать следующие вопросы:

1. Взаимоотношения Японии с США: насколько они тесны, в каком русле будут впредь развиваться;
2. Политика Японии в отношении СССР;
3. Насколько сильны тенденции милитаризации экономики и воссоздания армии: ее структура, финансирование, вооружение, возможные планы совместных учений и боевых действий с США».

Разведчики приступили к выполнению заданий Центра. Учитывая, что Москву в первую очередь интересовали планы США по ремилитаризации Японии и втягиванию ее в военные блоки, они сосредоточили свое внимание на данной проблеме. Вскоре Бир сообщила в Центр:

«Под видом создания новых полицейских отрядов в Японии началось интенсивное увеличение армии. Планы милитаризации Японии

держатся в глубокой тайне, ибо это является серьезным нарушением взятых Токио на себя обязательств по демилитаризации страны в ходе международной конференции в Сан-Франциско. В ближайшие годы предполагается таким образом увеличить численность японской армии вдвое. Правительством страны заключены секретные контракты с целью развития военной промышленности. Местной прессе запрещено публиковать какую-либо информацию по данной проблеме».

Такие сообщения представляли исключительную важность, поскольку о милитаризации Японии Москве в то время было известно очень мало.

Бир выполняла в первую очередь обязанности радиста-шифровальщика нелегальной резидентуры. Однако эта довольно объемная работа не освобождала ее от необходимости периодически решать конкретные разведывательные задания Центра. Одновременно Бир вела активное изучение перспективных кандидатов на вербовку, поддерживала связь с агентами — источниками информации, обрабатывала поступавшую в резидентуру разведывательную информацию и готовила оперативные письма в Центр.

В 1955 году она радировала в Центр: «Стало известно, что в обстановке секретности спущена на воду подводная лодка нового типа, оснащенная новейшим оборудованием».

Эту информацию разведчики смогли получить благодаря знакомству с американским солдатом турецкого происхождения. «Торговая компания» супругов Садык стала вторым домом для прибывавших в Японию на отдых турецких военнослужащих. Во время войны в Корее на Корейском полуострове под флагом ООН находился контингент турецких войск. После подписания соглашения о перемирии в Корее в 1953 году эти военнослужащие вошли в контингент ООН по поддержанию мира. Бир и Халеф свободно владели турецким языком, поэто-

му неудивительно, что турецкие военнослужащие проявляли к ним интерес.

Приглашая к себе в гости турецких офицеров, разведчики-нелегалы получали от них интересующую Москву информацию. Для заведения полезных контактов и получения важных сведений о действиях войск США в Южной Корее Бир использовала также общественный женский клуб, в котором за чашкой чая собирались жены иностранных дипломатов и офицеров.

Получаемую таким образом устную информацию разведчики в большинстве случаев перепроверяли визуально. Однажды после такой проверки они возвращались домой ночью в сильный ливень по сельской дороге, которая проходила через гористую местность. На размытой дороге Халеф не справился с управлением, машину занесло, и она стала медленно сползать под откос.

— Прыгай! — приказал Халеф.

— Прыгай сам, ты нужнее! — возразила Бир.

— Прыгай! — закричал Халеф, пытаясь справиться с непослушным рулем.

Бир открыла дверцу автомашины и выпрыгнула, вслед за ней успел выскочить и Халеф. К счастью, разведчики-нелегалы отделались легкими ушибами, а машину удержало росшее чуть ниже дерево.

Супруги переночевали в ближайшем поселке, а утром, оставив свой автомобиль работникам из ближайшей автомастерской и взяв машину напрокат добрались до Токио. Задание Центра было выполнено в срок и без серьезных потерь.

Были в их разведывательной практике и другие подобные случаи. Однажды Халеф, попал в автокатастрофу, получил травму ноги и не мог ходить, а в тот вечер ему предстояло заложить в тайник контейнер с материалами, предназначенными для Центра.

Бир вызвалась заменить мужа при выполнении этой разведывательной операции.

— Как ты поедешь одна, поздней ночью в глухой городской район, в котором и днем-то трудно разобраться в лабиринте улочек? — спросил он.

— Другого выхода нет: мы не можем сорвать операцию, — спокойно возразила она. — Ничего, как-нибудь разберусь, все будет нормально.

В нужный район Бир добралась около полуночи. Возле остановки городского транспорта спали бездомные, забравшись в картонные коробки, и к месту закладки тайника ей пришлось идти, перешагивая через их торчащие ноги. Прохожие в ночное время старались обходить стороной этот беспокойный квартал. Именно это и давало шанс на то, что закладка тайника останется незаметной и не привлечет внимания посторонних.

Бир успешно выполнила задание, и вскоре в Центр ушла важная телеграмма, подписанная коротким псевдонимом разведчицы:

«Хорошо информированный источник сообщает о планах создания американцами новой замкнутой военно-политической группировки, в которую могут войти Япония, Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Новая Зеландия и Австралия. Переговоры, возможно, состоятся в Сеуле или Бангкоке. Создание такой группировки явится серьезным дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Азии».

Это была информация, как говорится, на опережение. Последующее развитие событий полностью подтвердило сведения разведчиков. На учредительной конференции, которая проходила 14—16 июня 1966 года в Сеуле (Южная Корея) и в которой приняли участие министры иностранных дел перечисленных в телеграмме стран, была создана новая военно-политическая группировка, тесно связанная с США, — Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК).

На счету у Бир и Халефа было множество успешных разведывательных операций. Достаточно сказать, что их оперативное дело состоит из двадцати двух томов общим объемом свыше семи тысяч страниц! В нем сосредото-

чены донесения разведчиков, поступившие на Лубянку за тринадцать с лишним лет их нелегальной работы в Японии.

Из документов переписки Бир и Халефа с Центром следует, что одним из серьезных достижений разведчиков было приобретение ими сделанных с воздуха фотоснимков военных баз США в Японии, мест дислокации японских сил самообороны и их военных аэродромов. Все эти сведения, переданные нелегалам надежным источником, получили самую высокую оценку Центра, ибо в ту пору у Москвы не было ясного представления о военных программах Токио и о степени их угрозы Советскому Союзу.

Бывали и другие случаи, когда разведчики получали крайне важную документальную информацию, насчитывавшую не один десяток страниц. Документы срочно фотографировались и в непроявленной пленке передавались связнику Центра. Позже Бир вспоминала, как ее муж заболел, а ей пришлось поздно ночью встречаться со связником в районе императорского парка. Было темно, идти туда было страшно, к тому же на встречу пришлось добираться пешком.

По дороге к месту встречи Бир беспокоил лишь один вопрос: что делать с материалом, если случится что-то непредвиденное? Однако все прошло благополучно: слежки за собой Бир не обнаружила, связник прибыл на место встречи в точно назначенное время.

За все время пребывания в Японии Бир и Халеф лишь один раз были в отпуске на Родине. Эта путешествие до Москвы заняло немало времени. Чтобы сбить спецслужбы противника со следа, разведчики туристами выехали в Европу, посетили Францию, Испанию, Италию, Швейцарию... Поскольку жители Японии являются мировыми лидерами в области туризма и любят колесить по всему свету, подобная поездка разведчиков-нелегалов не привлекла внимания спецслужб. В Советский Союз они прибыли тайно, через нейтральную страну. А из Москвы в родной Ашхабад летели уже вполне легально, с советскими документами.

Разведчикам показалось, что отпуск пролетел как один день. В Японию они добирались снова через Западную Европу. Потом долго рассказывали знакомым и друзьям о красотах Венеции, соборах Рима, достопримечательностях «столицы мира» Парижа...

Снова началась повседневная кропотливая работа. Даже дома, оставшись наедине, они не могли расслабиться и разговаривали только по-уйгурски.

«Однажды мы пошли в кино на советский фильм, — вспоминала позже Ирина Каримовна. — Только в середине фильма я заметила, что, прекрасно понимая русскую речь, все же добросовестно читаю титры на японском языке и по этим титрам воспринимаю его».

Хотя слежки за разведчиками не отмечалось, они постоянно были начеку. Однажды в поездке по Японии они остановились в гостинице и решили провести небольшой эксперимент. Поставили телефонный аппарат на диван и закрыли его подушкой. Через некоторое время в дверь номера вежливо постучали, вошел молодой человек, представился телефонистом и, извинившись, сказал, что хочет проверить, как работает телефонный аппарат.

Работа на износ сказалась на здоровье Бир. И вот после длительного пребывания в Стране цветущих хризантем разведчики наконец получили долгожданную телеграмму из Центра, в которой сообщалось, что вскоре они могут возвратиться на Родину.

Путь супругов в Москву вновь лежал через Европу. Бир и Халеф уезжали тихо, с одним чемоданом. Для знакомых это была обычная деловая поездка, связанная с делами их торгового дома. Жарким летом 1966 года в московском аэропорту Шереметьево их встречал представитель нелегальной разведки, который поздравил супругов с успешным завершением служебной командировки.

В 1967 году майор Алимова вышла в отставку. Ее муж Хамзин Шамиль Абдуллазянович еще неоднократно выезжал в служебные заграничные командировки для выполнения специальных заданий Центра, в том числе — по восстановлению связи с ценными источниками в странах со

сложной оперативной обстановкой. От него в Центр поступала важнейшая информация о создании в странах НАТО «оружия первого удара». Он также получил сведения о секретных работах по созданию атомного оружия в тех странах, которые его не имели. В общей сложности Ш. А. Хамзин провел на нелегальной работе в различных странах более двадцати лет. В 1980 году он вышел в отставку в звании полковника. Скончался в 1991 году.

За успешное выполнение специальных заданий майор Алимова была награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Ее муж полковник Хамзин — орденами Красногo Знамени и Трудового Красного Знамени, а также медалью «За боевые заслуги».

Выйдя в отставку, Ирина Каримовна не прекращает активной общественной работы. Она встречается с молодыми разведчиками, журналистами, писателями. В ходе одной из бесед с генералом В. Г. Павловым, бывшим одно время ее непосредственным начальником в Центре, Ирина Каримовна подчеркивала:

«Я всю жизнь играла очень трудную роль, только без дубляжа и суфлеров. Ошибиться было нельзя — за нами стояла огромная страна, которая не должна была пострадать из-за наших срывов. Мы с Халефом самозабвенно отдавались своей работе разведчиков. Что касается трудностей и нервного напряжения, то их было много. Но ведь и в любой другой профессии их, своих трудностей, хоть отбавляй. И сейчас я могу с уверенностью сказать, что если бы пришлось жить заново, я снова избрала бы прежний путь».

НЕЛЕГАЛЫ НА СВЯЗЬ НЕ ВЫШЛИ

Вечером 9 октября 1970 года в квартиру владельца небольшой экспортно-импортной конторы в Буэнос-Айресе Ладислао Мескониса ворвались вооруженные агенты аргентинской службы безопасности СИДЕ. Хозяин квартиры, готовившийся к поездке в Чили, в это время принимал душ. Аргентинские контрразведчики связали руки Месконису брючным ремнем и вывели его в гостиную, где было полно народу, в том числе — представители вездесущего ЦРУ США. Вместе с Ладислао была арестована и его жена Ирма-гард, а также их малолетние дочери, старшей из которых было шесть лет, а младшей — всего девять месяцев. При допросе в полицейском участке Месконису и его жене было предъявлено обвинение в принадлежности к советской нелегальной разведке. Разведчикам стало ясно, что их провал — результат предательства. Однако чтобы доказать это, Вадиму Михайловичу и Ларисе Васильевне Майоровым потребовалось более двадцати лет.

Со своим будущим мужем Вадимом Майоровым Лариса познакомилась в середине 1958 года на свадьбе у подруги. Вадим, родившийся в 1932 году на Украине, успел к этому времени окончить Ленинградский институт КГБ, который готовил переводчиков, и двухгодичную школу внешней разведки. Учеба давалась ему легко, и он в совершенстве овладел английским, французским и греческим языками. После окончания Высшей разведывательной школы в 1957 году Вадиму предложили позаниматься по индивидуальной программе. Он понял, что речь идет

о возможной работе с нелегальных позиций, и дал на это свое согласие. К моменту знакомства с Ларисой подготовка Вадима к выезду в заграникомандировку по линии нелегальной разведки близилась к завершению.

Вадим сразу обратил внимание на прелестную блондинку и протанцевал с ней весь вечер. Молодые люди стали встречаться, вдвоем им было хорошо и интересно. Однако вскоре в их отношениях произошел непредвиденный перерыв: Лариса не смогла прийти на очередное свидание, а буквально на следующий день сам Вадим, в соответствии с разработанной для него оперативной легендой-биографией, уехал в дальний подмосковный совхоз, чтобы освоить специальность механизатора сельского хозяйства, научиться управлять различной сельскохозяйственной техникой. Эти навыки должны были пригодиться ему в ходе предстоящей заграникомандировки.

Вновь они встретились только через несколько месяцев и больше не расставались. Лариса — коренная москвичка, закончила медицинское училище. Мечтала о медицинском институте, но решила пройти по ступеням профессии от начала до конца. Работала в одном из медицинских научно-исследовательских институтов, занимавшихся проблемами борьбы с полиомиелитом.

...Свадьбу молодые люди назначили на середину 1959 года, но даже и тогда Вадим, не имея на то разрешения руководства, не сказал Ларисе, к какой работе готовится.

После свадебного путешествия по Кавказу молодые решили завернуть в украинский город Умань, где проживали мать, бабушка и младший брат Вадима. Отца его к тому времени не было в живых: он погиб в автомобильной катастрофе в 1954 году. Лариса понравилась родным Вадима.

Руководители Вадима Майорова положительно отнеслись к его женитьбе. Поскольку его подготовка в качестве сотрудника нелегальной разведки близилась к завершению, было принято решение направить Веста (оперативный псевдоним разведчика) в долгосрочную командировку на первом этапе одного. Ему предстояло сначала осесть в Аргентине, а затем перебраться в Соединенные

Штаты. Такое решение объяснялось прежде всего тем, что после провала в США разведчика-нелегала Рудольфа Абеля оперативная работа в этой стране была сильно затруднена, и Центр стремился как можно быстрее восполнить понесенные разведкой потери.

Настало время, и Ларису вызвали на Лубянку. Узнав, что мужу предстоит работа в нелегальных условиях, она сразу твердо заявила: поеду с ним.

Руководство решило организовать индивидуальную подготовку Ларисы, а затем направить ее к мужу в качестве радиста-шифровальщика и оперативного работника нелегальной резидентуры. Пройденные ею тесты показали, что у нее оказалась необыкновенная способность к языкам. Подготовка будущей разведчицы-нелегала заняла почти три года. Согласно разработанной в Центре легенде Лариса должна была стать уроженкой Германии; стажироваться ее направили в ГДР. Она изучала и английский язык, который был необходим для будущей работы в США. Одновременно Лариса осваивала портативную радиостанцию, обучалась шифровальному делу и прочим премудростям разведывательной работы.

А в это время муж Ларисы, отслужив положенный срок в аргентинской армии, работал механиком в авторемонтной мастерской. В начале 1963 года Вест получил радиограмму из Центра. В ней говорилось: «Ваша жена успешно готовится к выезду, надейтесь на скорую встречу с ней». План этой встречи Вест прорабатывал вместе с Центром. Исподволь он стал готовить свое окружение к предстоящему отъезду в Европу. Получил расчет в авторемонтной мастерской, устроил прощальный ужин. В середине июня 1963 года пароходом «Прованс» он отбыл в Европу. Путешествие длилось две недели, и уже в первых числах июля Вест прибыл во Францию. Из Марселя поездом он отправился в Париж, а оттуда — в Швейцарию, где должна была состояться его встреча с женой.

Обосновавшись в Женеве, Вест получил очередную радиограмму Центра, где сообщалось, что выезд его жены намечен на август месяц. Условия встречи сообщат дополнительно. У разведчика оказалось в запасе свобод-

ное время, которое он решил использовать для знакомства со страной. Один раз в две недели Центр выходил на связь с нелегалом. И вдруг Вест узнает: его жена в Дании и ожидает встречи с ним! Оказалось, что путешествуя по Швейцарии, он остановился в отеле, расположенном у самого подножия горы. Из-за плохой слышимости передатчика Центра, вызванной горным рельефом местности, он пропустил последнюю радиограмму. Только ее повтор все поставил на свои места.

Вест срочно вылетел в Копенгаген, где снял комнату в центре города. С Ларисой он смог встретиться только на третий день ее пребывания в датской столице.

Веста (оперативный псевдоним Ларисы) прибыла в Копенгаген из Западного Берлина. До этого она почти два с половиной года находилась в ГДР.

Вначале Веста проживала в Лейпциге, где снимала комнату у пожилой женщины, выдавая себя за русскую немку. Со смехом Веста рассказывала позже, что ее старушка-хозяйка относилась к ней испуганно-недоверчиво, поскольку разведчица избегала компаний мужчин. По ночам добропорядочная фрау даже поднималась к ней в комнату со свечой в руках, чтобы убедиться, что молодая и красивая женщина находится в спальне одна, а не привела к себе какого-нибудь бравого бурша.

Спустя некоторое время Веста устроилась на работу воспитательницей младших классов в немецкой школе и вскоре через своих учеников нашла другую комнату, которую сдавала в наем семья одной из ее учениц. Здесь обстановка была уже более спокойной: глава семейства, являвшийся членом СЕПГ, навел справки о своей жилищке в «компетентных органах» и, получив положительный отзыв, не докучал ей нескромными вопросами.

В Лейпциге Веста провела полгода и совершенно освоилась в немецкоязычной среде. Это было необходимо для закрепления начальной легенды-биографии, в соответствии с которой она являлась немкой по происхождению, приехавшей в ГДР из России.

Затем Веста по указанию Центра сменила документы и появилась в Дрездене в качестве дипломированной медсестры, проработавшей якобы некоторое время в одной из лейпцигских больниц. Там действительно работала девушка, внешне очень похожая на Весту, которая уволилась и переехала на жительство в Магдебург. В случае проверки контрразведкой противника эту информацию могли бы подтвердить другие медицинские работники.

В Дрездене Веста самостоятельно устроилась на работу в большой госпиталь. Ее хорошо приняли, обеспечили жильем. В первый же день она вышла на ночное дежурство в послеоперационном отделении, поскольку госпиталь испытывал острую необходимость в младшем медицинском персонале. Первое «боевое крещение» Веста выдержала успешно, хотя ночное дежурство оказалось нелегким: в отделении было много тяжелых больных. Всю ночь напролет разведчица бегала из палаты в палату, делала уколы, выполняла обязанности санитарки и уборщицы.

Весту поселили в комнате на последнем этаже госпиталя, которую она делила с молодой медсестрой Сабиной. Очень скоро они подружились. У Сабины был брат, которому Веста понравилась, и он начал за ней ухаживать. Однако разведчица, сославшись на то, что у нее есть жених в Берлине, отвергла ухаживания симпатичного молодого человека. Свои поездки в Берлин для встречи с кураторами она легендировала перед Сабиной и ее братом свиданиями со своим женихом. Впоследствии, когда у Весты в Аргентине родилась первая дочь, она назвала ее Сабиной в честь своей немецкой подруги.

Кураторы разведчицы в Берлине и Дрездене иногда передавали ей приветы от мужа. Однажды даже вручили письмо, написанное по-английски.

Накануне отъезда к мужу Весту отозвали в Москву для беседы с руководством нелегальной разведки. Она повидалась с родителями, отдохнула на море. Перед тем как покинуть Москву, Веста получила последние наставления относительно будущей работы.

Прилетев в Копенгаген, разведчица сняла комнатку в частном доме, приобрела карту города, нашла на ней улицу и дом, где ей было необходимо оставить сигнал о своем прибытии, а вечером вышла на явку с мужем. Но на первую встречу он не явился. Не пришел и на второй день. Веста сильно волновалась, в первую очередь за мужа. О себе она не думала — путь к возвращению на случай непредвиденных обстоятельств для нее был проработан до мельчайших деталей. Наконец долгожданная встреча произошла. Прогулявшись немного по уютным улочкам датской столицы, супруги взяли такси, заехали на квартиру Весты, забрали ее вещи и отправились на квартиру мужа.

Далее путь разведчиков лежал в Лондон. В британской столице, в соответствии с разработанным планом, им предстояло оформить свой брак и затем отбыть в Аргентину для работы в нелегальных условиях уже в качестве законных супругов.

Остановившись в недорогой лондонской гостинице, Весты спокойно прожили там положенные по закону для заключения брака между иностранцами двадцать девять дней. Они впервые очутились в англоязычной стране, и оказалось, что их знание этого языка было на довольно высоком уровне. Учреждение, в котором оформлялись соответствующие документы, располагалось в центре Лондона, в районе Вестминстера. Явившись туда, разведчики обратились к чиновнику с просьбой зарегистрировать их брак.

Чиновник поинтересовался, впервые ли они вступают в брак, и пояснил, какие требуются документы. Оказалось, что Вест должен представить выписку из регистрационного журнала гостиницы, подтверждающую, что они действительно проживали там все двадцать девять дней безвыездно. Невеста же должна была представить справку из западногерманского консульства о том, что оно не имеет возражений против ее замужества. В инструкциях Центра ничего не говорилось относительно посещения западногерманского дипломатического представительства, поэтому разведчики решили действовать на свой страх и риск.

А риск действительно был: вдруг бдительные чиновники заинтересуются документами Весты и начнут их проверять. Посоветовавшись, разведчики решили, что в консульство зайдет только Вест, причем минут за десять до обеденного перерыва. Так они и сделали. Выяснив заранее расписание работы консульства ФРГ, Вест явился туда с паспортом супруги ровно за десять минут до перерыва. Ему удалось без труда получить необходимую справку, поскольку консульский чиновник собирался отобедать со своим приятелем и не стал задавать лишних вопросов.

После соблюдения необходимых формальностей супруги венчались в маленькой лютеранской церкви на окраине Лондона. Это должно было упрочить их положение в глазах окружающих. Кроме того, венчание в церкви избавляло молодоженов от сбора дополнительных справок. После венчания они вновь посетили бюро регистрации брака среди иностранцев. Им было предложено явиться через три дня за получением свидетельства о браке.

В назначенный день Весты появились в офисе. Они торжественно поклялись на Библии, что представили подлинные документы, после чего на их церковном свидетельстве о браке был поставлен штамп о регистрации брака в лондонской городской управе. Так супруги-нелегалы во второй раз оформили законный брак, на сей раз в Лондоне.

Отметив это событие скромным ужином при свечах в ресторане, супруги через несколько дней отправились к месту предстоящей работы. Путь в Буэнос-Айрес был непростым, как и вся работа разведчиков-нелегалов. Сначала они отбыли в Грецию, где по указанию Центра провели два месяца. До Греции добирались через Францию, Швейцарию, Италию. Из итальянского порта Венеция пассажирским теплоходом «Св. Марк» прибыли в Пирей, а затем перебрались в Афины. Пребывание в этой стране Весту было необходимо для дополнительного совершенствования греческого языка. Там же была назначена контрольная явка, а также планировалось проведение тайниковой операции.

На явку в Афинах разведчики выходили раз в неделю, однако к ним никто так и не пришел. В подобранный Центром тайник они заложили отчет об отработке легенды Весты в Европе, подробно описали свое бракосочетание, рассказали о заведенных полезных контактах. Вскоре Центр дал по радио указание обосноваться в столице Уругвая — Монтевидео, рассматривая пребывание в этом городе как промежуточный этап на пути в Аргентину.

Они добрались на теплоходе до Монтевидео, где встретили новый, 1964 год. На окраине города сняли квартиру. Вскоре состоялась их встреча с курьером Центра, который передал разведчикам указание выехать в Аргентину, обосноваться там и получить аргентинское гражданство для Весты. Примерно через месяц, завершив дела в Уругвае, супруги выехали в Буэнос-Айрес, который находился на другом берегу реки Ла-Плата, разделяющей Аргентину и Уругвай. Веста довольно быстро освоила испанский язык. А ее муж, который уже пожил в Аргентине и послужил в армии, говорил на нем как на родном.

Весту удалось по объявлению устроиться на работу на механический завод. Вскоре его жена получила аргентинское гражданство. Таким образом, разведчики выполнили первое задание Центра по легализации в Аргентине. Однако работа на механическом заводе была утомительной, она мешала Весту выполнять разведывательные задания, и в ноябре 1964 года он уволился. Разведчики, ожидавшие прибавления в семье, стали подыскивать частное дело, которое могло бы послужить надежным прикрытием для их нелегальной работы. С одобрения Центра они решили приобрести небольшой бар-ресторан.

Следует отметить, что одним из долгосрочных заданий, которое Центр поставил перед разведчиками, был поиск бывших военных преступников. А в Аргентине и Уругвае после войны осело немало бежавших от расправы нацистов.

На приобретение бара Москва передала через тайник необходимую сумму в долларах. В шифровке Центра были высказаны рекомендации относительно покупки подходящего заведения в пригороде Буэнос-Айреса, засе-

ленном выходцами из Европы, в том числе немцами. Среди них было немало нацистов, скрывавшихся от правосудия.

Выбор разведчиков пал на закусочную «Лассо», расположенную в рекомендованном Центром районе. Напротив закусочной размещался полицейский участок. С точки зрения возможного заведения полезных контактов и обеспечения безопасности будущих посетителей это устраивало разведчиков. Центр дал добро на приобретение закусочной, и вскоре сделка состоялась. Супруги решили переоборудовать закусочную в бар-ресторан с немецким названием «Цур Глокке» («К колокольчику»).

В конце 1964 года у счастливых супругов появилась первая дочка, Сабина. Рожала Веста в немецком госпитале, поскольку по документам была немкой. Накануне этого события супруги обсудили все возможные варианты родов. Веста приняла решение, что в любом случае рожать будет без наркоза. Кричала она по-немецки...

Однажды Веста приехала в бар вместе с дочуркой, уже научившейся сидеть. Неожиданно туда зашло семейство Крамеров, которые решили познакомиться с «соотечественниками». Веста понравилась немцам, они подружились, и Крамеры стали приводить в ресторанчик своих многочисленных друзей и знакомых.

Постепенно дело наладилось. В заведении всегда было много посетителей, особенно по вечерам. Бар-ресторан стал приносить неплохой доход. Супруги сняли хорошую квартиру, открыли счет в престижном банке и купили автомобиль.

В ресторанчик «К колокольчику» часто заезжал поужинать маленький, сухонький старичок, которого другие немцы называли «профессором Линксом из Вены». Вел он себя тихо, не привлекал излишнего внимания окружающих. Однако проверка Центра показала, что в прошлом этот старичок был опытным агентом гестапо, занимался выявлением антинацистски настроенных лиц среди австрийской интеллигенции.

Веста как-то обратила внимание, что к профессору Линксу проявляет повышенный интерес немецкий еврей

по фамилии Коэн. Вел он себя как профессиональный разведчик. Однажды она увидела, что профессор сообщает Коэну какую-то информацию, а тот рисует какой-то чертеж на бумажной салфетке. После окончания беседы Коэн передал Линксу конверт, скорее всего с денежным вознаграждением. Своими наблюдениями Веста поделилась с мужем. Воспользовавшись тем, что профессор вышел на время из зала в туалет, Вест под видом уборки стола забрал салфетку, которая находилась под той, на которую наносился чертеж. Дома разведчики с помощью специальных средств установили, что это был чертеж тайного убежища нацистских преступников, укрывшихся в Аргентине.

Ночью, во время очередного сеанса связи с Москвой, Веста радировала в Центр:

«Во время игры в шахматы Линкс передал Коэну какую-то информацию о нацистских преступниках. По оставленной на салфетке давленке нам удалось восстановить чертеж, составленный Коэном с помощью Линкса (высылаем почтой). Полагаем, что под названием «Поместье Исабель» имеется в виду тайное убежище для нацистских преступников, скрывающихся на юге страны, в частности в районе города Сан-Карлос, и в Чили. Через несколько месяцев планируем взять двухнедельный отпуск, чтобы совершить поездку на машине в указанный район. Просим вашего разрешения провести визуальную разведку объекта».

Центр оперативно дал положительный ответ на предложение разведчиков, обратив их внимание на необходимость соблюдения максимальной осторожности. Вскоре Весты получили секретные данные о колонии «Дигнилад» («Достоинство»), основанной нацистами на территории Чили. Им удалось проникнуть в тайны деятельности организации, объединявшей в своих рядах нацистских преступников, скрывавшихся от правосудия на территории

Аргентины. Разведчики также установили связника нацистов, совершавшего под видом коммерсанта поездки по маршруту Сан-Карлос — Буэнос-Айрес — Франкфурт — Цюрих. Центр высоко оценил всю информацию о бывших нацистах, которая в дальнейшем была им использована для реализации отдельной разведывательной операции.

В середине 1967 года Вестам разрешили выехать в Москву в отпуск. Они продали свой бар и самолетом «Люфтганзы» вылетели через Дакар в Швейцарию. Там они взяли билеты на Копенгаген, где встретились с представителем Центра, который передал разведчикам матросские книжки членов экипажа советского теплохода. С этими документами разведчики должны были прибыть в Советский Союз.

В Копенгагене на явку с супругами вышел сотрудник резидентуры внешней разведки, который проинструктировал, как вести себя на теплоходе во время плавания. Он помог им подняться на борт теплохода и проводил разведчиков в каюту. «Какой обаятельный молодой человек, — сказала Веста мужу. — Первый советский человек, которого встретила за столько лет, и такой славный!» Она пока еще не знала, что этим «славным человеком» был предатель Олег Гордиевский, в то время он уже работал на датскую контрразведку ПЭТ, а затем был перепродан ею англичанам. Именно им он позже выдаст Вестов. Англичане, в свою очередь, сообщат о советских нелегалах американской разведке, которая организует их арест и незаконный вывоз в США. Но это произойдет через несколько лет.

Весь путь до Ленинграда разведчики, согласно полученным инструкциям, отсиживались в каюте. Наконец теплоход пришвартовался в порту города на Неве. Там их встретили родители и куратор из управления нелегальной разведки. На другой день, утром супруги и встречавшие их выехали в Москву. Поскольку возникли опасения, что дочь нелегалов может воспринять русскую речь (им ведь предстояло возвращаться назад, а случайно оброненное ребенком русское слово могло выдать разведчиков), Ве-

ста отвезла девочку в ГДР, где она в течение месяца проживала в немецкой семье, а сама уехала домой, к родителям. В Центре Веста и ее муж отчитались о проделанной работе и получили очередные инструкции. После отдыха разведчики вновь кружным путем отправились в Аргентину. Попутно супруги навестили мать их аргентинского друга Крамера, проживавшую в Гамбурге, рассказали о своей жизни и дружбе с ее сыном, передали от него приветы и подарки. В Буэнос-Айресе их встречал сам Крамер, растроганный вниманием, проявленным к его матери.

Через несколько дней после приезда «домой» разведчики оставили дочь на попечение няни, а сами отправились проводить тайниковую операцию. Описание тайника было передано ими в Центр еще до поездки в Москву. По уже отработанным в таких случаях действиям, Веста поставила сигнал о вложении в тайник, а ее муж проверил наличие сигнала о выемке из тайника. Однако последнего сигнала разведчики не обнаружили. Через некоторое время они посетили место закладки тайника и установили, что он был кем-то изъят.

Разведчики немедленно сообщили в Центр о случившемся и получили ответ, что сотрудник резидентуры в тот день на тайниковую операцию не выходил. Это означало, что тайник изъят кто-то посторонний. В соответствии с имевшимися на такой случай указаниями, Вест сразу же изъят из основного тайника хранившуюся в нем быстроедействующую радиостанцию и перепрятал ее в другое место. В ходе этих операций он дважды замечал какого-то человека, совершавшего прогулку верхом на лошади. Целый месяц разведчики находились в сильном напряжении, однако больше ничего подозрительного не обнаружили.

Прошло некоторое время, и супруги начали предпринимать шаги для выполнения задания Центра, связанного с переездом на жительство в США. В первую очередь Весту было необходимо устроиться на фирму, имевшую выходы на США и Канаду. Они разыскали по объявлению такую фирму, которая находилась еще в стадии со-

здания, и Вест был принят туда на работу. В перспективе намечалась поездка представителей фирмы в Нью-Йорк для переговоров о сотрудничестве, а поскольку среди ее служащих никто, кроме Веста, английским языком не владел, правление наметило направить его на эти переговоры.

Работая на фирме, Вест познакомился с приезжавшим из США американцем по имени Фрэнк, который сообщил ему по секрету, что занимается бурением шахт для установки стратегических ракет «Минитмен», нацеленных на СССР, и указал места их расположения. Центр высоко оценил полученную Вестом информацию и рекомендовал ему использовать поездку в Соединенные Штаты для укрепления личного контакта с Фрэнком.

Однако пока решались организационные вопросы, готовились образцы продукции фирмы, предназначенной для американского рынка, из Нью-Йорка пришел ответ, что руководитель фирмы-контрагента находится в Европе и в ближайшее время принять делегацию не сможет.

В конце 1969 года у супругов родилась вторая дочь — Александра. Дела у разведчиков шли своим чередом: Вест продолжал расширять круг своих связей, в первую очередь среди американцев, а Веста поступила учиться в университет на факультет журналистики.

Летом 1970 года Весте сообщили о том, что тяжело заболела ее мать. С разрешения Центра она вылетела в Москву, оставив детей с отцом. Веста повидалась с матерью, прошла дополнительную разведывательную подготовку. С ней были отработаны новые, более совершенные условия связи, она изучила современный радиопередатчик, другую специальную технику, в деталях ознакомилась с условиями жизни в США с учетом предстоящего перебазирования в эту страну. Разведчице сообщили, что ей присвоено воинское звание лейтенант.

18 сентября 1970 года Веста вернулась в Буэнос-Айрес. В этот же день, оставив детей с няней, супруги отправились на автомашине на пустынный пляж, чтобы обсудить последние новости и рекомендации Центра, привезенные Вестой из Москвы.

Они часто обсуждали важные вопросы на природе, чтобы исключить возможность прослушивания их разговоров в квартире. Прогуливаясь по дороге вдоль пляжа, разведчики обратили внимание на то, что пассажиры из проезжавшей мимо автомашины внимательно их рассматривают. Весте показалось это подозрительным, и она поделилась своими опасениями с мужем. В ответ супруг рассказал ей, что незадолго до ее приезда какие-то неизвестные лица пытались проникнуть в гараж, где находилась их автомашина. Разведчики сошлись во мнении, что по каким-то, пока не известным им причинам, они могли попасть в поле зрения местных спецслужб. А случай со взломом гаража в этой связи более походил на попытку контрразведки установить на их автомашине радиомаяк, нежели на какой-то криминальный акт.

Поскольку обстановка вокруг нелегалов вновь серьезно осложнилась, они подробно проинформировали Центр о своих подозрениях и попросили прислать специалиста для проверки автомашины на предмет наличия радиомаяка. Центр пообещал в скором времени организовать необходимую проверку и, в свою очередь, поставил перед Вестом задание выехать в командировку в Чили, где готовились выборы Сальвадора Альенде.

После возвращения Весты из Москвы прошло три недели. Все это время разведчики внимательно отслеживали подозрительные моменты, однако все казалось спокойным. Чтобы выполнить поручение Центра, Вест заказал билет на самолет до Сантьяго, который ему должен был принести на дом знакомый сотрудник бюро путешествий. Однако в обговоренное с ним время вместо представителя туристического агентства в квартиру нелегалов ворвались агенты аргентинской службы безопасности СИДЕ.

За полчаса до этих событий Веста закончила прием радиограммы из Центра. Слышимость была плохая, и она записала сообщение на магнитофон. Во время ареста мужа Весте удалось спрятать пленку под нательным бельем. Позднее, оказавшись в тюремной камере, она сумела уничтожить пленку. Однако, к сожалению, всех улик им

уничтожить не удалось: при обыске аргентинские контрразведчики нашли у них план с указанием места закладки тайника. В дальнейшем на этом месте были задержаны два советских дипломата, которые затем были высланы из страны. Так Центр узнал о провале нелегалов.

В аргентинской контрразведке Вестов допрашивали девять месяцев. Чтобы заставить разведчиков говорить, следователи оказывали на них сильнейшее моральное давление, обещали подвергнуть супругов и их детей пыткам. Если вспомнить, что в тот период в стране правила военная хунта, ежедневно пропадали или уничтожались так называемым «эскадроном смерти» десятки людей, то угрозы следователей не были пустым звуком.

Поскольку у контрразведки были неопровержимые улики против наших нелегалов, Вест решил начать сложную и опасную игру. Его план был таков: попытаться заинтересовать собой ЦРУ, добиться того чтобы аргентинцы передали их в руки американцев, а в США искать пути к возвращению на Родину. Поэтому на дальнейших допросах он признал, что являлся советским разведчиком и что занимался сбором сведений по США. Вскоре Вест с женой и детьми были переведены из тюрьмы в отдельный дом, а к их допросам подключился представитель ЦРУ США. Никаких существенных сведений разведчики американцам не сообщили, сославшись на то, что проходили индивидуальную подготовку и в центральном аппарате разведки не работали. Кроме двух советских дипломатов, ни с кем из соотечественников контактов не поддерживали, информацию черпали из разговоров в баре, к активной работе пока не приступали.

В июле 1971 года аргентинцы передали Вестов в распоряжение ЦРУ, и американцы приняли решение переправить пленников в Соединенные Штаты. Супруги подписали документы, в которых отказались от советского и аргентинского гражданств и только после этого специальным рейсом военно-транспортного самолета «Геркулес» были доставлены на базу Эндрюс в США. Их поселили на отдельной вилле в местечке Спрингфильд под Вашингтоном и еще полгода возили на допросы. При-

ставленная к разведчикам на вилле постоянная охрана первое время следила за ними весьма внимательно. Но постепенно тюремный режим становился все более щадящим. Супругам даже разрешили прогуливать детей по лесу.

Однажды вечером, когда охранники смотрели по телевизору американский футбол, Вест бесшумно открыл окно, петли которого предварительно смазал. Он отсутствовал свыше четырех часов, изучая маршрут возможного побега.

Как-то утром представитель ЦРУ показал Весту фотографию хорошо знакомого ему человека, а Вест заявил, что его не знает. Цэрэушник испытующе посмотрел на разведчика и процедил сквозь зубы: «Очень странно...»

Разведчик понял, что им надо срочно уходить. Он сказал жене: «Сегодня после обеда уходим. Положи в коляску самое необходимое».

Веста уложила в детскую коляску, в которой они обычно прогуливали младшую дочь, слайды с видами бара «К колокольчику», а также с видами Аргентины и европейских стран, в которых они ранее побывали.

Это было 7 января 1972 года. Супруги, как обычно, вышли после обеда на прогулку с детьми. Младшая — в коляске, старшая шла рядом. До ближайшего поселка было примерно четыре километра. Дорога до него заняла около полутора часов. Здесь пути их разошлись. Веста направилась к ближайшим домам, а ее мужу предстояло пройти еще полтора километра по лесной тропинке.

Весте сразу же повезло: подходя к домам, она увидела, как какая-то девушка садится в автомобиль. Она попросила девушку подвезти ее с детьми до торгового центра. Затем направилась к бензоколонке, чтобы вызвать такси, и вдруг заметила, как к ней приближается полицейская машина. Сердце разведчицы невольно дрогнуло: она подумала, что ее уже ищут и сейчас последует новый арест. Но полицейская машина проехала мимо.

Вскоре подошло такси. Веста с детьми села в машину и назвала улицу в Вашингтоне, на которой располагалось советское посольство. Через полчаса они уже были по

указанному адресу. К счастью, ворота посольства оказались открыты, и она, покинув такси, быстро вкатила коляску на территорию посольства мимо удивленного охранника.

«Срочно вызовите офицера безопасности», — выдохнула она и облегченно перевела дух: половина их плана была выполнена, она с детьми находилась в безопасности.

А в это время Вест выполнял свою часть плана побега от ЦРУ. Он приобрел для маскировки шляпу, очки, трубку, выяснил по телефонной книге адрес советского торгпредства, нанял такси и поехал туда. Войдя в приемную для посетителей, он написал на листочке бумаги, что ему необходимо срочно встретиться с резидентом советской разведки и протянул его дежурившему там сотруднику. Встреча состоялась буквально через полчаса. Первым делом Вест поинтересовался, добралась ли его жена с детьми до посольства. Получив утвердительный ответ, разведчик не смог сдержать слез.

Около месяца Лариса и Вадим Майоровы с детьми находились в жилом комплексе на территории советского посольства в Вашингтоне. В это время по дипломатическим каналам велась интенсивная работа, чтобы получить разрешение на отправку семьи разведчиков на Родину.

2 февраля 1972 года, в день рождения Вадима, супруги вместе с детьми вылетели в Москву. Закончилось их пятнадцатимесячное пребывание в плену у аргентинской контрразведки и ЦРУ.

Однако в Москве их встретили неласково: провал Майоровых казался совершенно необъяснимым. Руководство разведки посчитало, что он произошел по вине нелегалов. Они же настаивали на версии предательства.

После длительного служебного разбирательства Лариса и Вадим были исключены из партии, лишены наград и направлены на постоянное жительство в Калугу. Там Вадим устроился на работу в педагогический институт преподавателем английского языка, а Лариса — лаборанткой. Весной 1979 года она окончила этот институт.

Майоровы неоднократно обращались к руководству КГБ с просьбой разрешить им переехать в Москву. Этот

вопрос был положительно решен только в 1983 году, когда Ю. В. Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. В апреле того же года супругам была выделена квартира в Москве, в районе Сретенки. Вадим устроился комендантом в Дом политического просвещения на Трубной площади, а Лариса — официанткой. Казалось, жизнь их окончательно наладилась, однако мысль о том, что в их провале повинен «крот», окопавшийся в аппарате советской разведки, не давала покоя.

Однажды в октябре 1990 года, придя на работу, Вадим Майоров стал просматривать еженедельник «Собеседник», где было опубликовано интервью предателя Олега Гордиевского, которое он дал собственному корреспонденту газеты в Лондоне Ольге Белан. Рассуждения иуды о том, что он якобы боролся против «тоталитарного режима», вызвали отвращение у бывшего разведчика, и он хотел уже было отбросить газету, однако в тексте промелькнуло упоминание Дании, в которой работал предатель в середине 1960 годов.

Вадим внимательно посмотрел на помещенную в газете фотографию «иуды из Ясенева» и обомлел: это был тот самый оперработник, который выходил на явку с ними в Копенгагене в июле 1967 года, когда Вадим и Лариса с детьми ехали в отпуск на Родину. На следующий день — публикация о предателе в газете «Комсомольская правда». И снова — грубая ложь подонка, который якобы протестовал своим предательством против ввода советских войск в Чехословакию. Вадим невольно вспомнил, как во время кратких встреч в Копенгагене Гордиевский старался выглядеть ура-патриотом нашей страны, всюю расхваливал автомобиль «Запорожец», сравнивая его с иномарками, и говорил о том, что обязательно приобретет его.

Придя домой, разведчик сказал жене:

— Наш дорогой и горячо любимый «крот» наконец-то нашелся. Ведь это именно он переправлял нас в Копенгагене в 1967 году.

Лариса прочла публикации и спросила у мужа:

— И что ты собираешься делать со всем этим?

— Думаю, что нам надо написать письмо нашему руководству, — ответил он.

Лариса и ее муж провели не одну бессонную ночь, сочиняя это письмо, которое Вадим опустил в приемную КГБ на Кузнецком мосту. После Октябрьских праздников Майоровым сообщили, что с ними хотят побеседовать на дому по поводу их письма представители Управления нелегальной разведки.

Такая встреча действительно состоялась. Через две недели после нее Ларисе и Вадиму были возвращены их награды. Все ограничения для Майоровых, в том числе относительно контактов с иностранцами, были сняты. Им также было разрешено встречаться с журналистами.

Честное имя разведчиков было восстановлено.

Сегодня Лариса Васильевна и Вадим Михайлович находятся на заслуженном отдыхе. Однако общительная и деятельная Лариса Васильевна не сидит без дела. Она является активным членом региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки», организует различные мероприятия: выставки живописи, вечера поэзии, чаепития в кругу друзей. Супруги тепло вспоминают о своих друзьях и знакомых, оставшихся в Аргентине. С честью преодолев все трудности, ветераны нисколько не сожалеют, что в свое время стали советскими разведчиками.

РАЗВЕДЧИЦА, ЖЕНА РЕЗИДЕНТА

Даже близкие родственники и друзья Зинаиды Николаевны Батраевой не предполагали, что эта общительная, гостеприимная супруга советского дипломата, казалось бы, привязанная только к мужу и детям домохозяйка являлась кадровым сотрудником внешней разведки и в ходе поездок за рубеж выполняла ответственные задания особой государственной важности: встречалась с агентурой, добывала ценную информацию, участвовала в острых оперативных мероприятиях.

Порой во все секреты разведчицы не был посвящен даже муж, также сотрудник внешней разведки. В случае провала в оперативной работе каждый из супругов должен был знать только то, что ему необходимо. Вместе с мужем, Борисом Батраевым, который в ряде стран был ее непосредственным начальником — резидентом КГБ, она провела в шести (!) долгосрочных заграникомандировках ровно четверть века.

Зинаида родилась 4 октября 1922 года в деревне Дурыкино Солнечногорского района Московской области в крестьянской семье. Позже ее отец освоил профессию печатника и стал работать в Москве в типографии НКВД.

Вспоминая свое детство, Зинаида Николаевна рассказывала:

«Деревня наша находилась на 47-м километре от Москвы по теперешнему Ленинградскому шоссе. Во время войны немцы ее со-

жгли, не уцелел ни один дом, в том числе и церковь, что была при кладбище, на котором похоронены все мои родственники.

Мы жили в этой деревне до 1929 года, когда мой отец, работавший в московской типографии им. Воровского, получил две маленьких комнатки в коммунальной квартире и перевез нас в Москву. Через год я пошла в школу № 266, которая была только что построена на Большой Переяславской улице, недалеко от нашего дома.

В 1933 году отец умер. Нас у мамы осталось трое, три девочки. Все в школьном возрасте: первый, третий и пятый класс. Наступила тяжелая пора, ужасная бедность. Сотрудники типографии помогли маме устроиться к ним на работу. Сначала она была уборщицей, а потом — мазильщицей печатного цеха. Одновременно она ходила на курсы ликбеза, окончила 4 класса, причем училась очень хорошо.

Летом типография направляла нас в пионерский лагерь НКВД на две смены. Это было большое подспорье для семьи в материальном отношении. В лагере нас очень хорошо кормили. Дома же мы никогда не видели ни мяса, ни сливочного масла. Пища была самая простая. Чтобы мы не голодали, мама по выходным стирала соседям белье.

Учеба в школе давалась мне очень легко. У меня была природная грамотность и способности к изучению иностранных языков. В школе нас обучали немецкому языку.

В нашей школе был прекрасный спортивный зал. При школе располагалась районная детская спортивная школа. В ней я стала заниматься спортивной гимнастикой. Принимала участие в районных, городских и даже во всесоюзных соревнованиях по гимнастике».

Девушка мечтала о карьере инженера и после окончания средней школы поступила в Московский институт инженеров транспорта. Однако учиться ей долго не пришлось: спустя год она вынуждена была уйти из института, так как в то время была введена плата за обучение в старших классах средней школы и в высших учебных заведениях, а средств в семье на учебу не хватало.

По рекомендации друзей отца Зинаиду приняли на работу вольнонаемной в архивное подразделение НКВД. До начала войны она трудилась старшим регистратором на картотеке.

В начале Великой Отечественной войны часть подразделений НКВД, в том числе и его архив, были эвакуированы в Свердловск. Зинаида оказалась на Урале. И сразу же ее направили на учебу в Свердловскую межкраевую школу НКВД, готовившую сотрудников для контрразведки и разведки. Следует отметить, что это был первый «женский» набор оперативных работников.

Из воспоминаний Зинаиды Николаевны:

«В межкраевой школе мы не только учились, но и несколько дней в неделю после учебы ходили на работу на военный завод: до трех часов ночи укладывали патроны в коробки и изымали бракованные. По праздникам охраняли различные важные объекты с целью недопущения проникновения на их территорию посторонних лиц».

В ноябре 1942 года Зинаида на «отлично» окончила межкраевую школу и была направлена в Москву в распоряжение управления кадров НКВД. Управление, в свою очередь, учитывая хорошее знание девушкой немецкого языка, решило отправить ее на фронт, в город Калач, в распоряжение местного подразделения СМЕРШ.

Рассказывает Зинаида Николаевна:

«По окончании Свердловской межкраевой школы НКВД я была откомандирована в рас-

поряжение Центра, который, по моей просьбе, должен был меня направить на Украинский фронт, в город Калач.

Но приехав из Свердловска в Москву я застала свою семью в тяжелейшем положении: мать лежала в больнице, а старшая сестра, у которой было двое маленьких детей полутора и трех с половиной лет, находилась при смерти из-за тяжелой болезни сердца.

При сложившихся обстоятельствах меня вынуждены были оставить в Москве. К тому же город Калач, в который я должна была прибыть, был вновь занят немцами».

Зинаиду направили младшим оперуполномоченным в управление НКВД по Москве и Московской области, то есть на конкретную оперативную работу: она встречалась с агентурой, занималась вербовкой.

В октябре 1943 года Зинаиду перевели на работу во внешнюю разведку. На этот раз она продолжила учебу уже в Высшей школе НКГБ. Помимо спецдисциплин, слушатели активно изучали иностранные языки. Позже в личном деле разведчицы будет указано: «Свободно владеет французским, итальянским и английским языками».

Именно в Высшей школе Зинаида познакомилась со своим будущим мужем, Борисом Батраевым. Они учились в одной языковой группе.

Из воспоминаний Зинаиды Николаевны:

«Учились мы хорошо. В феврале 1945 года нас обоих командировали в город Одессу в качестве переводчиков в подразделение по репатриации французских военнопленных. Французские офицеры иногда приглашали нас, переводчиков, на ужин. С некоторыми из них мы подружились: вечерами прогуливались по парку в зоне их расположения, пели французские песни. Таким образом совершенствовали свои языковые знания.

Окончание войны застало нас в Одессе. Радости не было предела.

Вернувшись в Москву, мы продолжили учебу, на «отлично» сдали экзамены и распределились в Первое (разведывательное) управление НКГБ: Борис — в подразделение научно-технической разведки, а я — в информационное подразделение.

В январе 1946 года мы поженились и стали жить у нас. К этому времени умерла моя старшая сестра в возрасте 25 лет и погиб в авиакатастрофе ее муж-летчик. У них осталось двое детей: два мальчика четырех и шести лет. Младшего, Сашу, усыновили родственники их отца, а старшего, Борю, усыновили мы с Борисом. Борис был старше маленького Бори всего на четырнадцать лет».

Бывает, что разведчицы выходят замуж в интересах разведки. Батраевым повезло: они поженились по большой любви и, как оказалось, в интересах разведки.

Наша справка

Борис Никодимович Батраев родился 2 мая 1926 года в семье потомственных интеллигентов. Во время Гражданской войны его отец, как и большинство молодых парней села Париж Нагайбакского района Челябинской области (вернувшись с Первой мировой войны, нагайбаки стали давать своим селам экзотические названия: Париж, Фершампенуаз, Балканы. — *Примеч. авт.*), был мобилизован в армию Колчака и полгода воевал на стороне белых, а после перешел на сторону большевиков, сражался в рядах 1-й Конной армии Буденного. Дед всю жизнь учительствовал, а на склоне лет на сельском сходе был выбран священником и вскоре рукоположен Синодом.

В органы государственной безопасности Борис Никодимович пришел в 1943 году, а в январе 1946 года был переведен в Первое управление НКГБ СССР, как тогда называ-

лась внешняя разведка. Уже в следующем году он был направлен в Италию для работы по линии научно-технической разведки.

Затем Борис Батраев успешно работал в парижской резидентуре внешней разведки, добился конкретных результатов. Добывал важную научно-техническую информацию, за что в 1956 году был награжден орденом Красной Звезды. В его парижской жизни было много ярких эпизодов, встреч с интересными людьми. Достаточно сказать, что он неоднократно встречался с вдовой скончавшегося в Париже в 1953 году великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина — Верой Николаевной Буниной (Муромцевой). В том, что литературный архив классика мировой литературы возвратился в Москву, большая заслуга разведчика Батраева.

По завершении командировки Борис Батраев работал в центральном аппарате разведки, затем учился в Военно-дипломатической академии. Окончил ее с золотой медалью в 1960 году, а уже на следующий год выехал в служебную командировку на Цейлон в качестве резидента КГБ. На этом экзотическом острове он пробыл до 1964 года.

И снова — работа в центральном аппарате внешней разведки. В 1967 году Борис Никодимович выезжает в очередную служебную командировку, на этот раз в Индию, в качестве заместителя резидента по линии политической разведки. В Дели он пробыл до 1971 года. В его служебной характеристике того периода подчеркивается: «Б. Н. Батраев во время командировки в Индии умело руководил работой иностранной агентуры. Завербовал ценного источника информации. Неоднократно поощрялся руководством разведки, повышался в должности и звании».

В 1973 году Бориса Батраева направляют в качестве резидента в Пакистан. Там он находился до 1978 года. Его труд в Пакистане был отмечен высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Через несколько лет оперативный опыт, приобретенный полковником Батраевым за время заграничных командировок, оказался вновь востребованным. С 1982 по 1987 год Борис Никодимович работал в Болгарии в качестве первого заместителя (по разведке) представителя КГБ СССР при МВД НРБ. Был награжден орденом Дружбы народов, нагрудным знаком «За службу в разведке» и болгарским орденом.

И во всех командировках вместе с ним была Зинаида Николаевна — разведчица и жена.

После завершения активной работы «в поле» Борис Батраев с 1987 по 1992 год возглавлял Кабинет истории внешней разведки. В настоящее время полковник Батраев в отставке, но продолжает оказывать большую помощь Кабинету истории СВР в его повседневной работе, выступает на телевидении, в печатных средствах массовой информации.

В свою первую заграничную командировку, в Италию, супруги Батраевы выехали в марте 1947 года. Татьяна (таким был оперативный псевдоним молодой разведчицы) работала в резидентуре переводчицей, однако часто привлекалась к оперативной работе.

Рассказывает Зинаида Николаевна:

«Я хорошо помню свою первую оперативную встречу в большом кафе. Я должна была по паролю встретиться с агентом и передать ему крупную сумму денег. Из Центра мне сообщили, что особой приметой агента является его хромота. Минут за пятнадцать до встречи я заняла столик, заказала кофе и стала наблюдать за входом, поджидая хромого человека. Представьте мое состояние: за эти пятнадцать минут в кафе вошли четверо (!) хромоногих мужчин: один сильно хромал, двое прихрамывали, четвертый был вообще на костылях. Лишь пятый мужчина, хромавший и опиравшийся на трость, оказался нужным мне человеком. Он меня сразу «вычислил», с улыбкой подошел к столику и расположился рядом. Мы обменялись паролями. Все прошло благополучно».

В январе 1948 года в Риме у супругов родилась дочь Ирина. Но... первая командировка Батраевых закончилась неожиданно быстро. Случилось то, от чего не был застрахован тогда ни один разведчик: Центр заподозрил

их в неблагонадежности. А произошла типичная по тем временам история. Борис давно покинул родительский дом, уже работал во внешней разведке и не знал, что в его родном селе скончался священник и что вместо него на сельском сходе (не оставаться же приходу без батюшки) священником был выбран его престарелый дед, бывший директор местной школы. Однако в кадрах решили, что разведчик скрыл этот факт и... отозвали супругов из командировки. К счастью, через некоторое время все выяснилось, и Борису Никодимовичу принесли извинения.

Вскоре последовала новая командировка — во Францию. В Париже Тим (оперативный псевдоним Батраева) по прикрытию являлся атташе Посольства СССР по вопросам культуры, Татьяна — переводчицей посольства. Однако основным их занятием была оперативная работа в составе парижской резидентуры. Во французской столице у оперработников родилась вторая дочь — Елена.

Сразу же по приезде в Париж Татьяне поручили поддерживать связь с ценным источником. По его просьбе, он должен был передавать материалы только женщине и только поздно вечером. Длительное время Татьяна приходила на заранее обусловленные места встреч и всегда получала важную информацию.

Вспоминает Зинаида Николаевна:

«Однажды был такой случай: я вышла на место встречи и на противоположной стороне улицы увидела своего объекта. Как всегда в это время года (а дело было осенью) он был с зонтом, в темной широкополой шляпе и в дорогом темном плаще. Как обычно, он медленно прохаживался взад-вперед, подергивая пальцами усы. У меня с ним были хорошие человеческие отношения. Я перешла улицу и с приветствиями, как к знакомому, устремилась к нему. И вдруг мне в ответ: «Вам что, не терпится заработать?» Оказалось, что это был совершенно посторонний человек, и он меня принял за проститутку. С извинениями я ре-

тировалась. Позже выяснилось, что страховавший меня оперработник (а я всегда ходила на такие встречи с сопровождающим, так как материалы агент передавал очень важные) тоже принял этого человека за источника. Оказалось, что агент был занят и не смог выйти на встречу. Мы встретились с ним на другой день в шесть часов утра».

Помимо текущей оперативной работы Татьяне в Париже пришлось выполнять важную и ответственную миссию.

...20 августа 1940 года в Мексике был убит Лев Троцкий. В ходе предварительного следствия, несмотря на пытки, а затем и на судебном процессе убийца, имевший документы на имя Жака Морнара, бельгийца по национальности, не назвал своего настоящего имени, объясняя, что пошел на преступление, приревновав к Троцкому свою невесту. Его приговорили к двадцати годам тюремного заключения. Мексиканские спецслужбы усиленно искали в убийстве Троцкого советский след и пытались выяснить подлинное имя арестованного. Однако никакие допросы не смогли заставить его признаться в связях с советской разведкой. Лишь спустя много лет один из бывших активистов испанской компартии и участник гражданской войны в Испании предал его, сообщив мексиканским спецслужбам, что в тюрьме находится Рамон Меркадер. Мексиканцы смогли получить на него из испанских полицейских архивов подробное досье.

Когда личность Жака Морнара была окончательно установлена, перед лицом неопровержимых улик он признался, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. В то же время до последнего дня заключения он отрицал, что убил Троцкого по заданию советской разведки. Во всех своих заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив убийства.

Наша справка

Рамон Меркадер дель Рио родился 7 февраля 1914 года в Барселоне в многодетной семье владельца текстильной фабрики. В 1925 году родители развелись. Рамон с молодых лет принимал активное участие в революционном движении — являлся одним из комсомольских лидеров Каталонии, членом компартии.

С октября 1936 года участвовал в гражданской войне в Испании в качестве комиссара 27-й бригады на Арагонском фронте, майор. Был ранен.

В 1938 году Рамон Меркадер был привлечен резидентом НКВД в Испании Наумом Эйтингоном (оперативный псевдоним — Том) к сотрудничеству с советской разведкой. С февраля 1939 года задействован в операции «Утка» по организации физического устранения Троцкого.

Под видом богатого плейбоя «Раймонд» (таким был оперативный псевдоним Меркадера) нелегально приезжает в Париж, где знакомится с находящейся там на отдыхе гражданкой США Сильвией Агелоф. У новой приятельницы «Раймонда» репутация старой девы и безупречное прошлое. Но самое главное — она периодически исполняет обязанности личного секретаря и переводчика Троцкого.

Вслед за возлюбленной «Раймонд» отправляется в Мексику. После отпуска Сильвия возвращается к работе у Троцкого. Роман, завязавшийся под небом Франции, набирает силу. «Раймонд» предлагает Сильвии руку и сердце и на правах жениха входит в дом Троцкого.

О том, что произошло позже, узнал весь мир. Сталин свел счеты со своим многолетним ненавистным врагом...

На протяжении пяти лет Татьяна поддерживала в Париже связь с Каридад Меркадер, матерью «Раймонда».

Из оперативной справки:

«Каридад Меркадер дель Рио, она же — Мария Каридад, она же — сотрудник советской внешней разведки «Мать».

Год рождения — 1894.

Национальность — испанка.

Член компартии Испании с 1922 года.

Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Привлечена к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1937 году.

В Париже руководила агентурной группой».

К сотрудничеству с советской разведкой «Мать» привлек в Испании Том, работавший там в период гражданской войны. Теперь, по личному указанию Сталина, он был направлен за границу для организации операции «Утка». Следует подчеркнуть, что «Мать» принимала непосредственное участие в подготовке этой операции с первого дня ее разработки. Том и «Мать» хорошо понимали, что для успешной реализации выработанного плана необходим надежный исполнитель. После долгих поисков и сомнений «Мать» предложила на роль главного исполнителя в этой рискованной операции... своего собственного сына.

Вспоминает Зинаида Николаевна:

«Обычно мы встречались с Каридад в кафе. Иногда я ей приносила письма от Рамона, которые пересылались из Мексики через Центр. Периодически передавала деньги: Берия назначил ей пожизненную пенсию. Мне было очень жаль Рамона и его мать. И иногда на встречах мы «пускали слезу». Все эти годы Каридад пыталась освободить сына. Ну, а для меня продолжавшиеся пять лет встречи с матерью были мучительны, так как я передавала бесконечные обещания Центра относительно скорейшего освобождения ее сына. Безусловно, предпринимались неоднократные попытки его освобождения, но все они были безуспешны».

Следует отметить, что, по крайней мере, дважды поднимался вопрос о досрочном освобождении «Раймонда» под залог. Но один из высших судебных авторитетов

страны заявил в доверительной беседе: «Единственный путь к освобождению — его полное признание во всем». Но «Раймонд» продолжал упорно отрицать связь с советской разведкой.

Вспоминает Зинаида Николаевна:

«В молодости я была очень эмоциональной. Эта черта меня иногда и подводила. После одной из наиболее трогательных встреч с Каридад мы с ней вышли из кафе, и я забыла от сопереживания о маршруте, по которому обязательно должна была ее провести, так как на нем два наших оперработника вели за нами контрнаблюдение с целью возможного обнаружения «хвоста» местных спецслужб.

Каридад двигалась несколько впереди, и я машинально пошла за ней. Позже оказалось, что мы с ней прошли мимо местной тюрьмы, к которой, конечно, нам не следовало приближаться. А потом я получила серьезную взбучку от своих коллег по резидентуре».

Из отчета оперативного работника парижской резидентуры Татьяна: «15 марта 1956 года в кафе на улице Риволи я провела запланированную встречу с источником «Мать». Я передала ей письма от «Раймонда», а также сумму денег, определенную Центром. Встреча продолжалась 48 минут. Наружное наблюдение не отмечалось...

Как и в предыдущий раз, «Мать» была взволнована. Говорила о том, что в Центре должны прилагать больше усилий для освобождения «Раймонда». Жду указаний по проведению следующей встречи. Татьяна».

В то время Татьяна была единственным звеном, связывавшим «Мать» с «Раймондом» и с советской разведкой.

Татьяна уже два года была в Москве после завершения командировки во Францию, когда 6 мая 1960 года Рамон Меркадер был освобожден из заключения. После выхода из тюрьмы он женился на мексиканке Ракели Мендоса

и вместе с женой был переправлен в Советский Союз. В Москве он получил советское гражданство и документы на имя Рамона Ивановича Лопеса. 31 мая 1960 года «за выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество» Р. И. Лопесу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 8 июля 1960 года награды ему вручил тогдашний Председатель КГБ А. Н. Шелепин.

В Москве Меркадер работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Являлся членом авторского коллектива четырехтомной истории гражданской войны в Испании. Его жена работала диктором в испанской редакции Московского радио. Супруги взяли на воспитание мальчика и девочку, мать которых умерла, а отец, испанский коммунист, погиб во франкистской Испании.

В 1977 году Меркадер с семьей переехал на Кубу, где в звании генерала работал советником в кубинском министерстве внутренних дел. Скончался в Гаване 18 октября 1978 года от саркомы. Согласно завещанию, урна с его прахом была захоронена в Москве на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса.

За семьей Меркадера сохранили установленную ему пенсию с выплатой в валюте: Ракели — пожизненно, детям — до достижения совершеннолетия. После смерти мужа вдова возвратилась с дочерью в Мексику. Сын остался на Кубе, закончил мореходное училище, работал капитаном в системе торгового флота. Ракель пережила своего мужа на 11 лет. Скончалась после тяжелой болезни в 1989 году.

После освобождения сына из заключения Каридад Меркадер жила в Москве, позднее выехала из СССР. Получала за границей пенсию от советского правительства. Умерла в Париже в 1975 году.

До конца жизни Рамон Меркадер так и не узнал о том, что рядом с ним в Москве, на соседней улице жила женщина, которая на протяжении многих лет принимала близко к сердцу его судьбу и судьбу его матери.

После 1961 года сотрудники советской внешней разведки Тим и Татьяна выезжали в командировки в экзотические страны: на Цейлон, в Индию и Пакистан. Там все для Татьяны было новым и непривычным. Кокетливые шляпки и пальто остались в Москве, а вместо ароматного кофе, к которому она так пристрастилась в Париже, пришлось полюбить настоящий цейлонский и индийский чай.

В этих странах Зинаида Батраева находилась в качестве жены высокопоставленного советского дипломата. Она устраивала в своем доме приемы, занимала многочисленных гостей, играла роль заботливой мамы. И только очень узкий круг людей знал, что жена резидента не просто домохозяйка. Она активно помогала мужу в организации встреч, в расширении связей, занималась первичным изучением людей. Ответственные встречи с ценными источниками Борис и Зинаида нередко проводили вместе.

В 2002 году в газете «Версия» журналистка Ирина Бороган опубликовала интереснейший материал, рассказывавший о том, как жены советских разведчиков помогали своим мужьям, работавшим за границей. Она писала: «Спутница разведчика должна быть вне подозрений. Обыденные в семейной жизни вопросы: где был, что делал? — превращаются в полную бессмыслицу. И несмотря на то, что разведчики всегда стараются держать своих жен подальше от опасностей, частенько волею случая они оказываются в эпицентре шпионских игр».

Рассказывает Зинаида Николаевна:

«Я была не только разведчицей, но и женой резидента. А это накладывает дополнительные обязанности. Это тоже работа, и работа ответственная. Сотрудники резидентуры, как правило, приезжают за границу с женами. И надо так себя вести, так строить работу с женщинами, чтобы в семьях не было ссор, недоразумений, обид, которые могли бы повлиять на обстановку в коллективе. Мы, женщины, были

дружны между собой. Дружны были и наши мужчины. А хорошая атмосфера способствовала нормальной работе резидентуры в целом».

...Из своей последней зарубежной командировки Батраевы вернулись в 1987 году. Зинаида Николаевна занялась воспитанием внуков. Борис Никодимович продолжил работу в центральном аппарате разведки. Около 60 лет тому назад их соединила любовь, которую они пронесли через всю жизнь и одарили ею своих детей и внуков. Ну а разведка — это был другой мир, и только в нем у них были порой друг от друга свои тайны.

Зинаида Николаевна совершенно не похожа на разведчицу, которую невольно себе представляешь, читая крутые детективы. Впрочем, в этой непохожести, может быть, и заключался ее главный профессиональный секрет.

«В Зинаиде Батраевой очень удачно сочетались прекрасная женщина и великолепный оперативный работник». Эти слова опытного разведчика, длительное время являвшегося первым заместителем начальника внешней разведки, генерал-лейтенанта Вадима Алексеевича Кирпиченко говорят о многом.

В РАЗВЕДКЕ ЕЕ ЗВАЛИ АННА

Внешняя сторона жизни Елены Косовой была хорошо известна ее друзьям и знакомым. Однако об истинном содержании ее работы во внешней разведке, которая пришлось на годы «холодной войны», знал ограниченный круг лиц, включая мужа. Вместе с ним Елена Александровна провела многие годы в зарубежных командировках в различных странах мира, в том числе в качестве «полевого» оперработника непосредственно в США. Оперативной работе в Новом Свете она отдавала все силы своего разведывательного таланта. Но в одной из последних служебных командировок за границу, когда супруги Косовы находились в Венгрии, у разведчицы неожиданно проявился новый талант. Она стала профессиональным скульптором, хорошо известным у нас в стране и за рубежом.

С органами госбезопасности Елена была связана, можно сказать, с первого дня своего рождения. А родилась она в семье офицера-пограничника, участника Гражданской войны. Ее отец совершил легендарный поход вместе с армией «Железного потока», после Гражданской войны окончил Академию имени Фрунзе, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был награжден многими орденами, в том числе орденом Суворова. После войны он в звании генерала занимал высокий пост в пограничных войсках.

В доме у Покровских ворот, куда вместе с семьей еще до войны вселился генерал-пограничник, многие квартиры были опечатаны, а их владельцы репрессированы.

Лена ходила в среднюю школу неподалеку от дома. Московский журналист Виктор Барулин, первым опубликовавший в 1996 году материал о Елене Косовой, следующим образом рассказывал о ее школьных годах: «Искусство ее всегда влекло. Но попытки подружиться с музами в детстве заканчивались печально. Полтора года усердно ходила в балетную школу, вдохновенно танцевала, мечтала о сцене. Как вдруг — приговор педагогов: «Заберите вашу дочь. Она слишком высокая для балерины». Для нее это был первый психологический удар. Родители постарались побыстрее занять ее, определили в музыкальную школу. Но энтузиазм девочки столь же быстро пропал — учительница заставляла играть слишком сложные вещи. Она пропускала уроки, когда педагог приходила на дом, запиралась в своей комнате. С музыкой тоже пришлось покончить. Правда, не навсегда. В 14 лет Елена увлеченно разучивала на рояле популярные песенные мелодии, чтобы потом играть их на публике. Участвовала она и в театральных постановках».

Когда в конце войны Елена закончила среднюю школу, естественно встал вопрос: кем быть? Отец порекомендовал ей поступить на двухгодичный факультет иностранных языков Высшей школы МГБ. Она успешно сдала вступительные экзамены и стала прилежно изучать английский язык.

Из воспоминаний Елены Александровны:

«В те годы, сразу после войны, страна нуждалась в разведчиках-профессионалах. И особенно в женщинах, которых набирали в органы, как позже в отряд космонавтов.

Нас не спрашивали, какой язык мы хотим изучать, смотрели на внешние данные. Меня отправили в группу английского, и уже через два года я говорила с чистейшим оксфордским акцентом. Но, добиваясь идеального произношения, наши педагоги не учитывали одного, что готовят разведчиков, а не высококлассных переводчиков-синхронистов. Моя

речь была слишком грамотной и такой литературной, что, когда мы выехали с мужем работать в Нью-Йорк, меня просто не понимали. Понадобилось какое-то время, чтобы перейти на разговорный английский».

Ее будущий муж Николай Косов окончил этот же факультет за два года до поступления туда Лены и уже работал в Первом главном управлении МГБ, занимавшемся ведением разведки за рубежом. Однако связей с Высшей школой он не терял и частенько навещал друзей. В один из таких заходов в альма-матер Николай заметил в комнате для дежурных по факультету симпатичную девушку в накинутой на плечи шинельке. Она внимательно штудировала английский текст и записывала перевод в школьную тетрадь.

Рослый, под два метра, блондин, увидев Лену, на мгновение застыл, а потом, заглянув в ее тетрадь, сказал:

— У вас, девушка, между прочим, ошибка в переводе. Это место надо перевести так...

Они не могли не влюбиться друг в друга. Лена и Николай были молоды и красивы. Кроме того, оба по-настоящему увлекались английским языком. Вскоре они стали встречаться: ходили в театры, кино, на каток на Чистых прудах или просто гуляли по городу. Иногда Николай назначал свидание и надолго исчезал, не предупредив. О его отлучках Лена частенько узнавала от других людей. Как-то после занятий преподавательница английского языка мимоходом сказала Лене:

— Приятно, что наши выпускники уже занимаются самостоятельной работой. Вот и Коля Косов улетел в Америку. Будет переводить самому Молотову.

Николаю Антоновичу Косову довелось много поколеси́ть по свету, работать переводчиком на Ялтинской конференции, сопровождать Хрущева и Булганина в их поездке в Индию в 1956 году. Однако вся его жизнь была неразрывно связана с работой во внешней разведке. Его судьбу навсегда разделила и Елена Александровна.

В день последнего для Лены государственного экзаме-

на в Высшей школе МГБ молодые люди решили пожениться. В 1947 году, сразу же после завершения учебы, Елена была принята на работу в Комитет информации, как тогда называлась внешняя разведка. Она стала сотрудницей американского отдела. В 1949 году старший лейтенант Елена Косова вместе с мужем была направлена в служебную командировку в США в качестве оперативного работника нью-йоркской резидентуры. Ей был присвоен оперативный псевдоним Анна.

Начало оперативной деятельности разведчиков в Соединенных Штатах совпало со стартом «холодной войны». 5 марта 1947 года отставной премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, находившийся в США по приглашению президента страны Гарри Трумэна, произнес речь в небольшом американском городке Фултон. В связи с начавшимся активным распадом Британской империи, в результате которого получили независимость Индия, Пакистан, Бирма, Цейлон, Непал, а ранее Ирак и другие страны, он обвинил Советский Союз в «подрывной деятельности». В речи подчеркивалась необходимость создания военно-политического союза Великобритании и США, направленного против СССР и стран Восточной Европы и организации «крестового похода» против коммунизма.

США и их сателлиты окружили Советский Союз «железным занавесом». В столице Соединенных Штатов были введены драконовские ограничения на перемещения советских дипломатов: не далее сорока километров от центра Вашингтона. Госдепартамент ввел жесткие квоты на число советских дипломатических и иных официальных представителей, работающих в США. Одновременно сокращалось и количество советских журналистов в стране. Аналогичные меры в отношении представителей СССР ввели и другие страны — союзницы США.

Ян (оперативный псевдоним Николая Косова) прибыл в Нью-Йорк в качестве корреспондента ТАСС. Первоначально планировалось, что и его супруга будет работать под тассовским прикрытием. Однако штат корпункта по новым квотам оказался заполнен.

Из воспоминаний Елены Александровны:

«В Москве меня официально оформили сотрудницей отделения ТАСС в Нью-Йорке. Но в месте назначения выяснилось: для того, чтобы освободить мне место в представительстве ТАСС, должны были уволить негритянку, а у нее двое или трое детей. Я отказалась. Работала переводчицей советской делегации при ООН, после основной работы торопилась в резидентуру. Потом у оперативного секретаря резидентуры заболел муж, пришлось учиться печатать. Почта входящая, исходящая, перевод справок, донесений...

Через некоторое время меня рекомендовали на работу в штаб-квартиру одной из крупных международных организаций. Это было очень почетно. После собеседования с заместителем руководителя организации я получила очень солидный пост. В момент оформления я на этой должности была единственной женщиной.

Английский язык стал как бы своим, работать было интересно. В секции трудились люди из самых различных стран: Англии, Австрии, Польши, Китая. По окончании работы все шли домой, мне же в большинстве случаев надо было ехать в резидентуру. Там всегда была работа».

Поскольку разведчица являлась теперь международным чиновником и полностью соответствовала требованиям, предъявляемым к подобной категории недипломатических сотрудников этой международной организации, американская контрразведка — Федеральное бюро расследований — вынуждена была с этим считаться.

Начало трудовой деятельности Анны в ООН не осталось незамеченным. Однажды она прочла во французской газете «Монд» заметку ее корреспондента при ООН, в которой сообщалось, что впервые на работу в эту меж-

дународную организацию принята советская женщина. Корреспонденция была выдержана в доброжелательном для Анны духе и привлекла внимание других сотрудников штаб-квартиры ООН. Атмосфера вокруг разведчицы в целом была благоприятной: к ней с уважением и вниманием относились как международные чиновники, так и простые ньюйоркцы.

Вспоминает Елена Александровна:

«Поначалу отношение к нам со стороны простых американцев, несмотря на фултонскую речь Черчилля, было весьма благожелательным. Американцы знали и помнили роль Советского Союза в избавлении мира от «коричневой чумы», с уважением относились к советским представителям. Повсюду в витринах магазинов были выставлены портреты прославленных полководцев Великой Отечественной войны: маршалов Жукова, Рокоссовского и других военачальников. Когда мы заходили в какой-либо магазин, нас приветливо встречали, старались быстро и качественно обслужить.

Однако после испытания первой советской атомной бомбы в августе 1949 года отношение к нам стало меняться, причем не в лучшую сторону. Маккартизм набирал обороты. Его жертвами стали сотни тысяч простых американцев, придерживавшихся левых взглядов и симпатизировавших нашей стране».

Кроме Анны, в нью-йоркском отделении ООН работали еще несколько оперативных сотрудников резидентуры, с которыми она могла свободно общаться во внеслужебной обстановке: в кафетерии, клубе, ресторане. Однако в стенах ООН, напичканных аппаратурой спецслужб США, об основной работе они никогда не говорили. Поскольку автомашина была только у нее, после работы Анна забирала кого-либо из своих коллег, и они вместе ехали в советское генконсульство. Там у Анны начинался второй рабочий день, уже — в резидентуре.

Вскоре сотрудник нью-йоркской резидентуры внешней разведки Анна получила первое серьезное оперативное задание. Ее пригласил к себе резидент и сообщил, что ей поручается поддерживать конспиративную связь с ценным источником — женщиной, работающей в делегации одной из европейских стран при ООН. Она сотрудничала с советской разведкой в течение многих лет, была проверена на деле, а поступающая от нее информация являлась крайне важной и актуальной. Однако сотрудникам резидентуры — мужчинам встречаться с ней было «не с руки», так как она была замужем и имела взрослого сына.

С этой женщиной Анна встречалась в стенах штаб-квартиры ООН, проводя с ней моментальные передачи. От источника поступала важная документальная информация, которую Анна отвозила в резидентуру, а затем ее там обрабатывала. В результате в Центр на регулярной основе направлялись информационные сообщения, касающиеся позиций основных стран НАТО по глобальным мировым проблемам.

Примерно один раз в полтора месяца Анна проводила с агентом контрольные встречи в городе. Как правило, они проходили в отдаленных от штаб-квартиры ООН районах города и легендировались посещением магазинов. В каком-либо крупном универмаге Анна «случайно» встречала коллегу по работе, после чего женщины беседовали где-нибудь в ресторанчике или кафетерии. Анна передавала агенту инструкции Центра и задания на получение информации по проблемам, интересующим Москву. Такие встречи выглядели вполне естественными и не привлекали внимания со стороны американской контрразведки. Следует отметить, что в дальнейшем и сын этой женщины, находившейся на связи у Анны, был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой на идейной основе.

Рассказывает Елена Александровна:

«Как-то раз я везла в резидентуру материалы, полученные от этого источника. В центре города я нарушила правила дорожного движе-

ния, и меня остановил полицейский. Я знала, что по инструкции в случае опасности полагалось уничтожить материалы. Но, разумеется, такой поворот событий меня не устраивал. Когда полицейский приблизился ко мне, я улыбнулась ему и сказала:

— Простите, ради бога, где тут находится «улица невест»?

— Ты что, выходишь сегодня замуж? — спросил он в ответ.

Я еще раз улыбнулась и ответила утвердительно.

— Ну ладно, коли так. Поезжай, но больше не нарушай.

Так благополучно закончилось это небольшое дорожное происшествие, которое могло бы обернуться большими неприятностями для меня.

В ту пору я была молодой, симпатичной женщиной и вполне могла сойти за невесту».

У Анны на связи была и женщина-американка, работавшая в важном государственном учреждении. С ней разведчица встречалась на регулярной основе в заранее обусловленных местах и получала подготовленную документальную информацию. Организация и проведение таких встреч требовали от Анны максимальной сосредоточенности и осторожности в связи с разгулом «охоты на ведьм», развязанной маккартистами.

Однажды резидент срочно вызвал Анну и поручил ей выехать в другой штат, чтобы отменить встречу сотрудника резидентуры с нелегалом. Выбор резидента не случайно пал на Анну: только за ней одной в то время не было слежки со стороны американской контрразведки.

На автомашине Анна отправилась в город на встречу с сотрудником резидентуры. Он должен был пройти по заранее обговоренному маршруту и появиться в строго установленное время в контрольной точке. Однако Анне не удалось перехватить оперработника на маршруте, и

она решила выйти непосредственно на место встречи, назначенной в городском парке. Анна въехала в небольшой американский городок уже в сумерках. Оставив автомашину на безлюдной улице, она не спеша вошла в парк и увидела, как по одной из аллей идет ее коллега по резидентуре. Анна подала ему сигнал опасности; оперработник изменил маршрут и ушел с места встречи.

Уже поздно ночью Анна возвратилась домой. На кухне ее муж играл с резидентом в шахматы. Две пары глаз устремились на нее. Она лишь слегка кивнула головой, давая понять, что все в порядке и задание выполнено. Попытка американской контрразведки арестовать нелегала советской разведки была сорвана.

В США Анна и Ян провели семь лет. Они были свидетелями судебного процесса и казни Юлиуса и Этель Розенберг, посаженных американской Феみдой на электрический стул без каких-либо доказательств их вины в выдаче «атомных секретов» Москве. Позже в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся агентам ФБР при задержании именем своего покойного друга Рудольфа Абеля. Официальная американская пропаганда использовала эти события для нагнетания кампании шпиономании и антисоветской истерии. Под воздействием антисоветской пропаганды отношение американцев к нашим представителям резко изменилось. Это осложняло оперативную работу резидентуры и требовало от ее сотрудников большого психологического напряжения.

После возвращения в Москву у супругов Косовых родился сын, которого они называли Николаем. Елена Александровна уволилась из разведки и занялась воспитанием сына. Через несколько лет она вместе с мужем выехала в Голландию, где Ян являлся резидентом советской внешней разведки. Быть женой резидента — непростая обязанность. Конечно, Анна больше не занималась непосредственной оперативной работой. Однако по мере своих сил и возможностей она помогала мужу. Иногда он поручал ей поближе познакомиться с женой какого-либо иностранца, провести ее первоначальное изучение. Порой

Анна подстраховывала мужа, обеспечивая его безопасность при проведении оперативных мероприятий в городе.

В начале 1970-х годов генерал-майор Николай Антонович Косов был назначен официальным представителем КГБ при Министерстве внутренних дел Венгрии. Командировка длилась двенадцать лет. В Будапеште у Елены Александровны вдруг открылся талант скульптора.

Надо сказать, что и раньше она любила лепить на даче снежных баб, и эти «скульптуры» неизменно привлекали всеобщее внимание окружающих. Как-то, отдыхая с мужем в подмосковном санатории, Елена Александровна вылепила из снега женщину с поразительно живым лицом. Ударил мороз, и снежная скульптура превратилась в беломраморное изваяние. Местные милиционеры перенесли «скульптуру» во двор своего отделения, где она простояла до весны, радуя взоры сотрудников.

Из воспоминаний Е. А. Косовой:

«В Голландии муж познакомил меня с женой болгарского дипломата, она посещала голландскую Академию художеств. И эта женщина уговорила меня пойти на занятия в академию и попробовать себя в лепке. Муж отпустил. Модель — сидящий негр. Когда я его вылепила, преподаватель сразу сообщил решение: я принята на второй курс академии. Даже выдали документ, что я студентка второго курса голландской Академии художеств. Увы, еще раз попасть туда не пришлось, сначала заболел сын, потом случилось еще что-то, и ваяние надолго от меня отступило. Но для себя я узнала, что могу. На случай, когда очень хотелось лепить, я купила пластилин, и мы лепили вдвоем с сыном».

В Венгрии Елена Александровна на свой страх и риск создала бюст своего любимого поэта Шандора Петефи. За ним последовала скульптура Арня Яноша. Эти художественные произведения получили высокую оценку искус-

ствоведов, профессиональных скульпторов, журналистов. Елена Александровна подарила эти скульптурные работы местному музею. Она начала брать уроки ваяния у знаменитого венгерского мастера Олчаи Киш Золтана. Наставник 4 года обучал ее главным образом техническим навыкам. В Венгрии Елена Александровна имела шесть персональных выставок, пользовавшихся неизменным успехом у публики. Когда известный венгерский скульптор Иене Грантнер посетил первую выставку Елены Косовой, в книге отзывов он оставил запись: «Приятно удивлен. Елена Косова талантлива. Для женщины в таком возрасте это редкое явление. Выражаю свою зависть. Она достигнет еще многого».

Елена Александровна была принята в почетные члены Союза художников Венгрии. Двенадцать своих работ она передала в Художественный фонд этой страны.

В 1984 году Е. А. Косова стала членом Союза художников СССР. На выставках ее работ публика и специалисты неизменно отмечают большой профессионализм и мастерство художника. Выполненный Еленой Александровной бюст Владимира Маяковского украшает экспозицию Музея Маяковского на Лубянке. Дочь поэта, американка Патриция Томсон, была растрогана созданным мастером портретом отца и приняла в подарок его копию.

Среди работ Елены Александровны, получивших признание профессионалов, бюсты Чехова, Бетховена, Пушкина, других поэтов и писателей. Она создала также скульптурные портреты Шарля де Голля, Джона Кеннеди, Маргарет Тэтчер, своего коллеги — замечательного советского разведчика, Героя России В. Б. Барковского...

И сегодня Елена Александровна полна творческих замыслов. Так в ее жизни тесно переплелись таланты профессионального разведчика и профессионального художника.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Награды разведки

Ежегодно в один из последних дней апреля Культурный центр ФСБ России, что в Москве на Лубянке, выглядит необычно. В этот день его посетителями становятся в основном люди «элегантного» возраста. Именно здесь, в родном и любимом для многих поколений сотрудников госбезопасности клубе имени Дзержинского (в «Дзержинке», как его они называют между собой), собираются на свое традиционное ежегодное собрание члены Региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки». У большинства ветеранов-разведчиков на груди красуются ряды орденских планок и чекистские награды, которыми они особо дорожат.

Наряду с государственными наградами в любом профессиональном сообществе людей заслуженным почетом неизменно пользуются ведомственные награды, являющиеся высшим знаком профессионального отличия. Не обделены ведомственными наградами и сотрудники внешней разведки России.

Так как внешняя разведка нашей страны создавалась и долгое время действовала в составе органов государственной безопасности, их высшие ведомственные знаки отличия являлись одновременно почетными наградами и для «бойцов невидимого фронта».

Напомним в нескольких словах начальные организационные формы органов государственной безопасности, в состав которых входила внешняя разведка:

— 20 декабря (по новому стилю) 1917 года по постановлению Совета Народных Комиссаров была создана

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при СНК РСФСР.

— 20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела (внешней разведки) ВЧК.

— 6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР.

— В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

С первого дня своего существования деятельность органов государственной безопасности находила полную поддержку руководства страны. Особо отличившиеся в то время сотрудники ВЧК представлялись к награждению орденом Красного Знамени. Он был учрежден 16 сентября 1918 года и являлся первой официальной наградой РСФСР. Одновременно практиковалось награждение почетным революционным боевым оружием — маузером или шашкой — с изображением знака ордена. Но обладателями таких наград среди чекистов были единицы.

Руководство ВЧК понимало, что для поощрения сотрудников за успешное проведение ими конкретных операций и выполнение иных специальных заданий требовалось введение системы ведомственных наград. На начальном этапе она включала в себя награждение премиями, грамотами и благодарностями от президиума ВЧК. Затем самым достойным чекистам стали вручать боевое оружие, золотые или серебряные часы и портсигары с соответствующими надписями: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», «За самоотверженную чекистскую работу», «За успешное выполнение оперативного поручения». Институт ведомственных наград органов государственной безопасности постепенно развивался и совершенствовался. Однако необходима была высшая награда. И она в скором времени появилась: знак «Почетный чекист».

Этот знак был учрежден 12 июля 1923 года приказом коллегии ГПУ № 304 в качестве дополнения к введенному в декабре 1922 года по случаю 5-й годовщины органов государственной безопасности (ВЧК—ГПУ) почетному званию «Почетный работник ВЧК—ГПУ» («Почетный чекист»).

В описании знака указывалось: «Почетный юбилейный знак ВЧК—ГПУ представляет из себя овальный обруч из матового серебра с надписью «ВЧК — 1917—1922 — ГПУ». На обруч, перекрещенный мечом, наложены серп и молот. Эмблема окаймлена римской цифрой «пять», покрытой красной эмалью. На обороте знака гравировается его порядковый номер».

Знак вручался особо отличившимся сотрудникам контрразведки и внешней разведки, а также военнослужащим пограничной службы от имени коллегии ГПУ—ОГПУ вплоть до декабря 1932 года. Он являлся высшей ведомственной наградой органов госбезопасности. Кавалерами знака до введения нового стали около 800 человек.

В положении о знаке, утвержденном 19 июля 1923 года приказом коллегии ГПУ № 307, подчеркивалось, что ему «присваивается значение награды достойнейших сотрудников ВЧК—ГПУ, своей работой в органах ВЧК—ГПУ заслуживших быть особо отмеченными». Порядок награждения предусматривал стаж работы в органах не менее трех лет. Вместе со знаком награжденному выдавалась грамота в виде удостоверения личности с фотографией и в кожаном переплете.

Место для ношения знака определялось специальным приказом № 123 от 18 июня 1926 года, в котором, в частности, говорилось:

«1. Сотрудникам и военнослужащим ОГПУ присвоить право ношения на форменной одежде как в строю, так и вне его, помимо знаков, допускаемых приказом РВС СССР с. г. № 140, следующих наградных знаков:

а) Почетный знак, установленный в память пятилетия существования ВЧК—ГПУ.

б) Знак спортивного общества «Динамо».

2. Почетный знак ОГПУ носить на левой стороне груди на месте, установленном п. 24 приказа РВС СССР № 140 для ношения ордена Красного Знамени. При наличии ордена Красного Знамени почетный знак ОГПУ носить слева от него.

Знак спортивного общества «Динамо» носить над клапаном левого нагрудного кармана.

3. Об установлении ношения указанных нагрудных знаков уведомить соответствующих начальников гарнизонов...»

Знак «Почетный чекист» № 1 был вручен Ф. Э. Дзержинскому, № 2 — Я. Х. Петерсу, № 3 — А. Я. Беленькому.

Среди сотрудников Иностранного отдела (внешней разведки) ГПУ одними из первых этого почетного знака были удостоены С. Г. Могилевский, А. П. Федоров, Г. С. Сыроежкин и С. В. Пузицкий.

В декабре 1927 года органы государственной безопасности СССР праздновали свое 10-летие. К этому времени прошел всего лишь год со дня смерти их бессменного руководителя Ф. Э. Дзержинского. В память о бесстрашном «рыцаре революции» коллегия тогда уже Объединенного государственного политического управления своим приказом № 250а от 17 декабря 1927 года учредила юбилейный нагрудный жетон с профилем Ф. Э. Дзержинского, обрамленным в лавровый венок, на фоне Красного знамени с цифрами «1917» и «1927» в левом и правом верхних его углах. Знамя лежало на овале, в свою очередь окантованном с двух сторон пшеничными колосьями, увенчанными пятиконечной звездой. В нижней части жетона размещались два перекрещивающихся меча, над которыми висала лента с аббревиатурой «О.Г.П.У.».

Существовало три типа жетонов: для младшего руководящего состава — из латуни; для среднего комсостава — из латуни, но с раскрашенными красной краской знаменем, лентой и звездой. Высшему руководящему со-

ставу вручали жетон из серебра, и все его элементы были выполнены красной эмалью.

Этот юбилейный жетон вручался как кадровым, так и вольнонаемным сотрудникам ОГПУ. Отмечались случаи награждения им вдов погибших на посту чекистов, в том числе сотрудников внешней разведки. В. Р. Менжинский от имени коллегии вручил серебряный юбилейный нагрудный жетон «X лет ОГПУ» М. И. Поповой — вдове сотрудника внешней разведки Л. Х. Попова, погибшего при выполнении задания ОГПУ. Одновременно, как отмечалось выше, кадровые сотрудники ОГПУ (в том числе работавшие в Иностранном отделе) продолжали награждаться нагрудным знаком «Почетный чекист».

9 ноября 1929 года приказом № 245 коллегия ОГПУ утвердила «Статут прав и обязанностей кавалера Почетного знака ВЧК—ОГПУ». В нем, в частности, подчеркивалось:

«1. Кавалеру Почетного знака ВЧК—ОГПУ присваивается звание Почетного работника ВЧК—ОГПУ.

Почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости.

Почетный работник ВЧК—ОГПУ, где бы он ни находился, всегда обязан поддерживать живую связь с органами ОГПУ и оказывать им всяческую помощь и содействие.

2. Звание Почетного работника ВЧК—ОГПУ сохраняется и при переходе из органов ОГПУ на другую, партийную, советскую и профессионально-общественную работу.

3. Почетный работник ВЧК—ОГПУ (по предъявлении грамоты) имеет право беспрепятственного входа во все органы ОГПУ.

4. Почетному работнику ВЧК—ОГПУ при увольнении со службы, с переходом на государственное обеспечение — пенсия увеличивается на 10 процентов.

5. В области общественно-бытового и санитарного обслуживания личного состава органов ОГПУ Почетному работнику ВЧК—ОГПУ, действующего состава и состоящим на особом учете их семьям, представляется преимущественное право:

- а) по бесплатному лечению;
- б) в получении курортно-санаторной помощи;

- в) в состоянии членами кооперативов органов ОГПУ;
- г) в состоянии членами ПСО «Динамо»;
- д) в состоянии членами клубов органов ОГПУ;
- е) преимущественное право направления на Рабфак, в ВУЗ и другие учебные заведения;
- ж) размещение своих детей в детских учреждениях и школах органов ОГПУ;
- з) сохранение жилплощади в домах, подведомственных ОГПУ.

6. Почетному работнику ВЧК—ОГПУ действующего состава при поездках по железнодорожным и водным путям сообщения как по делам службы, так и в отпуск предоставляется право проезда в мягком месте (по литерам).

7. Почетному работнику ВЧК—ОГПУ вне состояния на службе в органах ОГПУ сохраняется право ношения форменной одежды с ранее присвоенными по службе знаками различия, получаемой за государственный счет из соответствующего органа ОГПУ в сроки и по норме довольствия, определяемой действующими приказами ОГПУ.

8. Почетный работник ВЧК—ОГПУ освобождается от истребования разрешения (удостоверения) на право приобретения, ношения и хранения оружия. Удостоверением на указанные права служит грамота Коллегии ОГПУ о Почетном знаке.

9. Почетному работнику ВЧК—ОГПУ для восстановления здоровья (хотя бы и не работающему в органах ОГПУ) предоставляется право раз в году получать безвозвратное денежное пособие.

10. Почетный работник ВЧК—ОГПУ, состоящий на особом учете ОГПУ:

- а) пользуется правом внеочередного получения жилищной и дополнительной площади,
- б) не может быть выселяем в административном порядке из домов подведомственных и прикрепленных к учреждениям и организациям.

11. Лишение звания Почетного работника ВЧК—ОГПУ и, соответственно, нагрудного знака может состояться только по особому постановлению Коллегии ОГПУ».

16 ноября 1932 года к 15-летию органов ВЧК—ОГПУ было принято Положение о новом нагрудном знаке и утвержден его статут. А 23 ноября 1932 года по ОГПУ издан приказ № 1087, в котором говорилось: «В ознаменование 15-й годовщины ВЧК—ОГПУ учредить почетный нагрудный знак ВЧК—ОГПУ, которому присвоить значение высшей награды Коллегии ОГПУ для органов и войск ОГПУ. Почетный знак 5-й годовщины ВЧК—ГПУ, как высшая награда Коллегии, остается у работников, им награжденных, и новым знаком не заменяется».

Новая награда композиционно повторяла знак «Почетный чекист», лишь римская цифра «пять» в центре знака была заменена римской цифрой «пятнадцать». Не изменилась и формулировка в наградной грамоте, вручавшейся вместе со знаком: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Первый приказ о награждении сотрудников этим знаком был опубликован 20 декабря 1932 года. Знак вручался вплоть до 1940 года.

Как и предыдущий почетный нагрудный знак «5 лет ВЧК—ГПУ», новый знак вручался за «выдающиеся заслуги», но при этом стаж службы награжденного в органах госбезопасности должен был быть не менее десяти лет.

Среди первых почетным нагрудным знаком «15 лет ВЧК—ОГПУ» были награждены: руководитель внешней разведки А. Х. Артузов, действовавший в Европе и США разведчик-нелегал Б. Я. Базаров, видные разведчики П. Я. Зубов и М. А. Аллахвердов, а также многие другие представители когорты первого поколения сотрудников советской внешней разведки.

10 июля 1934 года постановлением Центрального исполнительного комитета СССР ОГПУ было переименовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) и включено в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Среди многих политических и хозяйственных задач, осуществляемых НКВД, наиважнейшей была — обеспечение государственной безопасности СССР.

6 ноября 1940 года вместо звания «Почетный работ-

ник ВЧК—ОГПУ» было введено звание «Заслуженный работник НКВД».

За успешное выполнение ответственных разведывательных заданий и многолетнюю безупречную службу сотрудники внешней разведки также стали награждаться нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Приказ НКВД № 1007 от 6 ноября 1940 года объявил утвержденное Совнаркомом СССР Положение о нагрудном знаке, в котором указывалось:

«1. Знак «Заслуженный работник НКВД» устанавливается для награждения личного состава органов и войск НКВД СССР за заслуги в деле руководства или непосредственного выполнения работы по охране государственной безопасности Союза ССР.

2. Награждение знаком «Заслуженный работник НКВД» производится Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР. Одновременно со знаком выдается грамота.

3. Награжденные знаком «Заслуженный работник НКВД» служат примером образцового выполнения своих обязанностей. Они должны быть беззаветно преданными партии Ленина — Сталина, бдительными и беспощадными в борьбе с врагами советского государства.

4. Награжденные знаком «Заслуженный работник НКВД» имеют преимущественное право на получение жилплощади в домах НКВД.

5. Награжденные могут быть лишены знака «Заслуженный работник НКВД» за порочащие звание чекиста проступки приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР».

В описании новой ведомственной награды говорилось:

«Знак «Заслуженный работник НКВД» имеет эллипсовидную форму стального цвета с ребристой поверхностью. В центре эллипса на фоне красной эмали, изображающей лучи восходящего солнца, располагаются меч, серп и молот, окаймленные лентой красной эмали с надписью в центре «НКВД». Серп и молот и рукоятка меча позолочены. Знак изготавливается из серебра».

Среди разведчиков первыми кавалерами этой высшей ведомственной награды стали: генерал-лейтенант Фитин — начальник советской внешней разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны; его заместитель генерал-лейтенант Судоплатов, возглавлявший одновременно в годы войны 4-е управление НКВД—НКГБ и руководивший партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу противника; разведчик-нелегал И. А. Ахмеров, активные разведчики Р. И. Инояттов и З. И. Воскресенская-Рыбкина, разведчица-нелегал А. Ф. Камаева-Филоненко.

13 марта 1954 года органы госбезопасности были выделены из состава органов внутренних дел в отдельное ведомство — Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Внешняя разведка вошла в состав КГБ в качестве Первого главного управления. Образование самостоятельного Комитета государственной безопасности потребовало со временем учреждения и особой чекистской награды, какими были в свое время знаки «Почетный чекист».

Приказом КГБ при СМ СССР от 6 декабря 1957 года к 40-летию юбилею органов ВЧК—КГБ для награждения особо отличившихся сотрудников был учрежден нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности». При этом следует отметить, что если основным элементом всех предыдущих знаков был меч («разящий меч диктатуры пролетариата», «карающий меч революции»), на новом знаке впервые появился второй важный элемент — щит (как новый атрибут, символ органов государственной безопасности, предназначенный для защиты Родины).

Награждение за конкретные достижения в работе нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» являлось особым отличием для разведчиков 1950—1980 годов и продолжалось вплоть до конца 1991 года.

В описании знака говорилось:

«Знак «Почетный сотрудник госбезопасности» представляет из себя слегка выпуклый фигурный щит, пересеченный вертикально мечом. В центре щита располагается позолоченная пятиконечная звезда с серпом и

молотом, обрамленная покрытой красной эмалью лентой с надписью «Почетный сотрудник госбезопасности». Знак изготавливается из оксидированного томпака».

В Положении о знаке «Почетный сотрудник госбезопасности» были предусмотрены следующие льготы для награжденных: внеочередное получение жилплощади в домах КГБ, а после увольнения — право пользования ведомственными поликлиниками и право ношения военной формы.

Кавалерами этого знака, продолжавшего именоваться на профессиональном слэнге сотрудников госбезопасности «Почетным чекистом», в разные годы стали такие замечательные разведчики-нелегалы, как В. Г. Фишер (Рудольф Абель), А. М. Коротков, Африка де Лас Эрас, Герой Советского Союза Г. А. Вартанян, Галина и Михаил Федоровы, член знаменитой «Кембриджской пятерки» разведчиков Ким Филби, видная разведчица М. И. Кирина, удостоенные в 1996 году звания Герой Российской Федерации Л. Р. Квасников, А. А. Яцков, В. Б. Барковский и А. С. Феклисов, а также многие другие сотрудники внешней разведки.

14 июля 1990 года, накануне 70-летия внешней разведки, для награждения наиболее отличившихся сотрудников Первого главного управления КГБ СССР был учрежден нагрудный знак «За службу в разведке».

Он представляет собой щит и меч (ставшие традиционными элементы органов государственной безопасности) из оксидированного медно-никелевого сплава (мельхиор) с размещенной на них стилизованной пятиконечной рельефной звездой из неоксидированного мельхиора.

На плоскости звезды круглая накладка из латунного сплава с рельефным кантом и выпуклыми надписями по окружности «За службу в разведке и ПГУ» (с августа 1993 года — СВР). В центре накладки выпуклое изображение земного шара, частично покрытого голубой эмалью, окаймленного оливковой и дубовой ветвями золотистого цвета. В верхней части накладки звездочка, покрытая красной эмалью. На обратной стороне порядковый номер знака.

Высота знака 48 мм, ширина — 35 мм.

С выделением внешней разведки в октябре 1991 года в самостоятельное ведомство, нагрудный знак «За службу в разведке» стал высшей ведомственной наградой — признанием и свидетельством профессиональных заслуг сотрудника Службы внешней разведки России.

Вместе со знаком «За службу в разведке» награжденному вручается удостоверение и выплачивается единовременное денежное вознаграждение.

Награжденные знаком «За службу в разведке» имеют право на первоочередность в улучшении жилищных условий, предоставлении садовых участков, обеспечении путевками в санатории и дома отдыха.

За истекший период более 500 сотрудников внешней разведки и ветеранов Службы получили эту почетную награду. Знак за № 1 был вручен выдающемуся разведчику Джорджу Блейку. Имена награжденных занесены на Доску славы Кабинета истории СВР России.

В связи с 70-летием внешней разведки ее сотрудники, прослужившие не менее пятнадцати лет, награждались также юбилейным нагрудным знаком «70 лет ИНО—ПГУ». В 1995 году, в связи с 75-летием внешней разведки, был учрежден юбилейный нагрудный знак «75 лет ИНО—ПГУ—СВР», а в 2000 году, в связи с 80-летием Службы, — юбилейный нагрудный знак «80 лет ИНО—ПГУ—СВР».

14 ноября 1995 года Директор СВР России подписал приказ об учреждении ведомственной медали «За отличие в военной службе» I, II и III степени для награждения сотрудников внешней разведки за безупречную службу по выслуге лет. Данная медаль заменила упраздненную в 1992 году ведомственную медаль «За безупречную службу» I, II и III степени.

В целях поощрения военнослужащих органов внешней разведки Российской Федерации за их профессиональные заслуги и многолетний добросовестный труд, Президент Российской Федерации издал 28 мая 1997 года Указ за № 530 «Об установлении почетного звания «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Рос-

сийской Федерации». Этим же указом утверждены положение о почетном звании «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» и описание нагрудного знака к почетному званию.

Следует отметить, что одновременно с введением почетного звания для сотрудников органов внешней разведки, указом Президента России были также установлены почетные звания «Заслуженный пограничник Российской Федерации» и «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации».

В положении о почетном звании «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» говорится:

«Почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» присваивается военнослужащим органов внешней разведки Российской Федерации за заслуги в защите безопасности страны от внешних угроз и состоящим на военной службе 15 и более лет в календарном исчислении».

Удостоенным этого почетного звания вручается нагрудный знак.

«Нагрудный знак из серебра высотой 40 мм и шириной 30 мм имеет форму овального венка. Венок образуется лавровой и дубовой ветвями. Перекрещенные внизу концы ветвей перевязаны бантом.

На верхней части венка располагается Государственный герб Российской Федерации.

На лицевой стороне в центральной части на венке наложен картуш с надписью — наименованием почетного звания Российской Федерации.

Форма нагрудного знака единая для всех почетных званий Российской Федерации.

На оборотной стороне имеется булавка для прикрепления нагрудного знака к одежде».

Таким образом, почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации», являясь государственной наградой, стало одновременно высшей формой профессионального отличия для сотрудников СВР.

В июне 1999 года Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О присвоении почетного звания «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации» первым четырем наиболее отличившимся сотрудникам СВР.

В целях совершенствования системы ведомственных наград и поощрений в апреле 2002 года приказом Директора СВР была учреждена медаль Службы внешней разведки Российской Федерации «За заслуги».

Медалью, являющейся ведомственной наградой СВР России, награждаются:

- сотрудники СВР, внесшие значительный вклад в организацию, осуществление и обеспечение разведывательной деятельности;

- лица, внесшие большой личный вклад в укрепление и развитие взаимодействия с СВР России;

- лица, оказывающие существенное содействие СВР России в деле обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

Медаль СВР России «За заслуги» изготавливается из мельхиора и имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали — рельефное изображение эмблемы СВР России: в центре образованной штралами пятиконечной звезды медальон со схематичным изображением земного шара, по полю голубой эмали изображены параллели и меридианы; земной шар обрамляет выпуклая надпись «Отечество Доблесть Честь»; поле надписи от штралов отделено рантом, нижние концы звезды прикрыты лентой с эмалью цветов государственного флага Российской Федерации; снизу под концами звезды ветви: справа — лавровая, слева — дубовая.

На оборотной стороне медали по окружности надпись «Служба внешней разведки Российской Федерации», в центре — «За заслуги».

Все надписи и изображения на медали выпуклые. Края медали окаймлены бортиком с обеих сторон.

Медаль при помощи ушка и кольца крепится к пятиугольной колодке, обтянутой шелковой муаровой лентой с полосками: желтой — 1,5 мм, голубой — 9 мм, желтой — 1,5 мм, красной — 4 мм, белой — 4 мм и красной — 4 мм. Ширина ленты 24 мм.

На протяжении всей истории существования нашего государства сотрудники его внешней разведки вели напряженную борьбу на незримом фронте. В этой борьбе были и свои герои, о которых общественность узнает лишь спустя многие годы. Но скромный знак профессионального отличия на штатском костюме ветерана может лучше всяких слов свидетельствовать о том немалом вкладе, который внес этот человек в дело обеспечения безопасности Отечества.

Приложение 2

Организационные формы внешней разведки

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР	20.12.1920—06.02.1922
Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР	06.02.1922 — 02.11.1923
Иностранный отдел (ИНО) Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР	02.11.1923—10.07.1934
Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР	10.07.1934—25.12.1936
7-й отдел ГУГБ НКВД СССР	25.12.1936—09.06.1938

5-й отдел Первого управления НКВД СССР	09.06.1938—29.09.1938
5-й отдел ГУГБ НКВД СССР	29.09.1938—03.02.1941
I управление НКГБ СССР	03.02.1941—20.07.1941
I управление НКВД СССР	20.07.1941—14.04.1943
I управление НКГБ СССР	14.04.1943—15.03.1946
Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР	15.03.1946—30.05.1947
Комитет информации (КИ) при СМ СССР	30.05.1947—29.01.1949
КИ при МИД СССР	29.01.1949—02.11.1951
ПГУ МГБ СССР	02.11.1951—05.01.1953
1-е управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР	05.01.1953—05.03.1953
Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР	05.03.1953—13.03.1954
Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР	13.03.1954—05.07.1978
ПГУ КГБ СССР	05.07.1978—22.10.1991
Центральная служба разведки (ЦСР) СССР	22.10.1991—18.12.1991
Служба внешней разведки (СВР) РСФСР	18.12.1991—25.12.1991
Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации	с 25.12.1991

Приложение 3

Руководители внешней разведки

20.12.1920—20.01.1921	Давыдов (Давтян) Яков Христофорович (исполняющий обязанности)
20.01.1921—10.04.1921	Катанян Рубен Павлович
10.04.1921—06.08.1921	Давыдов (Давтян) Яков Христофорович
06.08.1921—13.03.1922	Могилевский Соломон Григорьевич
13.03.1922—27.10.1929	Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович
27.10.1929—01.12.1929	Мессинг Станислав Адамович (исполняющий обязанности)
01.12.1929—01.08.1931	Мессинг Станислав Адамович
01.08.1931—21.05.1935	Артузов (Фраучи) Артур Христианович
21.05.1935—17.02.1938	Слуцкий Абрам Аронович
17.02.1938—09.06.1938	Шпигельглас Сергей Михайлович (исполняющий обязанности)
09.06.1938—02.11.1938	Пассов Зельман Исаевич

02.11.1938—02.12.1938	Судоплатов Павел Анатольевич (исполняющий обязанности)
02.12.1938—13.05.1939	Деканозов Владимир Георгиевич
13.05.1939—15.06.1946	Фитин Павел Михайлович
15.06.1946—07.09.1946	Кубаткин Петр Николаевич
07.09.1946—19.09.1949	Федотов Петр Васильевич
19.09.1949—05.01.1953	Савченко Сергей Романович
05.01.1953—05.03.1953	Питовранов Евгений Петрович
05.03.1953—28.05.1953	Рясной Василий Степанович
28.05.1953—17.07.1953	Коротков Александр Михайлович (исполняющий обязанности)
17.07.1953—23.06.1955	Панюшкин Александр Семенович
23.06.1955—12.05.1956	Сахаровский Александр Михайлович (исполняющий обязанности)
12.05.1956—15.07.1971	Сахаровский Александр Михайлович

15.07.1971—13.01.1974

Мортин
Федор Константинович

13.01.1974—26.12.1974

Крючков
Владимир Александрович
(исполняющий обязанности)

26.12.1974—01.10.1988

Крючков
Владимир Александрович

01.10.1988—06.02.1989

Кирпиченко
Вадим Алексеевич
(исполняющий обязанности)

06.02.1989—22.09.1991

Шебаршин
Леонид Владимирович

22.09.1991—30.09.1991

Гургенов
Вячеслав Иванович
(исполняющий обязанности)

30.09.1991—09.01.1996

Примаков
Евгений Максимович

10.01.1996—20.05.2000

Трубников
Вячеслав Иванович

20.05.2000—н/в

Лебедев
Сергей Николаевич

Приложение 4

ПЕРЕЧЕНЬ
спецзваний начальствующего состава
органов НКВД—НКГБ СССР и их соответствие
воинским званиям начальствующего
состава Красной Армии (1935—1945)

НКВД—НКГБ СССР	Красная Армия
1. Сержант госбезопасности	лейтенант
2. Младший лейтенант госбезопасности	старший лейтенант
3. Лейтенант госбезопасности	капитан
4. Старший лейтенант госбезопасности	майор
5. Капитан госбезопасности	подполковник
6. Майор госбезопасности	полковник
7. Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности)	генерал-майор
8. Комиссар государственной безопасности 3 ранга	генерал- лейтенант
9. Комиссар государственной безопасности 2 ранга	генерал- полковник
10. Комиссар государственной безопасности 1 ранга	генерал армии
11. Генеральный комиссар государственной безопасности	Маршал Советского Союза

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЗПАК	— Азиатско-Тихоокеанский совет
АН	— Академия наук
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ	— Высший совет народного хозяйства
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГДР	— Германская Демократическая Республика
ГКО	— Государственный Комитет Оборона
ГПУ	— Государственное политическое управление
ГРУ	— Главное разведывательное управление
ГУГБ	— Главное управление государственной безопасности
ИНО	— Иностраннный отдел
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
КГБ	— Комитет государственной безопасности
КИ	— Комитет информации
КПГ	— Коммунистическая партия Германии
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
КРО	— Контрразведывательный отдел
МВД	— Министерство внутренних дел
МГБ	— Министерство государственной безопасности
МИД	— Министерство иностранных дел
МОПР	— Международная организация помощи рабочим
НАТО	— Организация Североатлантического договора
НВО	— «Независимое военное обозрение»
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	— Народный комиссариат государственной безопасности
НКО	— Народный комиссариат обороны
НКВД	— Народный комиссариат иностранных дел
НТР	— Научно-техническая разведка
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ОМСБОН	— Отдельная мотострелковая бригада особого назначения
ПГУ	— Первое главное управление
РВС	— Революционный военный совет
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС	— Русский общевоинский союз
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РСХА	— Главное управление имперской безопасности
РФ	— Российская Федерация
СВР	— Служба внешней разведки
СЕПГ	— Социалистическая единая партия Германии
СИДЕ	— Государственная информационная служба (контрразведка) Аргентины
СМ	— Совет Министров
СНК	— Совет Народных Комиссаров
СОУ	— Секретно-оперативное управление
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
СТО	— Совет Труда и Оборона
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза

УНКВД	— Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНКГБ	— Управление Народного комиссариата государственной безопасности
ФРГ	— Федеративная Республика Германии
ЦИК	— Центральный Исполнительный Комитет
ЦК	— Центральный Комитет
ЦРУ	— Центральное разведывательное управление
ЦСР	— Центральная служба разведки

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абель Р. И. — 45, 117, 153, 176, 180, 222, 246, 286, 298.

«Августа» — 9, 73—74.

Агаянц И. И. — 130.

Агелоф Сильвия — 272.

Алимов Карим — 225.

Алимова И. К. — 12, 225—232.

Аллахвердов М. А. — 108, 295.

«Альта» — 9—10.

Андропов Ю. В. — 261.

«Ариец» — 9.

Артузов А. Х. — 27, 29, 295, 304.

Астахов Павел — 215.

Афанасьев Алексей — 14.

Африка — 141—142.

Ахмеров И. А. — 297.

Базаров Б. Я. — 295.

Барковский В. Б. — 288, 298.

Батраев Б. Н. — 15, 267—269, 277.

Батраева З. Н. — 263—267, 277.

Бахметьев Лев — 166.

Белан Ольга — 261.

Бентли Элизабет — 175—176.

Блейк Джордж — 49, 122, 147, 299.

Богомолов, посол — 202.

Бок фон, фельдмаршал — 168.

«Брайен» — 77.

«Брайтенбах» — 44, 71—72, 182.

Браудер Эрл — 39—40.

Браун Вернер фон — 71.

Бредель В. — 213.

«Бриг» — 194—196.

Брук Дж. — 124.

Быстролетов Д. А. — 45.

Вайперт Э. — 213.

Вардо — 56, 68—72.

Вартанян Г. А. — 15, 127, 130—140, 298.

Вартанян Г. Л. — 15, 127, 132—140.

Василевская Ванда — 104.

Васильев — 99, 103.

Вертинский Александр — 22—23.

Вест — 246—260.

Веста — 246—260.

Вильман С. А. — 89.

Винн Гревилл — 124.

Винников Василий — 18.

Винникова Н. В. — 17.

Виноградова Евдокия — 154.

Виноградова Мария — 154.

«Винтерфельд» — 72.

Воскресенская З. И. — 79—95.

Воскресенская-Рыбкина З. И. — 79, 219, 221, 297.

Вольф Маркус — 213, 222.

Вольф Фридрих — 213.

Врангель, генерал — 22, 23.

Гаевский, помещик — 56.

Геворк — 127.

Геринг Г. — 86, 214—215.

Гитлер — 35, 70, 85, 98, 128, 158.

Гитлоу — 52.

Гоар — 127.

Голеневский Михаил — 118, 119.

Голос Яков — 77.

Гордиевский Олег — 254, 261.

Горская — 58, 62.

Графпен Г. Б. — 46.

Грачев Иван — 160, 166, 171.

Гриднев — 158.

Громов Л. В. — 88.

Гудимович П. И. — 96, 98—100.

Давтян (Давыдов) Я. Х. — 304.

Даллес Аллен — 47, 77, 153.

Даллес Дж. Фостер — 206.

Данек — 100.

Де Грамон Санш — 153.

Дейч Арнольд — 46, 49.

Деканозов В. Г. — 106, 305.

Де Лас Эрас Африка — 141—146, 151—152, 298.

Де Лас Эрас Мануэль, генерал — 142.

Де Лас Эрас Хименес — 142.

«Джипси» — 40—48, 51—54.

Джхара — 39.

Дзержинский Ф. Э. — 202, 292.

Доватор Л. М. — 171.

Дубенский Богдан — 166.

Дьяконов П. П. — 69—70.

Ежов Н. И. — 98, 213.

Елизавета II — 118, 124.

Елисеев П. Н. — 203.

Ермолаев Анатолий — 159, 163, 167, 170—171.

Жанна — 184, 189—196.
Жуков Г. К. — 158, 172, 215, 283.
Журавлев Борис — 75.
Журавлев П. М. — 80, 85, 107.

Задков Михаил — 160, 163, 166, 171.
Зарубин В. М. — 41, 53, 58—78.
Зарубина Е. Ю. — 10, 44, 56—58, 62—78.
«Зенхен» — 97.
Зорге Рихард — 7, 222.
Зубилин — 76.
Зубов П. Я. — 295.

Иван — 100, 102, 104—106.
Ильген, генерал-майор — 11.
Иноятов Р. И. — 297.
Ирина — 79.

Казанков Андрей — 163, 170—171.
Казутин Владимир — 81.
Калинин М. И. — 54.
Каляда Н. З. — 88—89.
Камаева Анна — 154—158, 172—173, 297.
Канарис, адмирал — 128.
Карильо Сантьяго — 142.
Квасников Л. Р. — 77, 298.
Кедров, адмирал — 33.
Кеннеди Дж. — 288.
Кернкросс Джон — 46.
Кин — 84.
Кирич Иван — 209.
Кирина М. И. — 209—224, 298.
Кирпиченко В. А. — 277, 306.
Кобулов Амаяк — 99.
Кобулов Богдан — 99.
Ковальский Петр — 25.
Ковпак — 145, 173.
Козинцев Г. — 226.
Коллонтай А. М. — 93.
Кондрашов Александр — 7.
Коротков А. М. — 182, 187, 192, 218, 227—228, 298.
«Корсиканец» — 85—87.
Космодемьянская Зоя — 10.
Козн — 253.
Козн Леонтина — 10, 14, 110—117, 125.
Козн Моррис — 14, 110—114, 125.
Крамер — 252, 255.
Кривицкий Вальтер — 52.

Крогер Питер — 117—124.
Крогер Хелен — 117—124.
Крон фон, майор — 6.
Крутлов С. Н. — 55.
Крючков В. А. — 223, 306.
Кувшинов Федор — 161, 163, 170—171.
Кузнецов Н. И. — 11.
Кусонский, генерал — 33.
Кутепов, генерал — 22, 28, 70.

Лашкул Вячеслав — 9.
Леваневский — 104.
Лебедев С. Н. — 306.
Леман Вилли — 44, 71—72, 182.
Лиза — 58.
Линкс — 252.
Лиознова Татьяна — 182.
Липкина А. — 18, 20.
Лисовская Лидия — 11—12.
Лона — 110.
Лонсдейл Гордон — 117—121, 124.
Лопес Р. И. — 275.
«Лучистый» — 44.

Майоров В. М. — 244—246, 261—262.
Майорова Л. В. — 244—246, 261—262.
Маклейн Дональд — 46—53, 55.
Маленков Г. М. — 55.
Малли Теодор — 45.
Малыгина Тамара — 159, 161.
Мария — 101—107.
Маркин Павел — 166.
Маркина Г. И. — 186.
«Марко» — 148—150.
«Марта» — 9.
Мата Хари — 6.
«Мать» — 272.
Мая — 65.
Медведев Д. Н. — 10, 143—145, 173.
Мейснер Д. — 22.
Мейснер — 44.
Менжинский В. Р. — 293.
Меркадер Карилад — 272, 275.
Меркадер Рамон — 173, 271—272, 275.
Меркулов В. Н. — 74, 105.
Месконис Ладислао — 244.
Микота Мария — 11.

Миллер, генерал — 17, 22, 28—35.
Мильке Эрих — 222.
Модржинская Е. Д. — 10, 96,
101—109.
Молодцов В. А. — 10.
Молодой Конон — 117, 124.
Молотов В. М. — 85, 175.
Молчанов К. П. — 89.
Мордвинов Г. И. — 80.
Мэрлинг Мелинда — 52—53.

Надежда — 202—207.
«Наследство» — 44.
Николай — 101.
Николай II — 17, 21.
Никсон Ричард — 207.

Оганес — 132.
«Олфсен» — 77.
Оппенгеймер Роберт — 77.
Орлов Александр — 112, 143.
Ортель фон — 11.

Павлов В. Г. — 102, 125, 191, 221.
Панюшкин А. С. — 109, 305.
Парпаров Ф. К. — 9, 41, 73, 217.
«Патрия» — 141, 143, 146—150.
Паукер Анна — 57.
Паулюс Фридрих, фельдмаршал —
215.
Петке Владислав — 110.
Платтен Фриц — 212.
Плевицкая Н. В. — 17—35.
Попов Л. Х. — 293.
Попова М. И. — 293.
Правдин Виктор — 166.
Примаков Е. М. — 306.
Пузицкий С. В. — 292.

«Раймонд» — 272—274.
Реза-шах Пехлеви — 128.
Римингтон Стелла — 13.
Ришар Марта — 6.
Розенберг — 86.
Розенцвейг Е. Ю. — 56.
Розенцвейг Юлий — 56.
«Ронд» — 77.
Россель Чарльз — 15, 229.
Ротмистров — 159.
Рощин Василий — 41.
Рузвельт — 76, 127.
Рыбкин Б. А. — 82—84, 93—94.

Савельев Михаил — 162.
Савельева Паша — 10—11.
Савин — 34.
Садык Хатыча — 234, 238.
Садык Энвер — 232—234, 236.
Сафонов Федор — 159, 161—162,
165, 169, 171.
Сахаровский А. М. — 305.
Семенов С. М. — 77, 112.
Семенов Юлиан — 71.
Сеп — 189—195.
Серебрянский Яков — 156.
«Сильвестров» — 25—26, 28.
Сисулу Линдиве Нонсеба — 14.
Скоблин Н. В. — 21—34.
Скорцени Отто — 11, 136—137.
Слуцкий А. А. — 33, 304.
Смит Джон — 42.
Собинов Леонид — 17, 20.
Сосульский Александр — 166.
Спассовский Ладислав — 104.
Сталин И. В. — 75, 85, 127, 213,
272.
«Старшина» — 85—87.
Стехов — 144, 146.
Стресснер Альфредо — 179.
Судаков — 20.
Судоплатов П. А. — 80, 85, 88, 94,
156, 297.
Суриц — 104.
Силард — 77.
Сыроежкин Г. С. — 292.

Такке Эрих — 40—41, 44—45.
Талалихин В. В. — 171.
«Таня» — 10, 166.
Тарас — 40.
Татьяна — 269—276.
Тимошенко, маршал — 105.
Тирпиц, гросс-адмирал — 85.
Тихонов Вячеслав — 154, 182.
Том — 272.
Трепман — 100.
Трилиссер М. А. — 304.
Троцкий Лев — 30, 156, 173, 271.
Трубников В. И. — 306.
Трумэн Г. — 178, 281.
Туркул, генерал — 30.

«Фармацевт» — 134.
Фатиш — 101.
Федоров А. П. — 292.

Федоров М. В. — 15, 184—186, 189—200, 298.
Федорова Г. И. — 8, 12, 15, 184, 186—188, 197—200, 298.
Феклисов А. С. — 77, 298.
«Фермер» — 27—31.
«Фермерша» — 27—31.
Филби Ким — 46, 97, 126, 298.
Филоненко Анна — 12, 15, 154—155.
Филоненко Михаил — 15, 154, 158—183.
Фиппс, посол — 73.
Фитин П. М. — 53, 80, 96, 99, 101, 103, 148.
Фишер Вильям — 45, 117, 153, 176.
Фукс Клаус — 77, 176.

Халеф — 225, 232, 234—241.
Хамзин Ш. А. — 231, 242—243.
«Ханум» — 69, 72.
Харнак Арвид — 85.
Харрис Китти — 10, 36—40, 54—55.
Хрушев Н. С. — 55, 109, 206.

Чебурашкин Н. И. — 201.
Чебурашкина Е. Н. — 12, 201—208.
Черчилль — 127, 175, 281.
Чечеткина Ольга — 212, 213.

Шаляпин Федор — 17, 20.
Шатилов, генерал — 30.
Шебаршин Л. В. — 306.
Шелия Рудольф фон — 9.
Шелленберг — 129.
Шпигельглас Сергей — 29, 156, 304.
Штёбе Ильзе — 9.
Штирлиц — 71, 154, 182.
Шуленбург Вернер фон — 87—88.
Шульце-Бойзен Харро — 85.

Эйнгорн А. О. — 40.
Эйтингон Н. И. — 156, 272.

«Юна» — 9.

Ярцев — 82—84.
Ярцева — 84, 87, 93.
Яцков А. А. — 77, 116, 298.

БИБЛИОГРАФИЯ

Очерки истории российской внешней разведки. Т.3, 4. М.: Международные отношения, 1997.

Афанасьев А. В закрытых ведомствах свои сквозняки // Независимое военное обозрение. 2001. № 26.

Белан О. Нелегалы на связь не выходят // Декамерон. 2000. № 1.

Бережков В., Пехтерева С. В. Женщины-чекистки. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Бороган И. Жена невидимого фронта // Версия. 2002. № 11.

Бочкарев В., Колпакиди А. Суперфрау из ГРУ. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М.: Современник, 1997.

Воскресенская З. «Теперь я могу сказать правду» (Тайна Зои Воскресенской). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Вычужанин С. ОГПУ против РОВС // Новости разведки и контрразведки. 2002. № 5—6.

Гоголь В. Бомба для Сталина. М.: Воскресенье, 1993.

Дамаскин И. Разведчицы и шпионки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Дамаскин И. Разведчицы и шпионки-2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Дамаскин И. Семнадцать имен Китти Харрис. М.: Гей итерум, 1999.

Дамаскин И. Сто великих разведчиков. М.: Вече, 2001.

Дамаскин И., Кошель П., Ржешевский О. Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия для школьников. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Диенко А. Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М.: Русский мир, 2002.

Долгополов Н. Правда полковника Абея. М.: Весть, 1995.

Долгополов Н. Они украли бомбу для Советов. М.: XXI век — Согласие, 2000.

Долгополов Н. С ними можно идти в разведку. М.: Воскресенье, 2002.

Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС; 2000.

Зданович А. Свои и чужие — интриги разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ЗАО «Масс Информ Медиа», 2002.

Кассис В., Колосов Л. Тринадцать новелл о советских разведчиках. М.: АО «Международная книга», 1992.

Кирпиченко В. Из архива разведчика. М.: Международные отношения, 1993.

Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М.: Гей, 1998.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Колпакиди А., Прохоров Д. Все о внешней разведке. М.: ООО «Издательство «Олимп»; ООО «Издательство АСТ», 2002.

Кондрашов А. Атомная шпионка // АиФ. 2000. № 31.

Крогер Х., Крогер П., Лонсдейл Г. Письма из тюрем Ее Величества. М.: Центр изучения общественных прикладных проблем Александра Жилина, 2001.

Кузнец Ю. «Длинный прыжок» — в никуда. М.: Финансы и статистика, 1996.

Мартынов В. Явка в Копенгагене. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа. М.: ИПК «Московская правда», 1992.

- Млечин Л.* Алиби для великой певицы. М.: ТОО «Гея», 1997.
- Огнев А.* Шоумен в истерике ради Америки // Советская Россия. 2004. 10 апр.
- Одноколенко О.* Вальс с Шуленбургом // Итоги. 2001. № 18.
- Павлов В.* Трагедии советской разведки. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2000.
- Павлов В.* Женское лицо разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- Полмар Н., Аллен Т.* Энциклопедия шпионажа. М.: «Крон-пресс», 1999.
- Прянишников Б.* Незримая паутина. М.: Яуза, 2004.
- Россель Ч.* Разведка и контрразведка. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943.
- Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.
- Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Умеренков Е., Чижиков М.* Резидент приказал Чебурашкиной: «За три месяца стань итальянкой!» // Комсомольская правда. 2001. 10 янв.
- Федорова Г., Федоров М.* Будни разведки. М.: ДЭМ, 1994.
- Федоров М., Федорова Г.* Вся жизнь конспирация. История семьи нелегалов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Чиков В.* Нелегалы. М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1997.
- Шарапов Э.* Две жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Женщины и разведка (<i>Вместо предисловия</i>)	6
«Русский жаворонок» советской разведки	17
Связная «Кембриджской пятерки»	36
Вардо — офицер нелегальной разведки	56
Под псевдонимом Ирина	79
Разведчица и ученый	96
Герой России Леонтина Козн	110
Гоар — это значит «сокровище»	127
Полковник Африка	141
Радистка Кэт из Подмосковья	153
Нелегал Жанна	184
Влюбленная в Италию	201
Рядовая советской разведки	209
В Стране цветущих хризантем	225
Нелегалы на связь не вышли	244
Разведчица, жена резидента	263
В разведке ее звали Анна	278

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1. Награды разведки</i>	289
<i>Приложение 2. Организационные формы внешней разведки</i> . . .	302
<i>Приложение 3. Руководители внешней разведки</i>	304
<i>Приложение 4. Перечень спецзваний начальствующего состава органов НКВД—НКГБ СССР и их соответствие воинским званиям начальствующего состава Красной Армии (1935—1945)</i>	307
Принятые сокращения	308
Именной указатель	310
Библиография	314

Антонов В. С., Карпов В. Н.

А 72 Разведчицы. — М.: Молодая гвардия, 2004. — 316[4] с.: ил. — (Дело №...).

ISBN 5-235-02750-7

Книга основана на рассекреченных архивных материалах Службы внешней разведки России и посвящена женщинам-разведчицам и агентам, выполнявшим задания внешней разведки органов государственной безопасности. Они действовали в Европе накануне Второй мировой войны и на территории СССР, временно оккупированной гитлеровской Германией, в годы «холодной войны» работали в различных странах мира, добывая важнейшую военно-политическую и экономическую информацию. Мужественные и отважные, умные и решительные, обладающие красотой и женским обаянием — они доказали, что ни в чем не уступают коллегам-мужчинам, а иногда и превосходят их.

**УДК 355.34-055.2
ББК 67.401.212**

**Антонов Владимир Сергеевич,
Карпов Владимир Николаевич
РАЗВЕДЧИЦЫ**

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пылкова**
Корректор **Л. М. Логунова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 20.07.2004. Подписано в печать 07.10.2004. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 44078.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-02750-7

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Крете

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ
В ГОДЫ ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

Э. Буйновский

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ РАКЕТЧИКОВ И КОСМОНАВТОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕННЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

М. Вострышев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИИ В ЗАСЕДАНИЯХ МИРОВОГО СУДА
И РЕВТРИБУНАЛА. 1860—1920»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Аникович

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> © book@gvardiya.ru

ДЕЛО

